

ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРИЧИНЫ

ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРИЧИНЫ

Под редакцией
заслуженного деятеля науки России,
доктора юридических наук, профессора Ю.М. Антоняна

Москва • Логос • 2010

УДК 3
ББК 6/8
Э41

Авторы

Ю.М. Антонян (введение, глава 5, § 4–6, глава 6, § 1–2, вместо послесловия); *А.В. Ростокинский* (глава 1);
Я.И. Гилинский (глава 2); *И.Ю. Сундиев* (глава 3);
В.В. Аванесян (глава 4); *Е.Н. Юрасова* (глава 5, § 1–3);
М.Д. Давитадзе (глава 6, § 1–2); *В.И. Шиян* (глава 6, § 1–2);
Л.А. Айвар (глава 6, § 3); *И.Л. Трунов* (глава 6, § 3)

Э41 **Экстремизм и его причины** / под ред. Ю.М. Антоняна. — М.: Логос, 2010. — 288 с.

ISBN 978-5-98704-502-2

Представлен общий взгляд на состояние экстремизма в России. Рассмотрен феномен ксенофобии и преступлений ненависти. Проанализированы экстрим и экстремизм в контексте трансформации личности. Изложено понимание геноцида как крайнего проявления экстремизма. Освещены психологические и уголовно-правовые проблемы экстремизма.

Для философов, психологов, социологов, представителей других наук о человеке. Может использоваться в деятельности государственных учреждений и общественных организаций, противостоящих экстремизму.

УДК 3
ББК 6/8

ISBN 978-5-98704-502-2

© Авторы, указанные на обороте титульного листа, 2010
© Институт гуманитарного образования и информационных технологий, 2010
© Логос, 2010

Оглавление

Введение	8
Глава 1. Общий взгляд на состояние экстремизма в России	10
1.1. Социология экстремальности и криминологические характеристики экстремизма в современной России	10
1.2. Самоорганизация и организация в экстремистской деятельности. Фанатские группировки как первичные организационные структуры	37
Глава 2. Ксенофобия и преступления ненависти	64
2.1. Человек, агрессия, насилие	64
2.2. Экстремизм в контексте насилия в современной России	74
Глава 3. Экстрим и экстремизм как трансформация личности	92
3.1. Терминологическое сходство и концептуальные различия	92
3.2. Глобальные и локальные тенденции экстремизма	102
Глава 4. Геноцид как крайнее проявление экстремизма	111
4.1. Геноцид: история и современность	112
4.2. Личность преступника, совершающего геноцид	125
4.3. Предупреждение геноцида	132
Глава 5. Психологические проблемы экстремизма	137
5.1. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму	137
5.2. Механизмы формирования личности, склонной к ксенофобии и экстремизму	153
5.3. Эмпирическое исследование лиц, склонных к ксенофобии и экстремизму	164
5.4. Архетип «чужой» и его криминогенная роль	178
5.5. Враги	192
5.6. Психология толпы как один из источников экстремизма	203

Глава 6. Уголовно-правовые проблемы экстремизма	220
6.1. Общие проблемы уголовной ответственности за экстремистские преступления	220
6.2. Организационные проблемы уголовной ответственности за экстремистские преступления	233
6.3. Правовые основы возмещения вреда, причиненного экстремистской деятельностью	248
Вместо послесловия. Псевдонаучные попытки обеления нацизма в современной России	262
Литература	270

Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, что и другие (конформизм), либо делает то, что другие хотят от него (тоталитаризм).

Виктор Франкл

Введение

Нет никаких оснований утверждать, что сейчас, в начале XXI столетия, в России отмечается небывалый размах экстремизма — он у нас в стране был практически всегда. Еще до октябрьского переворота 1917 г. Российской империю захлестнул вал террора — народовольцев, эсэров, большевиков и т.д. Гражданская война после переворота — тоже экстремистская ситуация, время терроризма и убийств. Ленинские и особенно сталинские массовые репрессии, голод, коллективизация, расстрелы без суда, Великая Отечественная война со всеми ее последствиями — сверхэкстремизм. Правда, он существенно ослаб после смерти Сталина, но ведь страна продолжала жить в экстремальных условиях тотального коммунистического режима.

Нельзя сказать, что экстремизм исчез в перестроечный и пост-перестроечный периоды. Напротив, особенно последний обнажил конфликты, о которых общество не подозревало или не полагало, что они могут столь негативно отразиться на нем. Сейчас экстремизм привлекает всеобщее внимание, существенно расширены рамки уголовного закона за экстремистское поведение, принят специальный закон об экстремизме, об этом явлении очень часто и много пишут в нашей прессе, от которой не отстают радио и телевидение. Все это не случайно, однако многие вопросы все еще остаются неясными и к ним относятся такие, какова природа и каковы причины этого опаснейшего явления, а отсюда — как, какими средствами, какими мерами бороться с ним. В том, что это явление относится к числу опаснейших, нет никакого сомнения, если в первую очередь вспомнить, что мы живем в многонациональной и многоконфессиональной стране.

В 2006–2007 гг. число экстремистских преступлений, квалифицируемых по ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, возросло более чем вдвое по сравнению с 2003 г.

Авторы настоящей монографии посвятили научному изучению экстремизма не один год, они не только имели дело с цифрами или публикациями о нем, но и обследовали «вполне живых» экстремистов.

Мы попытались в этой книге ответить на вопросы, почему в стране, которая так пострадала от фашизма, столь живучи нацистские и расистские идеи, почему у нас распространена фашистская символика, а в центре Москвы, в магазинах продаются художественные изображения Гитлера. Почему в России такие масштабы получили молодежный, спортивный, музыкальный и иной экстремизм, движение скинхедов и прочей нечисти и почему их апологетов так трудно привлечь к уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства или за иное экстремистское преступление? Почему у нас так легко и просто продается антисемитская литература, причем не только на уличных книжных развалах, но и в магазинах, в том числе мерзкие «творения» некоего Г. Климова, судя по всему, человека с существенными интеллектуальными дефектами? Как случилось, что была убита восьмилетняя девочка-таджичка, потому что она таджичка, и шестилетняя девочка-цыганка, потому что она цыганка?

Мы постараемся дать на эти вопросы научно обоснованные и максимально объективные ответы.

Глава 1. Общий взгляд на состояние экстремизма в России

1.1. Социология экстремальности и криминологические характеристики экстремизма в современной России

Термин «экстремизм» обозначает приверженность крайним взглядам и радикальным мерам, а также реализацию этих мер. Как правило, экстремизм проявляется в отрицании существующих политических и правовых норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов организации политических систем, стремлении к подрыву политической стабильности, низвержению существующей власти и действующих порядков. Несмотря на то, что приверженцы крайних взглядов и соответствующих мер существовали на всем протяжении истории человечества, широкое распространение данный термин получил лишь в первой половине XX века. Впервые экстремистами стали именовать сторонников партии Индийский национальный конгресс, выступавших за полную независимость Индии.

Появление данного термина в отечественном законодательстве связано с ратификацией Федеральным Собранием Российской Федерации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 2001), которая определяет экстремизм как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»¹. Еще более данное определение было расширено с принятием Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Федеральный закон № 114-ФЗ) и его последующих редакций².

В связи с этим определенный интерес представляет восприятие экстремизма гражданами. В ходе исследования, проведенного специалистами Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН, а также лаборатории проблем переходных обществ и профилактики девиантного поведения (2001–2002 гг.), от студентов Ростова-на-Дону были получены следующие определения экстремизма (по убывающей): «насилие на основе неприязни к другой национальности», «нетерпимость во всех ее проявлениях», «достижение цели радикальными методами», «пропаганда насилия», «проявление крайних, радикальных настроений людей, выражающихся в открытых протестах, в выступлениях и в нарушениях прав и свобод индивидов», «проявление национальной и религиозной неприязни в крайних формах» и т.п.

Такое разнообразие взглядов свидетельствует, в числе прочего, о том, что сегодня рассматриваемое явление проникло во все сферы общественных отношений – этнические, религиозные, социальные, политические, бытовые, экономические – и оказывает существенное влияние на общественное сознание, а через него – на различные общественно опасные проявления. Последние приобретают специфическую окраску острого конфликта, противостояния.

От специалистов (преподавателей, прокуроров и судей) в ходе исследования были получены следующие определения экстремизма: «общественно-политическая идеология; образ мышления, политическое явление или форма политической активности, предполагающая выход за общепринятые в данном социуме и в данной политической системе рамки, иногда – насилие», «использование насилия или призывов к нему для достижения политических интересов», «крайние взгляды и действия, выходящие за рамки законности», «идеология и практическая деятельность, ориентированная на решение социальных проблем насильственными средствами и исключая при этом компромисс», «стремление с помощью радикальных и насильственных мер решать проблемы общества»³.

Допустимо предположить, что и приверженность радикальным взглядам, и совершение преступлений, как экстремальных по своему правонарушений, являются формами более широкого социального явления, называемого экстремальностью. В частности, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров определяют данное качество как «сущностную характеристику молодежи <...> различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на

групповом и индивидуально-личностном уровнях. Наиболее распространенными формами экстремальности являются индивидуальные и групповые настроения, представляющие собой преобладающий чувственный и рациональный уровни сознания молодежи. На полюсах экстремальных настроений крайними состояниями являются фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние»⁴.

Очевидно, что такие состояния проявляются во всех сферах жизнедеятельности прежде всего молодежи – в образовании, труде, бизнесе, политической жизни, досуге, находят место в отношениях с представителями других социальных групп – политических, национальных, религиозных. Обычно экстремальность лежит в основе девиантного поведения, но при некоторых условиях может проявиться и в делинквентном (противоправном) поведении, включая совершение преступлений по мотивам вражды и ненависти к определенным социальным общностям. В настоящее время в различных сферах жизни российской молодежи исследователи отмечают значительный рост проявлений экстремальности⁵ (табл. 1).

Рост экстремальности, проявляющийся в повседневной жизни, как правило в рисковом (девиантном) поведении, выступает предпосылкой как делинквентного (правонарушающего), так и виктимного поведения, а также специфических увлечений, в том числе необычными видами деятельности, экстремальными видами спорта, различными радикальными идеями. В сфере пересечения экстремальности, делинквентности и радикальных идей, как правило, и возникают специфические экстремистские, хулиганские и террористические мотивы совершения правонарушений: вражда и ненависть к некоторым социальным группам и общностям (рис. 1).

Но если в учебе, труде и в общественно-политической жизни экстремальность проявляется преимущественно в форме нигилистического отрицания существующих институтов и правовых форм, то в сфере досуга встречаются как радикальный фанатизм и склонность к риску, так и нигилистическое «избегание усилий»: употребление алкоголя, наркотиков, виртуальные игры и т.п.

Экстремальность, граничащая с фанатизмом в личностном самоопределении молодежи, присуща 15% опрошенных (без изменения к 2002 г.), в вопросах выбора жизненной стратегии рискованные варианты выбрали 23,5%⁶.

Таблица 1

Рост проявлений экстремизма в различных сферах жизни молодежи

Сферы жизни проявления экстремальности	2002 г., %	2006 г., %	Изменения, +%
Образование			
Фанатизм (сверхувлеченность)	*	*	**
Нигилизм («обязаловка»)	3,9	9,3	+138,5
Труд			
Фанатизм (сверхувлеченность)	*	*	**
Нигилизм («обязаловка»)	5,3	7,8	+47,2
Бизнес			
Фанатизм («деньги любой ценой»)	9,7	12,5	+28,9
Нигилизм («самоценность богатства»)	7,6	9,9	+30,3
Политическая жизнь			
Нигилизм («никому не доверяю»)	4,8	9,3	+93,8
Досуг			
Фанатизм-1 (участие в фанатских объединениях)	20,9	29,3	+40,2
Фанатизм-2 (увлеченность экстремальными видами спорта и досуга)	12,8	17,8	+39,1
Нигилизм (употребление алкоголя как важный и очень важный элемент досуга)	34,3	34,5	**

П р и м е ч а н и е. * Статистически незначимые величины. ** Без изменений.

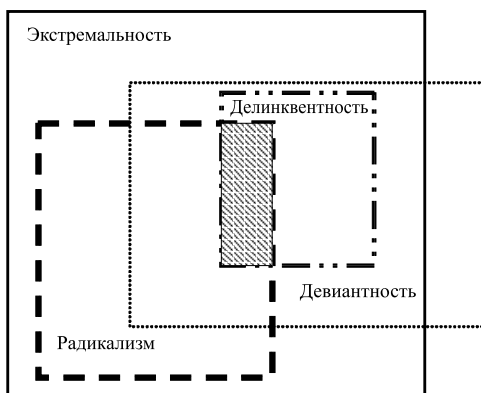

Рис. 1. Перечень экстремальности, делинквентности и девиантности

В групповом самоопределении экстремальность проявляется в гипертрофии представлений о собственной роли в обществе — так считают 69% опрошенных, о важности собственного превосходства над другими заявили 59,8%, о необходимости изменить мир — 15,5%. Анализируя причины нарастания конфликта поколений в западном и советском обществах, еще А. Гулднер писал, что корни молодежного протеста таятся в сфере ценностных ориентаций. «Придерживаться старых догм, во всем следовать старшему поколению означает для молодежи потерять свободу и автономию. Радикально разорвать с прошлым — значит стать свободным, значит человечески жить лучше, чем жили отцы и деды. Прошлые теории не только не верны, но они и бесчеловечны»⁷.

«Бесчеловечность», в данном случае, является субъективным критерием оценки поведения старших, ограничивающего притязания подрастающего поколения, навязывающего определенные стандарты и стереотипы. Привнесение в привычные отношения чуждых стандартов, стереотипов и смыслов также представляется на личном и групповом уровне вторжением и посягательством.

Поэтому экстремальность проявляется также в неприязненном отношении к мигрантам с юга (кавказцы, выходцы из Средней Азии) и юго-востока (китайцы, корейцы, вьетнамцы) — 41,4% (в том числе 10,5% выразили неприязнь в крайней форме), одобрении деятельности различных националистических объединений — 21% (у 7,5% отмечен высокий уровень экстремальных настроений), неприязни к богатым — 22,8% (6,1% испытывают ненависть), одобрении деятельности и программы радикальных левых организаций — 20% (5,5% испытывают ненависть), неприязни к чиновникам, любой бюрократии — 41,7% (10,5% испытывают ненависть). Наконец, к представителям иных религий (иноверцам) и атеистам испытывают негативные чувства 38,3% опрошенных (в 2002 г. таких было 36,9%), а 40,2% считают, что негативные качества человека связаны с его национальной принадлежностью (в начале 90-х годов прошлого века так высказывалась треть опрошенных⁸, в 2002 г. — около 35%⁹).

Как распределялись экстремальные настроения в различных группах молодежи (по данным исследователей РАН¹⁰), показано в таблице 2.

Постепенно изменяется и социальный состав носителей экстремальности в молодежной среде. По сравнению с 2002 г. возросла

Таблица 2

Экстремальные настроения в различных группах молодежи

Экстремальные настроения	Виды демографических характеристик										
	пол		возраст, лет				вид занятости				
	мужчины	женщины	15-17	18-21	22-25	26-29	работа	учеба в школе	учеба в ПТУ	учеба в вузе	
В образовании	62,5	37,5	26,7	26,0	23,4	16,2	*	54,2	39,6	6,3	
В труде	53,8	46,2	23,1	35,6	19,2	19,2	*	*	*	*	
В бизнесе	71,3	28,7	17,3	32,0	26,0	22,0	*	*	*	*	
В политической жизни	68,8	32,2	17,2	25,9	34,6	19,4	43,0	29,7	37,8	29,7	
В досуге	64,2	35,8	27,6	28,4	24,7	19,3	42,2	43,2	29,5	25,0	
В личном самоопределении	49,4	50,6	27,0	30,4	16,0	21,2	29,3	43,2	27,3	25,0	
В групповом самоопределении	50,6	49,4	23,3	28,7	23,8	20,2	37,2	35,3	27,2	34,6	
В представлениях о современности	51,3	48,7	25,2	23,1	20,9	18,1	33,2	39,4	25,3	32,3	
В выборе жизненной позиции	58,5	41,5	29,0	27,9	23,7	15,6	32,6	35,4	26,8	33,5	
В отношении к мигрантам	52,3	47,7	18,1	29,6	23,5	23,5	44,3	32,9	35,6	30,1	
В отношении к богатым	56,9	43,1	15,6	38,5	22,0	20,2	46,8	21,2	42,3	30,8	
В отношении к чиновникам	61,4	38,6	20,1	29,1	22,4	25,3	44,8	39,3	29,2	28,1	
В отношении к иноверцам	57,4	42,6	27,8	27,1	21,8	17,2	36,1	30,5	35,8	30,5	

Примечание. * Сведений нет.

доля младших юношеских групп (18 лет – 21 год), учащихся средних школ и ПТУ, а также проживающих в сельской местности и в малых городах (табл. 3). Отмечается постепенная феминизация данных групп, и ранее характеризовавшихся высоким уровнем экстремальности.

В целом проявления экстремальности в молодежной среде надлежит рассматривать в двух аспектах – как идейную направленность сознания и как установку на конкретную деятельность или образцы деятельности, включая насильственные практики. В частности, экстремальность в быту проявляется в ориентации на риск в повседневной деятельности, групповые конфликты, драки.

Экстремальность в социально-политических сферах (социально-экономическая, общественно-политическая, национально-этническая

Таблица 3

Экстремальные настроения в городе и селе

Экстремальные настроения	Виды демографических характеристик				
	вид поселения				
	мегаполис	крупный город	средний город	малый город	село
В образовании	23,2	25,9	7,1	9,8	34,0
В труде	21,2	23,1	12,5	7,7	35,5
В бизнесе	4,0	21,4	11,3	16,0	47,3
В политической жизни	24,7	17,3	20,4	7,5	30,2
В досуге	15,6	31,2	11,2	14,3	32,0
В личном самоопределении	13,2	25,8	6,9	10,3	41,9
В групповом самоопределении	10,2	31,4	11,6	13,6	42,7
В представлениях о современности	15,5	31,6	10,2	5,9	35,8
В выборе жизненной позиции	12,4	37,8	5,7	15,6	26,6
В отношении к мигрантам	24,8	30,2	11,4	12,1	21,5
В отношении к богатым	15,6	4,6	11,9	12,8	27,5
В отношении к чиновникам	16,2	18,1	14,3	16,7	33,8
В отношении к иноверцам	14,2	37,9	11,8	8,9	26,7

сферы, религиозные отношения) проявляется как идейный фанатизм, направленность на конфликт, борьбу за убеждения, согласие с идеями радикальных организаций, готовность участвовать в их акциях, то есть на демонстрацию этих чувств. Исследователи установили определенную связь данных настроений и проявлений (табл. 4).

Анализ приведенных данных позволяет выявить существенные противоречия между экстремальными настроениями и социально-протестными проявлениями, включая национально-этнические акции. Внешние социально-политические проявления высокого уровня экстремальных настроений обычно носят спонтанный характер. При этом на групповом уровне отмечается низкий уровень связи с практической социально-протестной деятельностью либо полное отсутствие такой связи. На самом деле, для того, чтобы участвовать в деятельности, одной нигилистической экстремальности этой связи недостаточно.

Стоит отметить, что степень недоверия к политическим и общественным институтам значительно различается в зависимости от аудитории и места проведения исследований (табл. 5). Так, сравнив величины (I) – данные, полученные в ходе всероссийского опроса 1500 жителей 20 субъектов Федерации и 200 экспертов, проведенного в сентябре–октябре 2003 г. В.С. Комаровским и В.Э. Бойковым (Российская академия государственной службы – РАГС) при Президенте Российской Федерации), и величины (II) – данные, полученные в ходе опроса 250 студентов и преподавателей вузов Москвы, проведенного автором в феврале 2006 г., можно отметить значительное возрастание недоверия среди студентов и профессорско-преподавательского состава столицы (II) относительно среднероссийских показателей (I).

В начале XXI века большинство представителей российской молодежи не входило ни в какие общественно-политические объединения. Среди субкультурных объединений, имеющих некоторое подобие идеологической платформы, по числу участников уверенно лидируют объединения досуговой или консьюмеристской направленности (рокеры, рэперы и спортивные фанаты). Так, по данным исследования, 45% молодых респондентов ответили, что им безразличны любые молодежные течения, а 7,5% заявили, что вообще ничего о них не знают¹².

Наибольшую индифферентность по отношению к молодежным субкультурам проявили молодые жители Башкортостана (48% без-

Таблица 4

**Проявления экстремистских настроений
в различных социально-политических сферах**

Высокий уровень экстремальности	Проявления экстремистских настроений									
	бытовые		социально-протестные						борьба за религиозные убеждения	
	повседневный риск	установка на групповые драки	среднее значение	готовность к участию в акциях протеста	готовность к участию в незаконных акциях	готовность к участию в религиозных акциях	борьба за справедливость	среднее значение	борьба за религиозные убеждения	
В общем распределении	34,3	8,2	21,2	1,5	28,1	8,7	30,5	17,2	5,9	
— образованию	39,8	19,3	29,5	2,5	30,5	12,6	23,4	17,3	4,1	
— труде	48,3	16,0	32,1	1,3	33,3	10,9	25,6	17,7	7,7	
— бизнесе	34,6	10,8	22,7	1,1	19,5	7,6	19,6	11,9	3,3	
— политической жизни	39,6	15,7	27,6	1,9	36,7	15,3	35,1	22,2	6,7	
— досуге	50,0	15,1	32,5	1,6	27,1	13,5	32,2	18,6	8,1	
— личностном самоопределении	37,5	8,0	22,7	2,0	30,1	11,0	37,1	20,0	8,7	
— групповом самоопределении	32,4	8,4	20,4	1,6	29,6	9,2	31,3	17,9	5,0	
— представлениях о современности	36,8	9,7	23,2	2,9	31,1	12,7	40,5	21,8	9,1	
— выборе жизненной позиции	49,3	14,5	31,9	3,1	35,6	15,4	34,3	22,1	5,8	
— отношении к мигрантам	31,4	11,5	21,4	1,5	34,6	12,3	31,0	19,8	4,5	
— отношении к богатым	31,3	14,9	23,1	3,3	38,8	20,6	39,7	25,6	8,3	
— отношении к чиновникам	32,6	12,9	22,7	2,9	41,0	20,0	34,8	24,6	8,1	
— отношении к иноверам	34,4	10,8	22,6	1,8	31,2	9,2	29,5	17,9	7,1	

Окончание табл. 4

Высокий уровень экстремальности	Проявления экстремистских настроений										среднее значение по всем показателям
	политические			национально-этнические							
	солидарность с идеями шовинизма	борьба за политические убеждения	среднее значение	солидарность с националистическими движениями	одобрение фактов насилия по национальному признаку	борьба за национальные чувства	непривязь к мигрантам с юга и юго-востока	среднее значение			
В общем распределении	29,7	3,3	16,5	3,3	2,8	9,9	10,5	6,6	13,5		
– образованию	34,5	3,6	19,1	2,5	4,1	12,4	15,7	8,7	15,7		
– труде	37,4	5,8	21,6	5,1	3,3	11,5	26,3	11,5	18,1		
– бизнесе	33,2	3,3	18,3	1,6	3,2	6,0	14,1	6,2	12,4		
– политической жизни	40,2	7,2	23,7	4,8	5,9	13,4	24,3	12,1	18,4		
– досуге	43,7	6,6	25,1	4,5	6,0	15,2	22,6	12,0	19,3		
– личном самоопределении	36,8	4,0	20,4	3,6	3,8	15,4	15,1	9,5	16,3		
– групповом самоопределении	30,9	3,4	17,1	3,4	3,0	9,7	10,4	6,6	13,4		
– представлениях о современности	43,3	7,8	25,5	3,5	3,5	17,3	16,8	10,2	17,9		
– выборе жизненной позиции	30,8	5,9	17,3	4,1	3,3	10,1	13,4	7,7	16,9		
– отношении к мигрантам	39,6	2,6	21,1	3,7	4,2	7,2	11,9	6,8	14,7		
– отношении к богатым	36,4	5,8	21,1	7,4	6,6	14,9	45,5	18,6	19,3		
– отношении к чиновникам	37,0	5,2	21,1	4,2	5,6	15,7	40,5	16,5	1,6		
– отношении к иноверам	46,5	3,8	25,1	5,9	4,8	11,4	20,9	10,7	16,7		

Таблица 5

Степень недоверия к политическим и общественным институтам

Социальные институты ¹¹	В основном доверяю, %		В основном не доверяю, %		Затруднились ответить, %	
	I	II	I	II	I	II
Президент РФ	69,9	60,8	20,8	30,2	9,3	8,4
Федеральное правительство	33,1	30,4	43,8	54,4	23,1	15,2
Государственная Дума РФ	21,6	12,0	56,8	67,6	22,4	20,4
Совет Федерации РФ	25,7	15,2	44,4	56,8	29,9	28,0
Суды, судебная система	28,3	24,4	47,7	55,2	24,0	20,4
Прокуратура	29,3	28,0	43,0	50,4	27,7	21,6
Федеральная служба безопасности	42,8	44,0	30,7	32,4	26,5	23,6
Органы внутренних дел (милиция)	23,1	12,0	59,0	76,0	17,9	12,0
Церковь	42,5	36,8	28,3	26,8	29,2	36,4
Профсоюзы	24,7	20,4	42,4	53,6	32,9	36,0
Женские, ветеранские и иные общественные организации	35,5	40,8	31,4	31,2	33,1	28,0
Политические партии и движения	11,5	16,8	60,7	53,6	27,8	29,6
Органы местного самоуправления	26,0	29,2	49,3	61,6	24,7	19,2
Органы местной власти (областной, краевой, республиканский уровень)	23,2	44,8	46,7	51,2	30,1	4,0

различных плюс 10% несведущих). Значительная часть респондентов выразила негативное отношение к таким объединениям, посчитав их вредными для общества (17%). Чаще всего осуждение высказывают молодые владимирцы (табл. 6).

Большинство молодежных и подростковых объединений вообще не имело никаких идеологических основ и формировалось подобно сетевым структурам. Вступление в них подростков и молодых людей было обусловлено либо удовлетворением потребности обеспечить собственную безопасность (рядовые члены), либо своими материальными интересами (организаторы, активные члены).

Исходя из этого, интересна связь экстремальных настроений и отношения молодых людей к мигрантам, представителям имущих классов и чиновничеству.

Связь экстремального отношения к мигрантам как социальным конкурентам и экстремистским поведением просматривается в це-

Таблица 6

Индифферентность по отношению к молодежным субкультурам

Объединения	Уровень осведомленности (% к ответившим на вопрос)			
	в среднем по выборке	Республика Башкортостан	Владимирская область	Новгородская область
Хиппи «система»	2,5	1,9	1,1	4,6
Панки	2,4	1,3	2,6	3,3
Скинхеды	2,7	1,3	2,6	4,1
Байкеры	3,3	3,7	2,2	4,1
Рокеры	4,9	3,9	5,5	5,2
Спортивные фанаты	11,4	14,3	9,8	10,0
Рэперы	4,0	4,3	3,3	4,3
Рейверы	1,5	0,9	2,2	1,5
Брейкеры	2,3	2,2	2,0	2,8
Металлисты	2,3	1,5	2,6	2,8

лом, но не является устойчивой. Интолерантность к мигрантам выступает мотивационным основанием при совершении социально-протестных акций, тогда как в других сферах (бытовой, национально-этнической, сфере религиозных отношений) каких-либо существенных отклонений от средних отношений не отмечено. Очевидно, что в подобных случаях экстремальность молодых людей получает внешнее оформление, выражается в каких-либо деяниях спонтанно, под влиянием стечения обстоятельств. Впрочем, связь экстремальности в отношении к иноверцам и экстремистских проявлений во всех сферах, от бытовой до политической, прослеживается достаточно отчетливо. Например, в погромах в Кондопоге (Карелия, 2006 г.) принимали участие несколько сотен мужчин в основном в возрасте 18–22 лет, воспринимавших себя как народных мстителей. Именно несовершеннолетние (16–17 лет), отличающиеся особой нетерпимостью, являются той основной движущей силой, которая активно участвует в этнических конфликтах и столкновениях. Данная тенденция является общемировой, примером чему могут служить волнения мусульманской молодежи арабского происхождения, живущей по правилам этнических преступных группировок, в ряде западноевропейских стран¹³.

Наиболее тесные связи экстремальных настроений с протестными действиями наблюдаются в группах с высоким уровнем экстремальных настроений в сфере досуговой деятельности, в отношении к представителям имущих классов и чиновников. Но если чиновники, включая представителей правоохранительной системы, олицетворяют в групповом сознании молодежи отрицаемый существующий порядок, то отношение к богатым отчасти дуалистично. Самый высокий уровень связи экстремального отношения с протестными действиями отмечается в национально-этнической и политической сферах, что отражает существующую в общественном сознании молодежи связь между материальным положением и национальными признаками оппонента либо его близостью к властным структурам.

В то же время существуют иные причины роста экстремального отношения представителей молодежи к представителям имущих классов на личностном уровне. Отношение общества к различным девиантным проявлениям поведения молодых людей не одинаково. По мнению Р. Кевен, девиация является интерактивным процессом между теми, кто нарушает нормы, и теми, кто интерпретирует или квалифицирует деяние и реагирует на нарушение. Теоретическая модель, описывающая взаимодействие индивида и общества, включает континуум (рис. 2) типов поведения от крайней девиации при недоконформизме, или низшем уровне конформизма (*underconformity*), через промежуточные формы правильного поведения до крайней девиации при сверхконформизме, или максимальном конформизме (*overconformity*)¹⁴.

Поведение, которое полностью одобряется и вознаграждается обществом, попадает в зоны С, D, E. Им соответствуют сознательные, или законопослушные, состоятельные граждане. Поведение в зоне D, находящейся в середине континуума, вполне регулируется и управляется существующими социальными институтами, которые задают официальные нормы и официальные средства контроля. Поведение основной массы граждан в обществе группируется вокруг этой центральной зоны, то есть является во всех случаях правом.

Те, чье поведение попадает в зоны В и F, называются маргинальными индивидами, или недоконформистами. Они вечно спорят, конфликтуют и даже враждуют с родителями, учителями и милицией. Это вовсе не значит, что они должны покинуть общество

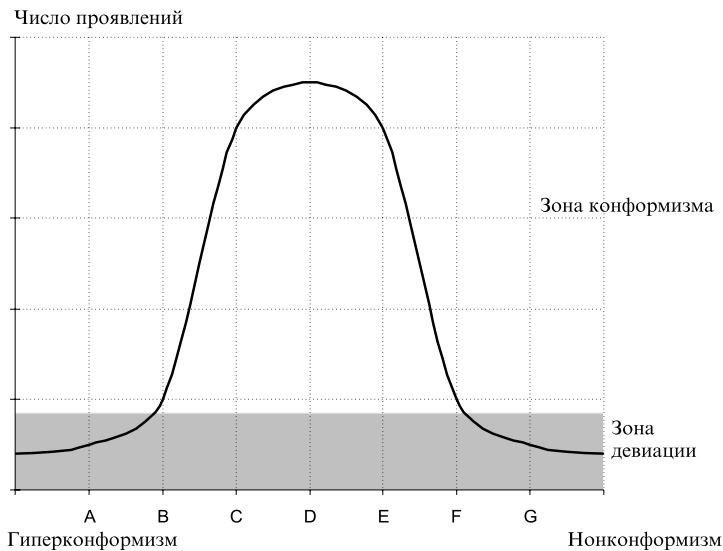

Рис. 2. Теоретическая модель взаимодействия индивида и общества

или быть изолированными от него. Напротив, нужно сделать все возможное для того, чтобы исправить их неправильный образ жизни.

Сверхконформная молодежь в зоне F расположена вдоль наружной границы приемлемого поведения и рискует быть исключенной из нормальной социальной деятельности. Взрослые пытаются убедить таких подростков быть более непринужденными, жизнерадостными, непосредственными. Молодых людей из зоны В и F окружающие люди либо с удовольствием принимают в свой круг, либо отталкивают вовсе. Если индивиды из зоны В ощущают отчуждение, они проявляют враждебность, агрессивность, вандализм. Напротив, индивиды из зоны F начинают заниматься самокопанием и критикой.

Самые экстремальные зоны — А и G — представляют собой более чем простое отклонение от принятых норм. Здесь концентрируется область отчужденного и противостоящего поведения. Молодежи с подобным поведением не так много, она всегда в меньшинстве, но как раз она и образует контркультуру со своими ценностями, иерархией отношений, методами контроля, механизмами

распределения ролей. В этих меньшинствах есть «твердое ядро», включающее наиболее последовательных противников ценностей официальной культуры.

Р. Кевен писала: «Формальные стандарты, доминирующие в зоне D, — это социальные нормы. Они связаны, но не тождественны ценностям. Ценности суть идеалы или конечные цели, которые остаются недостижимыми. Это абстракции. Социальные нормы — это специальные формулы, помогающие перевести ценности в практически достижимую форму. Вместе они конституируют ожидания общества и часто утверждаются в таких терминах, которые подразумевают, что не достичь согласия с нормами в повседневном поведении просто невозможно... Можно выявить <...> и третий уровень — рабочие планы, или модальное поведение большинства людей.

Чтобы общество нормально функционировало, необходим баланс между жесткими социальными нормами и более мягким модальным поведением. Абсолютное согласие (конформизм) с социальными нормами, проявляющееся у всех и всегда, редко когда требуется... Трудно постоянно концентрироваться на том, чтобы следить за каждой нормой и своими действиями... Поведение в зоне D, таким образом, нельзя считать жестко конформным. Ему делаются некоторые уступки в отклонении от нормы. Зона D — это область гибкого и толерантного поведения, но лишь до определенных границ, переход за которые угрожает социальной стабильности и порядку»¹⁵.

При этом представители имущих классов, от решений и оценок которых в жизни зависит многое, оценивая поведение молодых людей, особенно из других классов, склонны поднимать планку должного поведения, расширяя тем самым зону девиации, тогда как представители неимущих классов более безразлично относятся к нарушениям многих социальных норм, считают подобное поведение единственно приемлемым для себя. Закономерным представляется утверждение, согласно которому социальная нетерпимость в отношении к богатым влияет на проявления экстремальных настроений молодых людей в самых разных сферах общественной жизни.

По мнению Ф.Н. Ильясова, в основе большинства современных радикальных идеологий также лежит специфически трансформировавшаяся в конце XX века идея социальной справедливости.

вости. В это время «актуальность лево/правого противостояния резко снизилась, и в мире практически перестали существовать две равнозначные глобальные “идеологические группы”», что привело к кризису социальной самоидентификации: значительная часть людей утратила возможность идентифицировать себя с глобальной группой. Естественным образом потребность быть членом сверхбольшой группы стала реализовываться в суррогатных формах, что, в частности, привело к росту национализма, религиозности и к более активному включению в малые псевдогруппы, типа спортивных болельщиков, музыкальных фанатов и членов религиозных сект»¹⁶.

При этом объективно создаются предпосылки отчуждения членов субкультурных образований от господствующих в обществе правовых и нравственных ценностей, усиливающие подростковый эгоцентризм. З. Сардар и М.В. Девис пишут о влиянии субкультурных стереотипов следующее: «Уличные рэперы, носящие бейсболки задом наперед, широкие свитера и обрезанные джинсы поверх спортивных брюк Nike, не хотят выглядеть как недовольная черная молодежь американских городов, но вместе с имиджем они усваивают и их черты характера. Таким образом, преступность, прогулы занятий, наркотическая зависимость и беспорядочные половые связи, крушение родительского авторитета процветают...»¹⁷. Другими словами, происходят дезорганизация основных механизмов социализации и «неправильное формирования представления о себе, своего “Я — образа”»¹⁸. Социализация члена субкультурной группы продолжается, но рассогласуется с процессом индивидуализации, отчего вектор социализации направляется от общества.

Например, 18-летний Ж., обвиняемый в групповом грабеже и насильственном совершении действий сексуального характера, сообщил исследователям ряд характерных фактов. В частности, он значительно лучше чувствовал себя среди металлистов и рокеров, его привлекало «мужское братство», он старался ориентироваться на отчаянных ребят, вести себя так, чтобы не отстать от них, мог быть «жестким, непредсказуемым, срывать как с цепи собака». Ж. считал, что полностью соответствовал предъявляемым со стороны группы требованиям, гордился данной ему кличкой Дет (смерть). Он был уверен, что испытывал настоящее «чувство свободы», которой, как ему казалось, не хватает в обыденной жизни. При этом

Ж. пояснил, что музыка являлась лишь формальным предлогом для вступления в группировку, больше привлекала «самостоятельность, возможность быть сильным, ни от кого не зависеть». Выражением свободы и силы, а также «мужской жесткости» служили и сюжеты его татуировок. Ж. подробно объяснял их смысл и символику¹⁹.

Еще более наглядно можно проследить последствия деформации мотивационной сферы любителей экстремального досуга на примере распространения хулиганства среди членов таких групп. Среди преступлений членов объединений приверженцев экстремальных форм досуга (байкеры, стритрейсеры, серферы, дайверы, дигеры) хулиганские проявления распространены достаточно широко, но связаны они, как правило, с нарушениями общеобязательных правил безопасности, нарушением эксплуатации транспортных средств, правил доступа и т.п. Однако в данной группе шире представлены (свыше 40% совершенных преступлений) посягательства, направленные против собственности, связанные с необходимостью получения дополнительных источников дохода и определенных вещей, субъективно значимых для продолжения прежних занятий.

Уже давно криминологи (С.С. Овчинский) определяют хулиганство как стартовую площадку для последующей преступной деятельности. Ослабление борьбы с хулиганскими проявлениями неизменно влечет за собой рост тяжелой насильственной преступности²⁰. Так, среди преступлений, совершавшихся в 2000–2003 гг. российскими футбольными фанатами, хулиганство до недавнего времени занимало ведущее место (свыше 53% всех зарегистрированных преступлений членов данных групп)²¹. В этой группе высок также уровень преступного насилия против представителей власти.

Напомним, что сам термин *hool* обозначает некоторую субкультурную молодежную группу, а никак не деяние. В Англии подростки *hool* выступали одной из основных ударных сил в околофутбольных погромах и иных массовых актах насилия. Потому наша языковая конструкция «гнать хулу» выглядит несколько искусственным и запоздалым во времени «переводом». Хулу на Руси не гнали, а возводили.

Следовательно, сущностью хулиганских деяний является не «хула» — нечто, эпатазирующее людей, а создание беспорядка, учинение погрома, умышленное насилие, оскорбление окружающих, причем публичное (в части последствий).

Так, при просмотре футбольного матча на Манежной площади 9 июня 2002 г. присутствовало около 8,5 тысячи человек. Массовые беспорядки выразились в нападении на сотрудников милиции, избииении граждан, поджогах автомашин, погромах зданий. В результате беспорядков был убит учащийся 11-го класса школы Москвы, пострадали 78 человек. Причинен материальный ущерб 92 организациям и учреждениям, расположенным на площади и прилегающей территории, повреждено 112 автомобилей, включая машины «скорой помощи», вывозившие пострадавших. Были задержаны 102 участника массовых беспорядков. Из них 36 привлечены к уголовной ответственности по статьям 212 и 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), 66 – к административной²². Среди них выявлены участники различных объединений и организаций экстремистской ориентации.

Закономерным последствием дезорганизации личностной сферы становится не только рост делинквентного поведения, но и неспособность к инновации, использованию различных форм политического участия. Например, на степень и формы участия молодых людей в протестных акциях, как справедливо отмечают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, «решающее влияние оказывает принадлежность молодых людей к малым группам преимущественно субкультурной направленности, а не к своему поколению как большой социальной группе. Неспособность современной молодежи осознать общие интересы и *сформировать поколенческую идеологию* (здесь и далее выделение авт.) во многом обусловлена высоким уровнем политического нигилизма.

Не случайно экстремальность в политической жизни оказалась на последнем месте, то есть собственно политическая составляющая молодежью до конца не осмыслена и если реализуется, то спонтанно»²³.

Полностью разделяя выводы названных авторов, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что определения «бытовой», «политический», «экономический», «национальный» или «религиозный» допустимы лишь применительно к экстремальности и, в меньшей мере, к нерадикальным идеям. Радикальные идеи, как правило, охватывают, в той или иной мере, множество мировоззренческих вопросов. Иначе и быть не может, поскольку существенно изменить общество, не затрагивая самые различные сферы жизни, невозможно. Деяние становится преступлением эк-

стремисткой направленности не только потому, что выражает негативное отношение субъекта к экономическим, политическим, религиозным и тому подобным ценностям общественной жизни и причиняет вред тем или иным субъектам общественных отношений, а прежде всего потому, что запрещено уголовным законом под страхом наказания.

Такой подход представляется наиболее продуктивным, поскольку помогает обособить сферу, требующую законодательного воздействия, применения мер уголовной репрессии, которое, как учил еще Н. Макиавелли, должно быть быстрым, страшным и адресным, то есть точечным. Если же мы, криминологи, распространим понятие «экстремизм» на все идеологические и тому подобные отношения и установки, то рискуем нарушить тем самым конституционные принципы идеологического многообразия, свободы слова, свободы совести, свободы распространения информации, свободы ассоциаций, и многие другие, с самыми негативными последствиями и для правоприменительной практики, и для всего общества.

Например, председатель Государственной думы Российской Федерации Б. Грызлов в своей программной статье «Экстремизм как угроза суверенной демократии» определяет рассматриваемое явление как:

а) проявление идеологии национализма (нацизма) и ксенофобии;

б) социальное явление, обостряющееся там, где у людей возникают проблемы с самореализацией;

в) нападения и убийства по мотивам этнической и расовой ненависти;

г) силу, «которая стремится подорвать наше государство, наши традиции, перспективы развития нашей страны. То есть то, что дорого каждому из нас, вне зависимости от партийной принадлежности». Наконец, отмечается, что «от популизма до экстремизма не так далеко»²⁴. В качестве примера популизма называется известный лозунг радикалов «Все поделить!».

Некоторые исследователи делают вывод, что «экстремизм может быть не только в действиях, но и в суждениях, в мыслях. Если первое из названных его проявлений может быть <...> соотнесено с экстремистской деятельностью, то экстремизм в суждениях может стать частью экстремистской деятельности лишь при оп-

ределенных условиях: если он проявляется в действиях, образующих состав преступления... Не менее сложным представляется и соотношение понятий экстремистских действий и преступлений экстремистской направленности. Рассматривать их в качестве тождественных можно только тогда, когда речь идет об экстремистских действиях, которые признаны преступными в установленном порядке»²⁵.

На наш взгляд, все эти сложности возникают оттого, что одним единственным термином «экстремизм» пытаются определить качественно разные явления общественной жизни, в том числе не имеющие никакого отношения к предмету уголовно-правового регулирования. Против расширения понятия экстремизма за счет любых радикальных учений и ограничения тем самым свободы слова и совести выступают А.Ф. Истомин и Д.А. Лопаткин²⁶, а также правозащитники.

При этом российский законодатель под заявления о верности европейским стандартам защиты прав и свобод человека продолжает идти своим путем. С одной стороны, расширяется, при указании на «экстремистские» мотивы, перечень квалифицирующих признаков все большего числа преступлений. С другой стороны, преступлениями экстремистской направленности объявляются сразу все преступления, если у виновных лиц установлен такой мотив. Но если нет четкого указания на деяние, а есть описание то ли способа, то ли последствия, и ответственности быть не может. Неустрашимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

Попутно все более сокращается сфера применения уголовной ответственности за публичные провоцирующие действия, за хулиганство, прежде всего совершаемое несовершеннолетними (пресловутые нападения, групповые драки и повреждение имущества), а также более зрелыми лицами (незаконные митинги и собрания, распространение, изготовление и хранение экстремистских материалов). Деятельность юридических лиц и объединений граждан вообще остается без внимания законодателя, если только их представители не захотят поучаствовать в избирательной кампании. Отсутствует в нашем законодательстве ответственность и за создание и предоставление для ознакомления неограниченному числу лиц инструкций по совершению преступлений, за пропаганду насилия и криминальных традиций.

Между тем рост экстремальности молодежи проявляется в общем росте преступности несовершеннолетних и молодежи и, в частности, в росте числа преступлений экстремистской направленности.

Прошедшее десятилетие было ознаменовано в нашей стране и значительным ростом преступлений экстремистской направленности. Именно такие данные приводит ГИАЦ МВД России (табл. 7).

Таблица 7

Рост преступлений экстремистской направленности

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Статья 280 УК РФ	0	11	2	5	5	1	8	8		
Статья 282 УК РФ	16	26	17	32	74	72	59	80		
Всего преступлений экстремистской направленности					256	240	216	288	263	356

Для сравнения отметим, что в государствах, уделяющих внимание даже самым слабым по нашим меркам проявлениям ксенофобии и экстремизма (Франция, Германия, Голландия, Великобритания), регистрируется масса посягательств на почве национальной, расовой, религиозной и тому подобной вражды и ненависти. Например, по данным МВД Германии, в этой стране только в 1999 г. за экстремистские выходки – ксенофобию, антисемитизм, насилие на национальной почве – осуждены 10 037 человек, при этом лишь 746 преступлений было связано с применением насилия, остальные относились к преступлениям идеологического характера – ношение фашистской символики, публичное оправдание действий нацистов и т.п.²⁷

Необходимо отметить, что в России данные явления «характеризуются высоким уровнем латентности, причем искусственной, так как при регистрации подобных деяний для правоохранительных органов определение, а затем и доказывание мотивов действий виновного представляет значительную сложность»²⁸. Эти сложности во многом надуманные.

Так, с января по август 2005 г. в России нападениям фашиствующих групп подверглись 115 человек, из них восемь были уби-

ты²⁹. Согласно обзору независимого Института коллективного действия, распространенному на конференции ОБСЕ по антисемитизму и иным формам интолерантности (Испания, Кордова, 8–9 июня 2005 г.), в 2004 г. в России в ходе подобных нападений было убито не менее 45 человек, в 2003 г. — 20, тогда как первое убийство на почве вражды и ненависти было зарегистрировано правоохранительными органами лишь в конце 2003 г.³⁰

Во многих случаях сами потерпевшие в силу разных причин не спешат с заявлениями в правоохранительные органы. Достаточно сказать, что актов дискриминации, непосредственно связанных с проявлениями вражды и ненависти в различных сферах общественных отношений, в нашей стране ежегодно регистрируется 1–2. Между тем подобные явления широко распространены. А. Куткин, исследуя положение нелегальных мигрантов, отмечает высокую распространенность в отношении представителей данной социальной группы следующих преступных посягательств:

1) трудовые формы эксплуатации (принуждение работать сверх положенного времени без оплаты — 62%; работа с повышенной интенсивностью — 44%; длительные задержки заработной платы — 39%; принуждение выполнять работу, на которую работник не давал своего согласия, — 38%; принуждение работать без оплаты — 24%);

2) принуждение к секс-услугам (22% из числа опрошенных женщин, в Москве — до 30%);

3) психологическое насилие, угрозы, шантаж — 20%, изъятие паспортов — 20%;

4) ограничение свободы передвижения, полное или частичное содержание взаперти — 20% (в Москве — 31%) и т.п.³¹

Достоянием общественности становятся, как правило, лишь те преступления экстремистской направленности, которые совершаются демонстративно, в форме терроризирования в отношении представителей некоторых групп населения, так, чтобы вред отдельным лицам причинялся одновременно представителям всей социальной общности. При таком подходе правоприменительных органов соответствующую квалификацию получают лишь 1,5–2% всех преступлений экстремистской направленности.

Нередко скандалы с учетом и регистрацией нераскрытых преступлений, совершаемых на почве вражды и ненависти, становятся достоянием общественности. Так случилось после убийства 19 декабря 2004 г. в Москве выходца с Кавказа Д. Таркеладзе. Всего через

два дня после произошедшего, 21 декабря, еще на стадии предварительной проверки, Московский уголовный розыск поспешил заявить, что «в МУРе полностью отвергают версию об убийстве на почве национальных отношений», но уже на следующий день после этого заявления в Интернете появилась информация, что ответственность за убийство взяла на себя организация под названием Национал-социалистическая группировка 88, которая сняла это убийство на пленку, поскольку не просто так убила кавказского студента, а сделала это сознательно, с политическим умыслом и даже желанием получить доступ к СМИ для устрашения и проповедей национальной ненависти³².

В других случаях экстремистами по совершенно формальным признакам в глазах общественности становятся обычные уголовники. Так, в сентябре 2003 г. банда скинхедов (так они сами себя называли, хотя из атрибутов идеологии у них остались только бритые головы. — *Прим авт.*), четверо молодых людей, вооруженных топором, арматурой и ножом-бабочкой, совершили налет на табор цыган племени люли, выходцев из Таджикистана, расположенный на пустыре рядом с железнодорожной платформой Дачное в окрестностях Санкт-Петербурга. В таборе в это время почти никого не было, и в руки молодчиков попали только две женщины и их дочери, которые были избиты с особой жестокостью. В результате одна девочка скончалась в больнице, вторую, получившую опасные для жизни ранения, врачам удалось спасти.

Расследованием установлено, что несколько подростков из расположенных рядом с табором домов, объединившись в банду, требовали от цыган либо покинуть место стоянки, либо платить им за «постой» деньги — 200 рублей на каждого. Обитатели табора платить не захотели, поэтому стычки несовершеннолетних хулиганов с цыганами были обыденным явлением. Не прошло и недели с момента преступления, как обвиняемые снова напали на табор...

Через несколько месяцев сотрудники уголовного розыска задержали молодых людей, подозреваемых в совершении преступления. Все они предстали перед судом. Присяжные признали их виновными в убийстве, покушении на убийство и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Обвинение в экстремизме не предъявлялось³³.

По данным МВД РФ, около 80% участников экстремистских групп составляют люди в возрасте 20–30 лет, свыше 10% — в воз-

расте 16–19 лет³⁴. Основная масса осужденных (до 90%) – лица мужского пола, среди осужденных за насильственные преступления и участие в массовых беспорядках юношей 100%.

Большинство осужденных имеют среднее и неполное среднее специальное образование (учащиеся общеобразовательных школ и ПТУ), доля лиц с незаконченным высшим и высшим профессиональным образованием не превышает 6–8%. Число работающих и неработающих (и неучащихся) лиц среди экстремистов примерно равно – по 25%. Среди работающих преобладают лица временно занятые и низко квалифицированные (до 70%).

Материальный и образовательный уровень лидеров экстремистских групп, как правило, выше среднего. Среди них втрое выше уровень социально значимых навыков: работа на компьютере, умение управлять автомобилем, знание иностранных языков и т.п. Некоторые из них имели свой бизнес или получали материальную поддержку от других радикальных организаций, включая зарубежные. Число таких организаций колеблется и составляет, по разным оценкам, от 80 до 150.

Основную массу осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности составляют горожане (65%), среди них лидируют жители крупных и средних городов, промышленных центров, в наибольшей мере испытавших негативные последствия шоковых реформ начала 90-х годов прошлого века. Исключение составляет движение скинхедов (скинов), возникшее и развивавшееся с самого начала в российских мегаполисах.

Сведения о численности скинхедов расходятся. По данным МВД РФ (2003 г.), в России их не более 15 тысяч. Самые крупные группировки, объединяющие более 5 тысяч человек, действуют в Москве и Подмосковье. В Санкт-Петербурге насчитывается около 3 тысяч бритоголовых, в Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Ярославле, Пскове и Калининграде – примерно по 1 тысяче. В 2002 г. был предотвращен съезд скинхедов в Москве, на который должны были собратся «делегаты» из 30 регионов, а в Петербурге запрещено факельное шествие бритоголовых³⁵.

По данным Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс», число скинхедов в 2005 г. достигло 50 тысяч человек примерно в 85 городах. В Москве и Подмосковье их от 5 до 5,5 тысячи, в Петербурге и окрестностях – до 3 тысяч, в Нижнем Новгороде – более 2,5 тысячи, в Ростове-на-Дону –

более 1,5 тысячи, в Пскове, Калининграде, Екатеринбурге, Краснодаре — свыше тысячи, в Воронеже, Самаре, Саратове, Красноярске, Иркутске, Омске, Томске, Владивостоке, Рязани, Петрозаводске — сотни³⁶.

Как правило, скинхеды выступают против засилья оптовых и продуктовых рынков инонациональными элементами (недавно в этом вопросе федеральный законодатель, что называется, «пошел навстречу пожеланиям граждан»), совместного обучения и проживания русских и нерусских граждан. Они называют себя солдатами Третьей мировой войны, которые вступили в борьбу за чистоту арийской расы и нации. Их возмездно подвергают не только афроамериканцы, но и кавказцы и китайцы, которые, по мнению бритоголовых, являясь поставщиками наркотиков, отравляют жизнь белому населению. Самый популярный из декларируемых лозунгов в среде скинов: «Пора навести порядок и выселить из города преступные диаспоры и пособников террора!» Согласно социологическим исследованиям, скинхеды:

— чаще других называют себя патриотами (76% против 59% в среднем по выборке);

— проявляют наиболее выраженный национализм, чаще других выступая за браки только между русскими (27% против 6% в среднем);

— наиболее нетерпимо и неприязненно относятся к представителям сексуальных меньшинств (37% против 32% в среднем);

— реже других верят в возможность отстаивать свои интересы правовыми мерами (38% против 30% в среднем);

— наиболее радикальны — взяться за оружие для защиты прав граждан считают целесообразным 38% скинхедов против 10% в среднем.

Среди других течений скинхеды выделяют в качестве близких себе наиболее агрессивные и деструктивные — панков и металлистов³⁷. Однако оснований считать скинов наиболее многочисленным и организованным экстремистским движением нет. Они легко объединяются с футбольными фанатами, всевозможными территориальными группами хулиганов (гопами) и т.п. Значительно бóльшую опасность представляют приверженцы различных радикальных религиозных учений, исповедующие идеи религиозной войны.

Среди осужденных экстремистов доля ранее судимых лиц относительно невелика — 20–25%, большинство (до 2004 г.) были осуж-

дены за хулиганство (90%). Доля лиц, имеющих 2–3 судимости, составляет около 7% (преобладают насильственные и корыстно-насильственные преступления, совершенные в составе группы в несовершеннолетнем возрасте). Специальный рецидив – в пределах статистической погрешности. Лидеры, как правило, ранее не судимы.

На основании всего, сказанного выше, можно утверждать, что в основе совершения хулиганских и экстремистских деяний лежит специфический субкультурный конфликт. Он проявляется в том, что появление чуждых определенной субкультуре актуальных (как правило, эмоционально окрашенных) смыслов воспринимается носителями данной субкультуры как существенный раздражитель и даже как посягательство на собственную свободу, как опасность, грозящая собственной личности³⁸.

Такой часто бывает реакция на индивида, значительно отличающегося от членов данной группы по внешнему виду и поведенческим проявлениям, тем более в случае использования атрибутов или символики конкурирующего образования, даже если этот человек не проявляет агрессивности. «Чужак» практически моментально стигматизируется членами группы как хулиган, радикал или даже враг, особенно если он представляет равное по силе конкурирующее объединение.

Подобное происходит и при столкновении фанатов конкурирующих спортивных клубов, при попытке проведения поблизости религиозных обрядов конкурирующих общин, например Украинской автокефальной и Русской Православной Церкви у одного храма, во время ежегодного марша протестантов – оранжистов через католические кварталы Ольстера в память о старинном сражении и т.п.

Умышленное создание и эскалация конфликта такого рода являются хулиганским или экстремистским проявлением, в зависимости от целей субъекта правонарушения. Хулиган, как и вандал, посягает на права и свободы относительно определенной группы окружающих лиц, но не в силу того, что данные лица являются носителями (предполагаемыми носителями) политических, идеологических, этнических, расовых, национальных и социальных признаков – тех, о которых говорится в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Агрессия, мотивируемая наличием у оппонента указанных признаков, характерна именно для совершения преступлений экстремистской

направленности. При этом механизм формирования агрессивных установок у преступников-одиночек, например нападавших с ножами на прихожан синагоги в Москве или на монахов в Оптиной пустыни, и у члена некоторой группы, постоянно общающегося с другими членами, одинаков.

Вот несколько характерных признаков совершения деяния членами виртуальных групп, которые лишь на первый взгляд представляются труднообъяснимыми:

а) повышенная интенсивность действий, нападение на объективно более сильных субъектов (ожидание помощи со стороны предполагаемой группы);

б) минимизация воздействия сдерживающих факторов, неспособность критически воспринимать содеянное и его последствия (предполагаемая анонимность участника группы);

в) абсолютная типизация действий по совершению посягательства на один и тот же объект (ролевая типизация в составе группы);

г) склонность действовать в состоянии риска, не просчитывая возможные варианты поведения, на авось (обязанность планирования и прогнозирования перепоручается предполагаемому организатору, лидеру группы);

д) документирование собственной преступной деятельности в виде создания вещественных доказательств — видеофайлов, фотографий, видеофильмов, которые все чаще изымаются по делам о групповых преступлениях экстремистской направленности.

Таким образом, в основе делинквентного поведения подростков и молодежи лежит явление экстремальности сознания, отражающее особенности во многом маргинального положения представителей подрастающего поколения в современном обществе. Проявлениями экстремального сознания являются риск и иные формы девиантности в поступках, нигилизм и фанатизм в суждениях, интолерантность, отчужденность от господствующих в обществе норм и институтов. Наиболее опасная для общества форма девиации — делинквентное поведение, включая совершение преступлений.

Во многом преступное поведение детерминируется субкультурными установками на эскалацию социальных конфликтов, прежде всего в сфере распределения материальных благ, отстаивание личной свободы, борьбу за собственные убеждения. Такие

установки при определенных условиях трансформируются в мотив вражды и ненависти к социальным конкурентам и оппонентам, называемый экстремистским.

Усилия законодателя по противодействию росту совершения данных преступлений (преступления экстремистской направленности) должны быть направлены прежде всего на усиление ответственности за различные формы организованной преступной деятельности, в том числе ведущейся с использованием различных форм субкультурных объединений молодежи. Для разработки более обоснованных рекомендаций необходимо исследовать процессы организации и самоорганизации в экстремистской деятельности.

1.2. Самоорганизация и организация в экстремистской деятельности.

Фанатские группировки как первичные организационные структуры

Обращает на себя внимание тот факт, что отечественный законодатель использует термины «экстремизм» и «экстремистская деятельность» как тождественные. Именно на это указывает символ (...) в тексте Федерального закона № 114. Любая деятельность предполагает некоторую совокупность или даже систему поведенческих актов, действий, характеризующихся единой целью или общими целями. Вопрос о целях принципиально важен для определения специфики деятельности, поскольку разные участники могут руководствоваться разными мотивами, и только общая цель объединяет действия нескольких лиц или ряд действий одного лица в общую деятельность.

Нет никаких оснований представлять участников групповых хулиганских действий, тем более экстремистских акций, какими-то умственно отсталыми, расторможенными субъектами с неупорядоченным поведением. Напротив, поведение таких людей на индивидуальном и, прежде всего, на групповом уровне организовано и упорядочено в рамках соответствующей делинквентской субкультуры. Именно в пределах субкультуры, носителем которой является индивид, осуществляется целеполагание.

В каждом обществе возникают системы ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей отдельных социальных групп, отличающиеся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанные с ней. Они называются субкультурами и делят часть элементов с господствующей культурной традицией, создавая и собственные нормы поведения, и ценности, отличающиеся от ведущей (эталонной) культурной традиции. Любая субкультура предписывает человеку цель и путь следования, устанавливая тем самым индивидуальный и коллективный смыслы. Субкультура, как отмечает Я.И. Гишинский, выделяет известную группу людей, отгораживает их от других и позволяет теснее сплотиться на основе общих идеалов, целей, атрибутики и ритуалов. У контркультуры, например криминальной или революционной, всегда имеются социальные цели, как минимум – расчистить себе путь за счет других социальных групп или субкультур, занять в обществе доминирующие позиции, как максимум – свергнуть существующий строй, создать новый.

Понятие «контркультура» является собирательным и используется для обозначения разных по идейной и политической ориентации протестных групп молодежи («новые левые», хиппи, битники, яппи и т.д.), сознательно противопоставляющих свои цели, задачи и атрибутику символам, принципам и целям официальной культуры. Молодежный протест принимает различные формы – от пассивных до экстремистских, общедемократические цели нередко сочетаются в нем с анархизмом, «левацким» радикализмом, «неприобретательский» образ жизни проникнут культурным нигилизмом, технофобией, религиозными поисками.

Для контркультуры характерен отказ от сложившихся социальных ценностей, моральных норм и идеалов, стандартов и стереотипов массовой культуры. Отказаться от них взрослая молодежь еще может, но подростки нет. У субкультуры и контркультуры цели, задачи и функции могут быть разными. Криминологический интерес в связи с этим представляют субкультура преступного мира, без которой не может существовать преступность, а также молодежная субкультура, без которой невозможно рекрутирование новых членов в любые социальные группы.

Контркультурное объединение, кроме того, выступает средством борьбы с другими субкультурными объединениями за контроль над ограниченными ресурсами общества, среди которых важнейшее

положение занимают власть, авторитет и информация. Генеральной целью контркультуры является изменение, в широком смысле, общественного строя, самого общества, поэтому для исследования самоорганизации делинквентных подростков и молодых людей важны три следствия.

1. Контркультура всегда формируется в среде социальных аутсайдеров, маргиналов, недовольных своим положением в обществе и стремящихся к его активному изменению (для субкультур в целом подобное нехарактерно). Не идеология, сколько бы экзотической она ни выглядела на субкультурном поле, формирует группу и определяет направление групповой (внутригрупповой) агрессии.

Группа в силу своего развития и мироощущения определенного числа участников, как минимум лидирующего ядра, и референтной для всех членов подгруппы, выбирает себе субкультурную форму, вернее ее базовые элементы. Для агрессивной группы такими базовыми элементами являются элементы субкультуры профессиональных преступников (организованной преступности). Название («вывеска»), атрибуты, сленг и т.п. в данном случае не имеют значения, но, как уже отмечалось, способны дезориентировать окружающих в вопросах социально-политической сущности девиантного поведения.

2. Контркультуры или делинквентские субкультуры составляют незначительную часть всех субкультурных объединений, соединяют лишь крайне незначительную часть представителей социальных групп, в среде которых они возникли или были ассимилированы.

3. Далеко не в каждом обществе существует единая экстремистская субкультура.

Различия между этими следствиями обусловлены содержанием той культуры, к которой данная субкультура принадлежит. Эти различия обнаруживаются в целях, методах, формах поведения. Можно проследить связь, например, между этнической принадлежностью несовершеннолетних, демонстрирующих девиантное поведение, и их делинквентностью. Такие черты как подростковое хулиганство и вандализм не представляют самостоятельного культурного или социального явления. Они возникают как слепое подражание криминальной субкультуре взрослых либо под прямым руководством ее носителей. Однако увлечение наркотиками, которое появляется именно в подростковом возрасте, — это уже самобытное явление.

С учетом субкультурных смыслов и формируемого на их основе образа жизни для идентификации конкретной субкультуры часто приходится применять несколько критериев. Допустим, субкультура хиппи или яппи является комплексной: у них своеобразное отношение к господствующим в обществе ценностям, включая правосознание, различное классовое положение, стиль жизни, формы проведения досуга, музыкальные предпочтения, «форма» одежды, язык общения.

Соответственно, и молодежные группы, как носители определенной субкультуры или элементов нескольких субкультур, могут быть про- и антисоциальными: первые не противостоят и не борются с господствующей культурой или обществом в целом физическими средствами, вторые прибегают к оружию и насилию в защите собственных интересов. Отрицание смысловой ценности «других» составляет идейную основу нигилизма, проявляющегося, в том числе, в актах хулиганства, вандализма и экстремизма, а отрицание смысловой ценности права, правовой нигилизм, по верному замечанию С.Л. Франка, «невольно санкционирует преступность и дает им (преступникам. — *Прим авт.*) рядиться в мантию идейности и прогрессивности»³⁹.

Общество, которое терпимо относится к девиантному поведению, «чуждачам» молодых, не обязательно должно столкнуться с дезинтеграцией, однако избежать ее можно только тогда, когда индивидуальные свободы сочетаются с социальной справедливостью и с таким социальным порядком, при котором неравенства не очень велики и у населения есть шанс жить насыщенной и полноценной жизнью. Если свобода не сбалансирована равенством и многие лишены возможности самореализации, девиантное поведение, экстремальность в действии, принимает социально деструктивные формы.

Перед законодателем встает непростая задача: гарантировать правовыми предписаниями признанные большинством граждан запреты и ограничения, имеющие преимущественно нравственную, субкультурную окраску, и в то же время гарантировать права на свободное развитие представителей других субкультур, запретить лишь строго определенные формы субкультурной конкуренции. Не случайно периоды социально-экономических, политических и административных преобразований характеризуются быстрым ростом аномии, то есть поведения, противоречащего требованиям соци-

альных предписаний, прежде всего тех, которые сформировались в качественно иных исторических и культурных условиях.

Развитые государства Запада столкнулись с проблемой субкультурных конфликтов еще в 60-е годы XX века. Эта проблема стала объектом исследований таких известных криминологов как А. Коэн, Р. Клоуард, Л. Олин, У. Миллер и их последователей, развивавших теорию субкультурных конфликтов в рамках классической теории девиации Р. Мертона. В частности, было замечено, что делинквентные подростки не стремятся освоить ценности и принципы доминирующей культуры (группы субкультур), присущей представителям среднего класса, и формируют собственные «делинквентские» субкультуры. Несколько ранее предметом социологических исследований стало сопоставление молодежной субкультуры (группы субкультур) и доминирующей субкультуры (среднего класса).

К специфическим чертам современной российской молодежной субкультуры, имеющим конфликтогенное и криминогенное значение, специалисты относят следующие.

1. Преимущественно развлекательно-досуговая направленность. Наряду с коммуникативной функцией (общение с друзьями) досуг выполняет в основном рекреативную (около 1/3 подростков 14–17 лет отмечают, что их любимое занятие на досуге – «ничегонеделание»), в то время как познавательная, креативная и эвристическая функции не реализуются вовсе или реализуются недостаточно.

2. Вестернизация (американизация) культурных потребностей и интересов. Ценности национальной культуры вытесняются образцами западной массовой культуры. По данным опросов, для девушек любимыми героями становятся героини сериалов и бульварных романов о любви, а для юношей – непобедимые супергерои триллеров. Соответственно, меняется ценностная шкала юношеского сознания, где главные роли играют прагматизм, жестокость, неумеренное стремление к материальному успеху, а иные ценности – вежливость, кротость, уважение к окружающим и т.п. – выдавливаются из сознания. Так, по данным опросов, авторы граффити больше всего ценят деньги и иные материальные блага (1-й ранг), дружбу (2-й ранг), секс (3-й ранг), свободу (4-й ранг), любовь (5-й ранг)⁴⁰.

3. Консюмеризм – приоритет потребительских ориентаций над креативными. По данным опросов студентов, потребление в рамках художественной культуры заметно превышает креативные установ-

ки в социокультурной деятельности. Еще более заметна подобная тенденция в группах школьной молодежи. Рост преступности происходит на фоне нарастания явлений девиантного и делинквентного поведения российских подростков. Так, если в начале 60-х годов XX века мужчины начинали систематически употреблять алкоголь с 24 лет, в 80-е — с 19 лет, то в начале 90-х годов — уже с 17 лет. Сегодня мы постоянно встречаем на улицах столицы с пивными бутылками не только юношей, но и девушек в возрасте 14–15 лет⁴¹. Досуговые ориентации подкрепляются основным содержанием теле- и радиовещания, распространяющим скрыто и явно рекламу потребления и ценности массовой культуры.

4. Ослабление избирательности в принципах отбора культурных образцов. В этом российская молодежь часто следует требованиям групповой среды (тусовки) и веяниям моды, а не собственному выбору или советам родителей. Несогласные с группой рискуют пополнить ряды «лохов», «неинтересных», «непрестижных», отвергаемых субкультурной группой людей и даже стать жертвами внутригруппового насилия (мобинг).

Именно опасения оказаться жертвой третирования или насилия, потребность в защите способствуют пополнению рядов территориальных делинквентских групп, материальной поддержки их деятельности со стороны рядовых членов, в том числе доходами от противоправной деятельности. Так, по данным исследования Р.А. Ханипова, в различные территориальные делинквентские группировки среднего промышленного города может входить до 29% учащихся 7–9-х классов. При этом 19% мальчиков и 11% девочек вступили в такие группировки (обычно, создаваемые более старшими людьми, целенаправленно для сбора денег), чтобы обезопасить себя, 29% мальчиков и 11% девочек указали, что им приходилось требовать деньги у сверстников или младших (14% и 7%, соответственно, в этот момент лично нуждались в деньгах)⁴². Закономерной представляется такого рода интеграция и у поклонников различных экстремальных форм проведения досуга. С одной стороны, имеет место потребность в деньгах, а с другой — в защите от членов конкурирующих группировок.

5. Внеинституциональный путь развития молодежной субкультуры — создание неформальных, неофициальных, альтернативных, андеграундных и прочих форм культуры, осуществляющихся вне учреждений образования и культуры.

При этом выделяются как неорганизованные, так и высокоорганизованные, жестко управляемые объединения неформалов. Вторая тенденция проявляется в деятельности люберов, гопников, скинхедов и, отчасти, футбольных фанатов. Их группировки отличаются жесткой дисциплиной и организованностью, агрессивностью, следованию культу физической силы, ярко выраженной криминальной направленностью. Основу их деятельности составляют устрашение оппонентов и борьба с конкурирующими субкультурными группами. В условиях политической нестабильности подобные объединения представляют повышенную опасность, поскольку являются достаточно пластичным материалом и в любой момент могут стать инструментом в деятельности политических организаций радикальной и экстремистской ориентации.

Так, исследователи сравнивают многоярусную сеть преступного сообщества с грибницей, она иерархически структурирована и имеет множество относительно автономных подгрупп⁴³. В упомянутом исследовании Р.А. Ханипова приводятся данные об объединениях пяти возрастных уровней и, соответственно, групп: 13–15 лет, 15–17 лет, 17–20 лет, 20–23 года, 23–25 лет, лидеру или организатору всего сообщества может быть 30 лет или даже 40. «Организация делинквентной группировки может происходить следующим образом. Основной лидер набирает (выбирает, организует) несколько человек 23–25 лет, может быть и старше, каждый из которых также набирает “себе” группу молодежи, возраст которой 20–23 года, дальше – “моложе”, в каждой группе должен быть свой локальный лидер...

Неотъемлемой частью “сети” является ежемесячный сбор денег лидеру группы, деньги перемещаются по цепочке от “старшего” к “старшему”, и так до главного организатора, который, в свою очередь, возможно, также передает деньги другим агентам криминального мира»⁴⁴.

6. Отсутствие этнокультурной самоидентификации. Народная культура (традиции, обычаи, фольклор и т.п.) большинством молодых людей воспринимается как анахронизм. Например, по данным исследования музыкальных пристрастий жителей городов, от 44,3 до 48,6% предпочитают современную отечественную эстрадную музыку (группы «Руки вверх», «Дискотека Авария», «Иванушки Интернешнл»; исполнители Алсу, Андрей Губин, Децл, Игорек)⁴⁵, а зарубежной эстраде отдают предпочтение 28%⁴⁶. Музыкальные

пристрастия обычно становятся своеобразным субкультурным элементом. Таковы, например, феномены популярности российского шансона или творчества немецкой группы «Рамштайн».

При этом, как отмечает С.А. Захаров, индивиды «не “прилепляются” накрепко к определенным культурным образам и традициям, а свободно меняют их, подобно маскам (курсив наш. — Прим. авт.), в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Современная массовая культура предлагает широкий выбор готовых образцов и стилей поведения. Люди выбирают на “символическом рынке” подходящие, по их мнению, образцы и пытаются имплантировать их в ткань своей повседневной жизни...»⁴⁷

Конечно, выбор субкультурной формы осуществляется не произвольно, но с учетом особенностей коллективной деятельности. При этом, будучи сделанным, он начинает определенным образом формировать мотивацию, а тем самым характер и направленность деятельности. Детерминируя деятельность группы, можно существенно влиять если не на ценностные установки ее членов, то на мотивы их правомерного или противоправного поведения. В частности, для делинквентных сообществ подростков такими базовыми элементами становятся атрибуты криминальной субкультуры. Для этого есть несколько причин: во-первых, на всех этапах истории она предлагала образцы поведения свободного человека в далеко не свободном российском обществе, во-вторых, экстремальному сознанию близко нигилистическое отрицание существующих форм и институтов, включая правовые, в-третьих, эта субкультура протестирует естественное стремление молодого человека к независимости, риску, чести, дружбе, уверенности в себе. Только распространяет криминальная субкультура данные отношения лишь на «своих», то есть на членов шайки (*gang*), отчасти — всего криминального сообщества, гангстеров.

Криминальная субкультура — классический пример контр-культуры в любом обществе. Ее носителями являются профессиональные преступники. Надо отметить, что человек становится профессионалом в любой сфере именно в процессе совместной деятельности профессионального общения с другими лицами, осуществляющими ту же профессиональную деятельность. Лишь первичные, достаточно примитивные навыки специализации можно приобрести в одиночку, без такого общения и обмена опытом, взаимного наблюдения, оценки результатов.

Реальное определение криминальной субкультуры включает в себя совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на наиболее рациональную организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности. Сходное определение криминальной субкультуры дали в 60-е годы XX века Р. Клоуард и Л. Оулин. Возникновение этой субкультуры они объясняли действием трех групп факторов:

1 – необходимость противодействия воздействию внешней среды, основной части общества, государства, полицейской и судебной системы;

2 – организация взаимодействия членов криминального сообщества при осуществлении специфической деятельности и в связи с ее осуществлением;

3 – удовлетворение личностных потребностей членов сообщества, обеспечивающее рекрутирование новых членов и самовозобновление сообщества как социального института⁴⁸.

Криминальная субкультура является сложным и многоплановым явлением, включающим три основных подвида: субкультуру профессиональных преступников («воровскую»), субкультуру представителей организованной преступности (криминального бизнеса), субкультуру наркоманов. Все они во взаимодействии с некриминальными субкультурами формируют тюремную субкультуру. Эти субкультуры нередко определяют как контркультуры, поскольку цели их носителей противоречат целям, разделяемым основной частью граждан и закрепленным правовой системой. Известный исследователь российских «неформалов» А.Н. Тарасов полагает, что для контркультуры всегда характерны некое подобие идеологии, представления о «дальних» целях совместной деятельности, авторитет основателей течения⁴⁹.

Именно криминальная субкультура (группа субкультур) становится основным фактором взаимной криминализации в неформальных группах, прежде всего в группах несовершеннолетних, «поскольку в них субкультурные нормы гарантированы системой весьма жестких правил с достаточно суровыми санкциями, подчас выражающимися в физическом насилии и следовании иным традициям преступного мира»⁵⁰. По мнению А.Л. Сагалаева, «преступный мир, в определенный период времени “освоил” подростковые компании, и преобразовал их в хорошо организованные группировки»⁵¹.

В связи с этим важной детерминантой распространения экстремистских акций в деятельности данных группировок является рост числа организованных преступных групп (ОПГ). Он повсеместно сопровождается обострением конкурентной борьбы между «новыми» (включая этнические) и «традиционными» преступными кланами за передел сфер влияния, а также заявлением (и реализацией) политических притязаний лидеров данных кланов.

Процессы самоорганизации и организации в деятельности делинквентных сообществ протекают параллельно, однако по мере роста числа членов объединения возрастает значение организующей деятельности лидеров, организационных ресурсов, среди которых важное значение имеет убеждение, а значит, идеологические факторы. По признакам идейных основ и уровня образуемых неформальных структур данные сообщества можно классифицировать следующим образом.

1. Поклонение обожествляемым предметам и существам (фетишизм, дворовая тусовка). Таких объединений большинство: от поклонников тяжелого рока до потребителей тайских таблеток, факт обладания которыми способствует повышению самооценки. Доминирующими проявлениями экстремальности являются избирательный фанатизм и нигилизм по отношению ко всему, прямо не относящемуся к предмету поклонения.

Не случайно поклонники специфических музыкальных стилей носят одежду, однотипную с вещами любимых исполнителей, а распространители «чудо-таблеток» надевают специальные значки с символикой «чуда». Дворовые тусовки «метят свою территорию», нанося на видные места граффити. Так, по данным И.П. Башкатова, 83% подростков, совершивших правонарушения, в ходе интервью используют местоимение «мы». В составе группы проще нарушать закон, «...мотивом вандального граффити в группе чаще всего выступает стремление “быть как все”». Установлено, что 32% выборки составляют граффити молодежных субкультур (из них музыкальные надписи и рисунки – 50%, граффити футбольных фанатов – 32% и контркультурные граффити – 18%)⁵². Цели и мотивы протеста против чего-либо установлены в 5–7% случаев.

Так, мониторинговая служба Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) провела социологический опрос на тему «Причины и следствия подросткового и молодежного экстремизма». Анонимный опрос проводился среди учащихся

ся 11-х классов 20 московских школ. В опросе приняли участие 157 человек. На вопрос «Участвовали ли вы в каких-либо антиобщественных действиях?» почти половина молодых людей (45%) дали положительный ответ, 35% — отрицательный, 20% опрошенных затруднились с ответом. Ответы респондентов в зависимости от пола распределились следующим образом: в антиобщественных действиях, в той или иной степени, принимали участие 55% юношей и 35% девушек. Особое внимание стоит обратить на то, что опрошенные затруднились дать правовую оценку тем или иным своим деяниям. Не исключено, что массу акций, в которых они участвовали, молодые люди вообще не считают антиобщественными противоправными деяниями, принимая их за шалость, баловство, шутку, проявление своеобразного куража и бравады.

О какой-либо идеологии как системе взглядов, принципов и определенных целей здесь говорить не приходится. Формальное лидерство также отсутствует, оно заменено функциональным: один громче кричит, другой лучше убеждает. Но, при некоторой организационной работе, группы могут объединяться в структуры второго уровня. Основой организации в данном случае выступает потребность участия в коллективных практиках — от поездок в другие места на массовые развлекательные мероприятия до приобретения предметов поклонения. Такие объединения составляют до 70% от общего числа делинквентских образований. Ввиду небольшой интенсивности и общественной опасности действий этих групп правоохранительные органы, общественность и СМИ не уделяют внимания их деятельности, кроме случаев расследования отдельных преступлений, получивших большой общественный резонанс.

2. Поклонение обожествляемым харизматическим лицам (матрица: вождизм, бандитизм). Объединение происходит вокруг личности лидера, имеют место формальное лидерство, сегрегация участников группы — «приближенные», «рядовые», «отвергаемые» и т.д. — и распределение между ними обязанностей в совместных практиках. Интенсивность и продуктивность последних резко возрастают в результате эффекта разделения труда. Соответственно, растет и общественная опасность совершаемых действий, особенно, когда под них подводится идейное обоснование.

Так, в середине 90-х годов в Санкт-Петербурге возникла неонацистская группировка «Шульц-88». На ее счету было десять

доказанных в суде эпизодов с избиениями иностранцев. От «Шульц-88» отпочковалась более радикальная группа, которая назвала себя «Mad Growd» («Бешеная толпа»). На счету этой группировки было уже более 20 нападений на выходцев с Кавказа и китайцев, в ходе одного из них члены группировки пытались сбросить потерпевшего с платформы под приближавшийся электропоезд.

После процесса над членами этой группировки... возникла новая структура — «Банда без названия». Входившие в нее люди (в разное время их было от семи до десяти) находились на нелегальном положении, не пользовались мобильными телефонами, связывались друг с другом при помощи условных сигналов. «Постоянно пичкая самих себя идеологией, они дошли до некоего психического состояния... самоотрешенности... Были как сжатые пружины... Все это похоже на постнаркотическую ремиссию...»⁵³

По сообщениям ГУВД Санкт-Петербурга, члены этой банды помимо многочисленных избиений граждан иных национальностей сознались в совершении ранее нераскрытого убийства гражданина КНДР К. Хеника (июль 2003 г.), убийстве цыганки Н. Явоновой, за совершение которого уже осуждены семь человек (сентябрь 2003 г.), ранее нераскрытом убийстве ученого-этнографа Н. Гиренко (январь 2004 г.), в убийстве вьетнамского студента В.А. Туана, за совершение которого привлечены к уголовной ответственности 14 человек из числа местных «трудных» подростков (октябрь 2004 г.), убийстве антифашиста С. Бельды, за совершение которого также были привлечены к уголовной ответственности и арестованы восемь человек (октябрь 2004 г.), убийстве сенегальца Л. Самбы (за это преступление задерживался и был освобожден один человек) (апрель 2006 г.).

«Удельный вес» банд в делинквентных группировках определить сложно, так как законодатель традиционно связывает признаки таких объединений с вооруженностью и целевой направленностью формирования (нападения на граждан и организации). Психологические и субкультурные признаки таких объединений приходилось встречать в 10–15% случаев и не менее чем у 30% групп, совершавших тяжкие насильственные преступления, в том числе на почве вражды и ненависти.

3. Поклонение личному и коллективному духовному опыту (матрица: сектантство, преступное сообщество, политический клуб). На данном уровне осуществляются институализация межгруппового

взаимодействия, его идеологическое оформление, разделение функций идейного обоснования, организации и планирования, осуществления коллективных практик, а также саморекламы.

Если участники названных выше объединений являются, так сказать, потребителями образцов ранее возникших контркультур, то на данном уровне можно говорить о формировании контркультуры, ее основных элементов. Развитие большинства субкультурных объединений при этом прекращается, поскольку численный рост начинает препятствовать сохранению консолидации. Преодолеть это противоречие удастся только некоторым контркультурным объединениям.

В современных условиях классические структуры традиционной преступной организации все чаще уступают объединениям, создаваемым «на случай» (*ad hoc*) для проведения каких-либо коллективных акций, флешмоба*. Так, 4 июня 2003 г. в Москве толпа подростков праворадикального крыла фанатов команды «Спартак» «Уайт пауэр» («Белая сила») устроила погром в подошедшем к станции «Фили» поезде, избивая приехавших пассажиров и сотрудников милиции (один в результате причиненных травм скончался), пытавшихся остановить драку. Как выяснилось, руководитель этого объединения по кличке Чечен организовал массовую драку, чтобы приобрести авторитет и привлечь в свою группировку больше хулиганов.

Внутригрупповая агрессия, как и межгрупповая, выступает в качестве механизма для обеспечения контроля группы над ограниченными ресурсами (территория, источники благ, власть и т.п.) и консолидации членов данной группы, активизации внутригрупповой мобильности. Рост числа субкультурных групп в условиях массового общества — качественный, выражающий рост субкультурной плюрализации в результате накопления информации

* Флешмоб (англ. flash mob — flash — вспышка, миг, мгновение; mob — толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») — это заранее спланированная эпатажная массовая акция, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут люди с серьезным видом выполняют заранее оговоренные действия абсурдного содержания (сценарий) и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны, как ни в чем не бывало. Психологический принцип флешмоба заключается в том, что мобберы создают непонятную, абсурдную ситуацию, но ведут себя в ней, как будто для них это вполне нормально и естественно: серьезные лица, никто не смеется, все находится в здравом рассудке, трезвые и вменяемые.

и интенсификации обмена, и количественный, вызываемый большой концентрацией населения всех возрастных групп в городах — оборачивается ростом проявлений групповой агрессии.

Преступные сообщества составляют от 5 до 10% субкультурных групп, но их деятельность из-за несовершенства законодательной конструкции и правоприменительной практики почти не получает отражения в судебной статистике. В самом деле, доходит до абсурда: в подразделениях МВД РФ ежегодно регистрируется 40–60 так называемых воровских сходок, которые фактически представляют собой преступные сообщества, созданные для координации групповой преступной деятельности в составе банд, ОПГ и т.д., но лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ, можно пересчитать по пальцам на одной руке.

4. Поклонение квазинаучной доктрине, традиционному знанию или божествам (добрым либо злым) пантеистских и ведических культов (матрица: экология духа, оккультизм и язычество, оппозиционное движение недовольных чем-либо, «система», воровское подполье). Возникают многоуровневые иерархические структуры организации идеологического и информационного обеспечения. Роль формального лидера на высших уровнях иерархии фактически снижается, он становится первым среди равных, но это не мешает заявлению объединением политических притязаний. Политический лидер — не всегда идейный руководитель или верховный координатор.

Центральные органы выполняют координационные функции универсально для всех группировок, объединяющихся вокруг некой идейной доктрины по горизонтали. Последние при осуществлении коллективных практик действуют достаточно автономно от «штабов» и «идеологов», способны сохранять и воспроизводить на своем уровне отношения, характерные для всей структуры в целом.

Так, 2 августа 2004 г. группа членов так называемой Национал-большевистской партии (НБП) осуществила хулиганские действия в здании Министерства здравоохранения Российской Федерации, а также повредила имущество, принадлежавшее данному ведомству. По этому факту Тверская межрайонная прокуратура г. Москвы возбудила уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 167 УК РФ. Семь членов НБП привлечены к уголовной ответственности.

В общей численности субкультурных объединений доля названных структур невелика (2–3%). Их можно рассматривать как стагнирующие, остановившиеся в своем развитии сообщества. Отдельные их участники или малочисленные группы могут совершать преступления по мотивам вражды и ненависти, но большинство ограничивается внешним эпатажем, проведением показательных акций и распространением своей идеологии среди случайных последователей – подростков, лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации, и т.п. или через Интернет.

5. Решение вопросов распределения и перераспределения властных ресурсов (матрица: сатанизм, параллельные властные структуры, мафия). На данном уровне между ними воспроизводятся структуры и отношения, характерные для публичной власти (на государственном и международном уровне), «идеологическое обеспечение» совместной деятельности теряет актуальность. В частности, своей активностью выделяются входящие в международную ассоциацию сайентологов «Сайентологическая церковь Москвы», общественные организации «Гуманитарный центр Хаббарда», «Московский центр дианетики», «Центр прикладной философии», «Свидетели Иеговы» и ряд других международных объединений. Во второй половине 90-х годов и в начале нового века наибольшую известность получили последователи «модернизированного» исламского течения – ваххабизма, одобряющего ведение религиозной войны в террористических формах.

Интересные наблюдения о приемах вовлечения в совершение преступлений террористического характера под видом религиозных объединений приводит Р.Х. Дашаев. Данный процесс разделяется на 3–4 этапа. На первом этапе будущего адепта (потерпевшего или боевика, в зависимости от «профиля» преступного объединения), испытывающего личностные проблемы, вовлекают в деятельность некоторого объединения, практикующего строгую конспирацию, ограничение контактов с миром. Человеку предлагают простые и действенные приемы решения всех проблем, как личных, так и общечеловеческих, на основе специальных коллективных практик. Параллельно ведется изучение личности новообращенного.

На следующем этапе потерпевшему внушается идея личной исключительности и особого предназначения. Для реализации миссии применяются индивидуальные духовные практики, индивидуальная идеологическая обработка, развивающая фанатизм, некри-

тическое отношение к своему ближайшему окружению, прежде всего к наставникам и учителям. С этого момента начинается собственно использование вовлеченного лица в интересах организаторов объединения.

Отметим, что большинство квазирелигиозных объединений этим и ограничивается, программируя потерпевшего на совершение определенных действий в собственных интересах, от разового пожертвования всем, что есть, до удовлетворения сексуальных фантазий духовных отцов и матерей.

На заключительном этапе, в зависимости от целей организаторов, подготовка потерпевшего может включать в себя обучение как методам вербовки новых членов, так и приемам и способам совершения разных преступлений. В частности, речь идет о боевой подготовке в специальных центрах и т.п., в составе малочисленных групп, фактически боевых единиц⁵⁴.

С учетом особенностей данного процесса и личностных особенностей его участников Р.Х. Дашаев предложил интересную классификацию участников террористических формирований, которая, в принципе может быть использована и для участников экстремистских организаций. Безусловно, сильной стороной данной классификации является то, что автор не проводит деление между участниками организованной преступной деятельности и сочувствующими лицами, демонстрирующими конформное поведение в условиях нарастания межобщинной вражды и ненависти⁵⁵.

Сочувствующие находятся в основе пирамиды, следующий этаж которой составляют всевозможные агитаторы. Еще сочувствующие исправно поставляют на следующие ярусы террористических сообществ как фанатиков, так и боевиков более высокого уровня, то есть наемников, у которых одна религия — автомат Калашникова. От фанатика, заложника своей умственной недостаточности, до боевика — наемника надо дорасти. Дорасти проще в компании единомышленников, при целенаправленном ограничении внешних, неконтролируемых наставниками, источников информации. Таким образом, например, из фанатиков вербуются наименее уважаемые в среде боевиков смертники, «говорящее оружие», не представляющее никакой ценности. Они составляют нижний этаж четырехуровневой системы членов вооруженных формирований, возглавляемых боевыми лидерами.

В структуре организованной преступности террористического и экстремистского характера боевые лидеры — руководители от-

дельных боевых групп составляют наряду с инструкторами средний ярус. Их положение выше, чем у вербовщиков, но ниже, чем у идеологов. Идеологи и заказчики составляют высший уровень организованной преступности террористического и экстремистского характера. К этой же подгруппе следует отнести духовных лидеров, без которых международным террористам было бы значительно сложнее придавать подобие легитимности своим кровавым вылазкам в народе и заявлять о собственных политических притязаниях перед международным сообществом.

Представленная классификация была бы более полной, если бы включала в себя спонсоров и представителей политической элиты, организующих идеологов и направляющих заказчиков для упрочения своего собственного положения в обществе.

А. Сысоев предлагает классифицировать участников экстремистских организаций по личностным качествам и занимаемому положению в преступной иерархии на пять типов.

1. Идеальный тип, представленный лицами мужского пола в возрасте 35–40 лет, имеющими высшее или незаконченное высшее образование, как правило не судимыми, не работающими, женатыми или разведенными, обладающими высоким уровнем интеллекта, самоконтроля и волевой активности.

Эти люди активно пропагандируют радикальную идеологию и преступные (экстремистские) методы претворения в жизнь соответствующих идей, они хорошие организаторы и обладают навыками внушения. Составляют около 8% осужденных. Позиционируют себя как мучеников за идею, стараются привлечь на свою сторону других осужденных и представителей администрации. По нашему мнению, было бы корректнее говорить о типе организатора, поскольку идеальных преступников на самом деле очень мало: агитатор и организатор, не реализовавшись в легитимных формах деятельности, повышает свой статус в деятельности противозаконной.

2. Истинный (активный, активист, локальный лидер. — *Прим. авт.*) тип, представленный лицами мужского пола в возрасте 24–32 года (образование среднее, реже — среднее специальное), не работающими постоянно, не женатыми или разведенными, нередко ранее судимыми за насильственные и корыстно-насильственные преступления. Представители этого типа неуравновешенны, эмоционально возбудимы, уровень волевого самоконтроля у них средний. Направленность личности деформирована, преобладает негативное отношение

к сложившимся общественным ценностям, правовой системе и государственным институтам. Для данного типа характерна потребность к совершению антисоциальных поступков как в быту, так и в общественной жизни, для чего его представители активно формируют ситуации совершения преступления. Тем самым они повышают свой социальный статус участников борьбы как в микрогруппе, как и в составе преступного сообщества. Могут демонстрировать неплохие организаторские способности, но подчиняют себе, как правило, более слабых и примитивных. В местах лишения свободы режимные требования нарушают редко, стремятся держаться особняком. Среди осужденных экстремистов (и террористов) лица такого типа составляют примерно 27%. В рамках классификации типов личности преступников (А.И. Алексеев) два первых типа являются подвидами последовательно (глобально) криминального типа личности.

3. Играющий тип представлен лицами, как правило, мужского пола, несовершеннолетними или молодыми людьми в возрасте 16–25 лет, образование среднее, постоянного источника дохода не имеют, холосты, ранее не судимы либо судимы за хулиганство, часто (до 2/3 случаев) совершают преступление в состоянии опьянения. Отличаются невысоким уровнем интеллекта, отсутствием правосознания, неустойчивостью мотивов и нестабильностью эмоциональных состояний. Совершение преступления обычно объясняется не борьбой за идею, а ответными действиями на неправомерное поведение потерпевших. К самоорганизации для осуществления длительной целенаправленной подготовительной и организованной деятельности не способны. Осужденные такого типа по выборке составляют до 35%.

4. Зависимый тип — лица мужского пола, преимущественно молодежного возраста (от 16 до 25 лет), образование среднее, холостые, ранее не судимые. Характеризуется низкими волевыми качествами, совершает преступление, находясь под влиянием или непосредственным контролем кого-либо из своего ближайшего окружения. Действует обычно в составе группы, подчиняясь основному закону толпы: «я как все». Отмечается действие механизмов психического заражения, к самоорганизации не способен. Данные лица признают свою вину частично или полностью. Представители зависимого типа составляют 18% осужденных экстремистов.

5. Случайный (или ситуационный) тип личности действует под влиянием сложившейся конкретной ситуации перед совершением

преступления и во время него и субъективных антиобщественных психологических стереотипов. Представлен лицами мужского и женского пола, как правило молодого возраста, но встречаются и люди старше 40 лет, женатыми (замужними), проживающими с семьями, работающими, имеющими среднее, среднее специальное или незаконченное высшее образование. Преступление совершает в одиночку или в составе случайной группы под влиянием ситуации, в известной мере необычной для представителя указанного типа. Вину свою признают полностью, сотрудничают со следствием. К этому типу относится около 12% исследованных осужденных⁵⁶.

Представителей двух последних типов – подвиды преступника с ситуационным типом личности, случайных людей в экстремистских, как и в любых других организованных группах, встречать доводится редко. Криминологическое значение данных наблюдений состоит в том, что выявлены общие закономерности организованного подчинения воли одного лица воле других лиц, представляющих объединение. В то же время именно в составе макрообъединения, экстремистского сообщества, определенные категории преступников могут существенно повысить свой групповой статус, получить признание как профессионалы и авторитеты, «идейные» и т.п., аккумулировать и распространять собственный преступный опыт. Фактически речь идет о более высоком уровне профессионализации.

По данным МВД Российской Федерации, на территории нашей страны действует до 80 международных экстремистских организаций, получающих «финансовую и идеологическую подпитку из-за рубежа»⁵⁷. Фактически их численность в несколько раз больше, так как международные связи имеют различные объединения, от антиглобалистов до «зеленых» и от фанатских клубов до поклонников экстремальных видов спорта. В данном случае отмечается сочетание процессов организации (региональный уровень) и самоорганизации (межрегиональный и международный уровень) разных, прежде всего радикальных, объединений.

Так, в Москве существует несколько политизированных, с жесткой иерархией скинхедских организаций: «Скинлегион», «Blood & Nonnog – Русский филиал» и «Объединенные бригады 88». Наши ультрас активно взаимодействуют со своими западными единомышленниками – в столицу не раз приезжали запад-

ные скинхедские группы, а также делегации скинхедов из США, ФРГ, Австрии и Чехии⁵⁸.

Отечественные и зарубежные объединения лидеров и ветеранов субкультурных объединений ультрарадикального толка постепенно эволюционируют в политические клубы, приобретают организационные структуры, необходимые для идентификации и дееспособности. Сходные процессы протекают и в среде футбольных фанатов.

Обращает на себя внимание факт, что у скинхедов существует своя так называемая скин-пресса: журналы «Под ноль», «Белое сопротивление», «Отвертка», «Стоп», «Я — белый», «Streetfighter». Наполовину скинхедским является ультраправый контркультурный журнал «Сполохи». Существуют также рассчитанные на скинов ультраправые сайты в Интернете, включая «Русское зеркало» американского скин-сайта «Stormfront». Все это пресса экстремистского и профашистского толка. Очевидно, что без серьезных финансовых затрат осуществлять связь между отдельными бригадами и сообществами, организовывать межгородские и международные вояжи, содержать СМИ, включая электронные, и т.п. невозможно.

В целом, данные организации составляют незначительную часть рассматриваемых объединений (2–3%), но их влияние и организационные возможности достаточно велики. Именно это побуждает национальные правоохранительные структуры и международные организации наращивать сотрудничество по различным направлениям пресечения организованной противоправной деятельности.

Таким образом, именно территориальные фанатские группировки составляют основные структурные элементы для строительства делинквентских сообществ, а в случае криминального перерождения субкультурных групп и формирования ОПГ. Как важные особенности агрессивных территориальных объединений подростков делинквентской и криминальной направленности в нашей стране следует отметить также исключительно высокую устойчивость к профилактическому и правоохранительному воздействию государства на всем протяжении XX века и в начале XXI столетия.

Данные группировки стабильно воспроизводились в каждом следующем поколении, постоянно пополняя ряды организованной и профессиональной преступности. При этом визуальные признаки таких групп, включая внешний вид, атрибуты, лозунги и фетиши, а также сленг, достаточно быстро изменялись, не затрагивая сущность деятельности и отношения с обществом. Никаких идейных основ

вражды не было и в помине. По мнению Ю. Шинкаренко, объединение фанатов — любителей, ништяков, многих казанских гопников — изначально происходило не на криминальной основе. Элементы воровской субкультуры использовались люмпенскими группами лишь в качестве строительных лесов, некоторой субкультурной формы. Именно она наиболее полно соответствовала мироощущению люмпен-подростка, социального изгоя, маргинала, отверженного⁵⁹.

В настоящее время наиболее многочисленными и известными по участию в групповых хулиганских и экстремистских действиях являются группировки футбольных болельщиков, которые, как это неоднократно случалось, во время массовых насильственных акций объединяются с различными националистическими группами. Кроме того, рассматриваемые объединения, как правило, не имеют официальных организационных центров, таких как официальные фан-клубы и национальные федерации футбольных болельщиков.

По формам участия в противоправных коллективных практиках группировки различаются следующим образом.

1. Случайная группа, например, затевающая драки на дискотеках, стадионах и в других местах, однако имеющая свои неписанные групповые нормы и ценности. Вхождение в случайную группу воспринимается как сигнал об освобождении от социального контроля, возможность «отпустить тормоза». По результатам анкетирования осужденных, проведенного И.Л. Денисовым и О.П. Рыбалкиной, хулиганство и вандализм «как правило, являются средством восполнения недостатка впечатлений, выступают в качестве своего рода развлекательных программ»⁶⁰.

В среде более многочисленных представителей субкультурных объединений, футбольных фанатов распространены хулиганства, а не насильственные преступления, направленные против личности⁶¹. Если члены таких групп и совершают преступления экономической направленности, это, как правило, слабо подготовленные, ситуационные кражи или грабежи. Сегодня предметами посягательств нередко выступают так называемые знаковые (статусные) вещи: одежда с символикой спортивного клуба, спиртные напитки, украшения, мобильные телефоны.

2. Ретристская группа. Под ретризмом в социологии и психологии понимают стремление к уходу от действительности, от жизненных трудностей. Крайний вариант ухода от действительности —

суицид. Обычные занятия ретристских групп — бесцельное времяпровождение, сомнительные развлечения, токсикомания и наркомания.

3. Агрессивная группа основана на наиболее примитивных представлениях об иерархии ценностей и минимуме культуры. Она дошла до нас из глубокой древности, практически не изменившись. Характерные особенности агрессивной группы — жесткая иерархическая структура, сильное групповое давление на участников, серьезные санкции за нарушение групповых норм, психологической основой которых является резкое противопоставление: «мы — они»⁶². Численность данных групп колеблется от 3—5 до 10—20 и даже 25 человек.

Такие группировки характеризует высокая криминальная активность. За футбольный сезон практически каждый член фанатских групп (89%) неоднократно становится участником групповой драки, около 43% сотрудники милиции задерживали за совершение административных правонарушений, около половины из них (19%) неоднократно⁶³.

Агрессивные проявления данных групп направлены, как правило, против таких же конкурирующих групп или против лиц, отличающихся по каким-либо, чаще всего внешним, признакам (неславянская внешность, принадлежность к правоохранительным органам, ношение символики другого клуба, утрата символики своего клуба).

В последнем случае в отношении чужака могут совершаться посяательства против личности, а также издевательства над отвергаемыми членами своей группы, стигматизируемыми как лохи, третирование их. Представители городских низов всегда и везде воспринимают «пришлых» негативно, независимо от их национальности и вероисповедания, потому что видят в последних конкурентов на рынке труда (наименее квалифицированного и низкооплачиваемого), в получении социальных подачек и в организации досуга. Мобинг практикуется и другими субкультурными группами.

Очень часто в такие субкультурные объединения в силу различных социально-психологических и экономических причин оказываются втянутыми различные маргинальные элементы — мигранты, безработные, представители этнических меньшинств, подростки. Несовершеннолетние, как отмечают многие исследова-

тели неформальных объединений (А.В. Добрович, И.С. Кон, В.Ф. Левичева, А.В. Мудрик, И.С. Полонский и другие), в соответствии с действием психологических и социальных факторов остро нуждаются в объединении. Очевидно, в субкультурных объединениях антиобщественной направленности быстрее распространяется и прочнее усваивается криминальный опыт.

По признаку отношения к ценностно-нормативной системе субкультуры и положению внутри группы членов любой фанатской группировки можно разделить следующим образом.

1. Устойчивое, сплоченное ядро группы, обычно обозначаемое как лидерство, общее (формальное) и функциональное (неформальное). Пребывание в данной подгруппе может служить условием перехода субъекта в вышестоящую на «социальной лестнице» субкультурную группу (их 8–12% от общей численности территориальных фанатских групп).

2. Активные и сознательные приверженцы субкультурных норм и ценностей, составляющие резерв ядра и референтную группу для всех остальных участников (по разным оценкам, их от 20 до 30%).

3. Пассивные сторонники субкультурных ценностей, случайно или на время примкнувшие к данной группе, разделяющие господствующие среди ее членов традиции и обычаи и не дистанцирующиеся от них. Численность данной подгруппы – 50–60%, она составляет резерв для предыдущей и последующей подгрупп.

4. Отвергаемые по каким-либо причинам члены группы, но не изгоняемые из нее. Данные лица также являются сторонниками субкультурных ценностей и норм, но не способны следовать им на практике, стремятся упрочить свое внутригрупповое положение. Доля данных лиц невелика, примерно 5–10%.

Приведенное внутригрупповое деление, а также инициация при вступлении в группу имеют древние психологические традиции, так как практикуются всеми относительно замкнутыми сообществами людей, включая случайно сформированные по формальному признаку и ограниченные в свободе выбора занятий и общения.

Такое деление характерно не только для первичных территориальных групп, объединенных каким-либо экстремальным интересом, фанатизмом в отношении некоторого занятия, времяпровождения, но и для объединений более высокого уровня в рамках делинквентского сообщества, в частности в группе локальных лидеров, в группе высших руководителей. Например, ветеран, отвер-

гаемый другими авторитетами, выступает лидером в группе нижестоящих бригадиров (локальных лидеров). Это создает опасность конфликта и раскола внутри самого сообщества, спонтанных вспышек насилия и внутригрупповой агрессии, показательных погромных акций. В связи с этим С.В. Шестаков обоснованно объединяет хулиганство, вандализм и националистические выпады, как проявления «воинствующей улицы»⁶⁴.

На самом деле, перейти от скандирования оскорбительной «кричалки» в адрес конкурирующего фанатского сообщества к такому же скандированию в адрес представителей правоохранительных органов или определенной социальной группы не так уж сложно. Труднее в первом случае провести грань между непреступным нарушением общественного порядка и разжиганием вражды и ненависти в отношении социальной группы, опираясь на уголовный закон.

На непосредственную связь насильственной преступности и ксенофобии и межобщинной нетерпимости указывают и британские эксперты из West Midlands Police.

Рост числа арестов активистов группировок футбольных хулиганов только в 1998–1999 гг., в частности за проявления насилия с 52 до 100, за неподобающее поведение – с 312 до 322, за нападение – со 110 до 132, повлек за собой сокращение числа преступлений на национальной почве с 33 до 25. Так, итогом четырехмесячной работы полицейских, действовавших под прикрытием в группировке «Leeds», стал арест 11 молодых людей по обвинению в организации массовых беспорядков и групповом хулиганстве. Во время ареста были изъяты специальная литература, содержащая факты пропаганды насилия и беспорядков, а также ножи, арбалет, железная арматура и тому подобные средства⁶⁵.

Ролевое поведение члена фанатской группы является предпосылкой статусного поведения члена организации. В данном случае имеет место действие хорошо известного закона перехода количественных изменений в качественные. В борьбе множества конкурирующих групп вырастают и структурируются криминальные объединения, интересы которых простираются в сферу экономических отношений, прежде всего в их теневой сектор.

По нашему мнению, наибольшую общественную опасность представляют организаторы и спонсоры экстремистских сообществ, а также политические деятели, готовые устанавливать контакты с любыми делинквентными сообществами, обеспечивать им идей-

ное обоснование и политическое прикрытие в обмен на создание желательного климата в обществе.

Данная группа лиц представлена лицами более старшего возраста с высоким уровнем образования и материального достатка и не менее высоким уровнем притязаний. Они сами редко принимают участие в массовых мероприятиях ультрас, не громят стадионы, не разоряют кладбища и не избивают приезжих. Если кто-то из них и привлекается к уголовной ответственности, то обычно за совершенные совершенно иных преступлений – должностных, финансовых, в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов и т.п.

У этих людей мотивы вражды и ненависти к определенным социальным группам, бредовые идеи изменения миропорядка, как правило, отходят на второй план. На первом стоят установление контроля над ресурсами и достижение конкурентных преимуществ в борьбе за передел сфер влияния, власти. Так, один из лидеров националистической организации, предприниматель В., в близком кругу появляется в футболке с характерной надписью: «Нас никому не сбить с пути, нам по ... куда идти!» Контакты со своими «идейными» последователями данные лица также всячески маскируют, нередко осуществляют через особо доверенных лиц, различные клубы или анонимные интернет-сайты.

О превращении фанатских группировок, вкусивших от древа организации в социально-культурный феномен, свидетельствуют такие факторы как появление собственной мифологии и специфических музыкальных стилей, собственной прессы (в форме интернет-изданий или периодической печати), собственных касс взаимопомощи. Основными носителями организованности, осуществляющими коммуникацию между легальными и криминальными, а также официальными общественными структурами и группами подростков, становятся ветераны движения, повзрослевшие члены группировок (18–25 лет). В Германии они объединяются в товарищества по 5–20 человек. Большинство российских фанатов также объединены в малочисленные группы по месту жительства или учебы, возглавляемые, как правило, более старшими людьми, носителями идеологии.

Сегодня в России существует целый спектр субкультурных объединений (фанаты, скинхеды, попперы, рэперы, рокеры, рейверы, байкеры, готы, эмики и др.), ни одно из которых не является продуктом национального культурно-исторического развития народов

нашей страны. Все они заимствованы (скорее, даже привиты) и адаптированы к отечественным социально-экономическим и политическим условиям, к нашему менталитету из других культур. Успех адаптации данных течений в России объясняется не только яркостью и необычностью в сравнении с официальными молодежными структурами советской эпохи, но и тем, что их возникновение удовлетворяло потребность в образе врага, консолидирующего плюралистическое и дифференцированное общество.

Во-первых, фактор страха всегда мобилизует социальную активность. Во-вторых, отрицание обывателем своего тождества с непонятными и опасными хулиганами—экстремистами—террористами предполагает объединение себя с органами власти, от которых современный гражданин в большинстве случаев отчужден. В-третьих, на профилактику хулиганства, противодействие насилию и беспределу, а также на восстановление разбитого и поломанного в процессе столкновений удобно требовать новые бюджетные ассигнования. В-четвертых, можно получить крупную страховку. В-пятых, общество любит борцов с преступностью и склонно многое им прощать, включая нарушения конституции. Перечень можно продолжить.

Так общество и формально противостоящие ему делинквентные объединения находят точки соприкосновения интересов, формируют новую систему, в которую оказываются органично вписаны и прежние, и нынешние институты, объединенные неприятием либеральных ценностей.

В соответствии с изложенным выше, распространение совершения преступлений экстремистской направленности обусловлено массовым вовлечением подростков и молодежи в делинквентские сообщества и обострением конкурентной борьбы между данными сообществами за ограниченные ресурсы и сферы влияния. Нередко такая борьба приобретает субкультурную окраску, а сама деятельность сообществ бывает пронизана элементами криминальной контркультуры.

Возникновение данных сообществ не следует рассматривать как проявление неорганизованного, спонтанного бунта маргинальных слоев современного общества. Анализ институализации делинквентских групп несовершеннолетних и молодежи позволяет говорить о формировании определенного социокультурного слоя.

Нынешние институты предоставляют определенную социальную нишу новому поколению люмпенов постиндустриального общества

и потому находятся в сложном взаимодействии с официальными общественными институтами, включая политические организации. Первичными единицами в организации рассматриваемых сообществ являются досуговые объединения, территориальные микрогруппы подростков-фанатов, среди которых наиболее многочисленны футбольные.

Пребывание несовершеннолетних в составе соответствующих объединений объективно осложняет процесс социализации личности и переориентирует обостряющиеся именно в этот период жизни проявляющиеся в длительном и стойком отчуждении от господствующих в обществе нравственные и правовые ценности. При воздействии негативных условий социального окружения эти изменения становятся криминогенным фактором.

Далеко не правильным является взгляд на члена субкультурной группировки как на трудного подростка с низким интеллектом, неспособного адаптироваться к быстро изменяющимся условиям современной жизни. Уровень интеллекта влияет лишь на статус конкретного молодого человека в группе. Однако пребывание несовершеннолетнего в составе субкультурных образований, пропагандирующих обособленность от общества, объективно осложняет процесс социализации личности и при воздействии негативных условий социального окружения становится существенным криминогенным фактором. Так, вражда к представителям конкурирующих группировок и носителям иных субкультур превращается в питательную почву для организованного совершения против них различных преступлений хулиганской и экстремистской направленности.

Лица, совершающие данные преступления, могут быть условно разделены на четыре основные группы:

- 1 – хулиганствующие попутчики субкультурного объединения;
- 2 – посредственные, или второстепенные, исполнители;
- 3 – непосредственные, активные, самоорганизующиеся (идейные) исполнители и координаторы, составляющие ядро или актив экстремистской организации, включая группы локальных лидеров;
- 4 – лидеры, организаторы и спонсоры, использующие данные группы и сообщества в собственных целях и обеспечивающие им прикрытие от эффективного преследования.

Первые и вторые из-за отсутствия идейной и структурной связи с ядром организации, представленным лицами, входящими в третью подгруппу, являются слабыми звеньями в системе экстремистских сообществ.

Глава 2. Ксенофобия и преступления ненависти

2.1. Человек, агрессия, насилие

Рассмотрим, как агрессивность, имеющая биологическую основу, под влиянием социальных факторов преобразуется в насилие, имеющее социальную природу, а последнее может проявляться в виде ксенофобии и преступлений ненависти. Выбор темы обусловлен как ее актуальностью в современном мире, так и противоречивостью представленных в науке и публицистике мнений. Разумеется, мы не претендуем на истину («есть много истин, нет Истины»), а лишь актуализируем свои представления.

Насилие сопровождает человечество всю его историю. Оно — неотъемлемый элемент общественного бытия. В современном мире наблюдается эскалация насилия. Возможно, однако, что такое впечатление (*omnia opinia doctorum!*) объясняется не столько реальным увеличением «массы» насилия, сколько большей чувствительностью современников к любым его проявлениям. Мы вряд ли найдем в истории человечества мирные эпохи. Так, по неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. по настоящее время на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тысяч войн унесло около 3,5 млрд человеческих жизней. И это, не говоря о насильственных преступлениях, семейном насилии и т.п.

В современном мире различные проявления насилия вызывают все более негативную реакцию. Это объясняется, во-первых, явно или интуитивно осознаваемой угрозой существованию человечества в условиях, когда имеются средства, достаточные для уничтожения всего живого на Земле, а во-вторых, толерантностью населения цивилизованных стран, чья мораль не приемлет насилия⁶⁶.

Со временем насилие приобретает системный характер. Оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin,

N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (N. Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, J. Galtung), криминальное насилие. Но и само «право поражено насилием» (W. Benjamin). В конечном счете «насилие встроено в систему» (D. Becker).

Между тем в политологической, социологической, юридической, психологической науке не прекращаются дискуссии о самом понятии «насилие», его природе (биологической, психологической, социальной), генезисе, возможностях минимизации.

Ниже излагается авторское понимание проблемы и феноменологии насилия вообще, в современной России в особенности.

Наиболее широким является понимание насилия как поведения, наносящего вред другим⁶⁷. Юридически более точное определение насилия – причинение физического, психического или материального (имущественного) вреда. В узком смысле слова насилие – причинение физического вреда, нарушение физической неприкосновенности. Под насилием также понимается враждебное отношение к объекту посягательств, осуществленное в действиях, направленных на его разрушение (повреждение или уничтожение).

Существует много споров о природе насилия: имеет оно преимущественно животное (биологическое) происхождение или же социальное.

«Какое зверское убийство!» – восклицаем мы, услышав об особо жестоком лишении жизни. «Не человек, а зверь!» – говорим о человеке жестоком, серийном убийце, садисте. При этом мы клеветаем на зверей. Во-первых, внутривидовое убийство среди животных – крайняя редкость. У них акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются серьезными травмами и смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигнал капитуляции немедленно прекращает самую жестокую схватку. Так, побеждаемый волк подставляет свое горло под клыки волка-победителя, и тот немедленно прекращает схватку. «Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов»⁶⁸. К сожалению, представители вида *Homo sapiens* утратили этот биологический защитный механизм, и существовавший когда-

то принцип «лежачего не бьют» сегодня потерял практический смысл. Лежачего добивают... Страшна история человечества...

Во-вторых, агрессия среди животных всегда инструментальна – из-за пищи, из-за самки, при защите детеныша, но никогда не превращается в самоцель, не бывает, как у людей, «просто так», из зависти, из мести, из хулиганских побуждений, по мотивам ненависти или вражды. Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не существует.

В книге П. Хасснер приводятся данные Р. Руммела, согласно которым за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн жертв межнациональных и гражданских войн около 151 млн человек было уничтожено собственными правительствами. По оценке Н. Крессель, лидеры стран («спонсоры убийств»), принесли в жертву человеческие жизни: СССР (1917–1987 гг.) – 61,9 млн человек, Китай (1928–1987 гг.) – 45,2 млн, Германия (1934–1945 гг.) – 20,9 млн, Япония (1936–1945 гг.) – 5,8 млн, Камбоджа (1975–1978 гг.) – свыше 2 млн и т.д.⁶⁹ Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?

Насилие в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, но и тем, что оно обычно сопровождается враждебным отношением к объекту насилия (волк не испытывает вражду к зайцу). Итак, агрессия присуща всему живому, а насилие – только человеку. Впрочем, качественное отличие насилия от агрессии признают не все авторы⁷⁰.

Но «если проявление истребительной внутривидовой агрессии – это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что характерно именно для человека, что его отличает от животных, а не в том, что его роднит с ними? <...> При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех социальных причин, которые агрессивность вызывают»⁷¹. Обратимся к ним.

Очевидно, единой причины насилия как социального феномена не существует. Имеется множество факторов, воздействующих на состояние и динамику многообразных проявлений насилия – государственного, полицейского, военного, семейного, педагогического, криминального и т.д. Это факторы экономические, демографические (пол, возраст, этническая принадлежность, миграция и т.д.), культурологические (принадлежность к той или иной куль-

туре, субкультуре, религиозной конфессии) и даже космические: выявлены корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств и солнечной активностью, фазами Луны⁷².

Остановимся на одном из главных, с нашей точки зрения, факторов.

Все свои действия человек совершает, в конечном счете, для удовлетворения тех или иных потребностей: биологических, или витальных (в пище, питье, укрытии от неблагоприятных погодных условий, продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении и т.д.); духовных, или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей в каждом обществе для каждого времени распределены относительно равномерно, а возможности удовлетворения потребностей различны. Некоторая степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей человека (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, индивид с высоким интеллектом или не очень), но главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально-экономическое неравенство, то, что люди занимают неоднородные позиции в социальной структуре общества (рабочий или бизнесмен, фермер или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения человека (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) в основном зависят возможности удовлетворять те или иные потребности. Иногда, в период обострения межклассовых (межклановых, межкастовых) противоречий, складывается впечатление, что субъекты различных социально-экономических статусов представляют собой различные «виды» *Homo sapiens*... Тогда объяснима и «зоологическая» вражда между ними (например, между пролетариями и капиталистами, между крестьянами и феодалами). Впрочем, это уж совсем ненаучное предположение.

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет элита общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная). Средняя, самая значительная по объему часть, – средний класс. В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники и т.п.). За пределами

официальной социальной структуры (или в самом ее низу — это зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгой (бездомные, безработные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т.п.). Чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее человек, тем больше у него возможностей удовлетворять свои потребности, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем таких возможностей меньше. При этом распределение людей по тем или иным социальным позициям обусловлено прежде всего независимыми от них (людей) обстоятельствами — социальным происхождением, принадлежностью к определенному классу, группе и лишь во вторую очередь — личными способностями, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. В последнее время она вновь возрастает. Уже ясно, что в реальности далеко не каждый американец может стать президентом. Разумеется, это относится не только к США.

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда. Дифференциация общества как результат углубляющегося разделения труда есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае — общества) служит дифференциация, усложнение структуры, повышение разнообразия составляющих ее элементов. Это особенно важно помнить сегодня, когда советские завораживающие стереотипы казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия до конца не преодолены и вновь оживают. Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социуме. Однако, как все в мире, оно влечет за собой и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает социально-экономическое неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не породить зависть, социальные конфликты, протестные реакции, ненависть, принимающие форму различных девиаций, включая насилие. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»⁷³.

На роль социально-экономического неравенства в генезисе преступности, включая насильственную, обращали внимание еще в XIX веке. Так, по мнению Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»⁷⁴. Принс главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами⁷⁵. С точки зрения Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить все свои потребности ведет к преступлению»⁷⁶.

Р. Дарендорф признает: «Социальное неравенство, пронизывающее сверху донизу все наше общество, восстанавливает одних людей против других, обуславливает конфликты и борьбу между ними»⁷⁷. Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»⁷⁸.

Главное в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а степень различий в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обращал внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»⁷⁹. Так что по-своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР.

Социальная неудовлетворенность и попытки преодолеть ее, в том числе незаконным путем, порождаются не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группа-

ми, классами. Поэтому в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности, наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств (актов аутоагрессии)⁸⁰.

Интересные результаты получены еще в 70-е годы минувшего века в исследовании (под руководством А.Б. Сахарова) социальных условий в двух регионах России. «Было установлено, что более неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальный доход и т.д.) лучше, но зато значительнее контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные условия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерны. Иными словами, состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия»⁸¹. Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увеличения/уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения⁸².

В генезисе насилия особую роль играет неудовлетворенность именно социальных потребностей — в престиже, статусе, самоутверждении, творчестве. Если неудовлетворенная витальная потребность приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность — к «сверхборьбе за сверхсуществование». Так, «отрицательные эмоции, возникающие на базе неудовлетворенных социальных потребностей, как правило, стеничны и агрессивны»⁸³. Насилие чаще других нежелательных для общества форм деятельности выступает средством самоутверждения, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные, творческие способы самоутверждения («комплекс Герострата»). Даже такое, казалось бы, очевидное по своей мотивации преступление как изнасилование в действительности не столько преследует цель удовлетворения витальной — сексуальной потребности, сколько служит способом самоутверждения (при невозможности самоутвердиться другим путем, кроме сексуального⁸⁴).

Глобализация усилила процесс социального расслоения. Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию включенность – исключенность (*inclusive – exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 60-х годов XX века как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими⁸⁵. Работа Рене Ледуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов (исключенных), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее число людей⁸⁶. Исключение происходит постепенно, при накоплении трудностей, разрыве социальных связей, дисквалификации, кризисе идентичности. Исключенными бывают государства и группы населения в них.

Крупнейший социолог современности Никлас Луман в конце минувшего XX века писал: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего. – *Прим. авт.*) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра <...> что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах <...> мы уже можем наблюдать это состояние»⁸⁷.

Как пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»⁸⁸. Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны

“отстали навсегда”! <...> Уже очевидно, что “всего на всех не хватит” – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением “золотого миллиарда”. “Культуры на всех” тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих “золотому миллиарду”»⁸⁹.

Теоретические концепции К. Маркса, Р. Мертона и многих других, усматривающих основную причину девиантных проявлений в социально-экономическом неравенстве, эмпирически подтверждаются при исследовании корреляционной зависимости между девиантными проявлениями (прежде всего насильственными преступлениями и самоубийствами) и различными факторами (половозрастная структура, миграционные потоки, алкоголизация и наркотизация населения и т.д.), включая экономические показатели социально-экономического неравенства – децильный (фондовый) коэффициент и индекс Джини. Децильный коэффициент показывает разницу в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения. Более «чутким» является индекс Джини, показывающий степень неравенства в распределении доходов населения и измеряемый от 0 до 1 (чем выше индекс, тем значительнее неравенство).

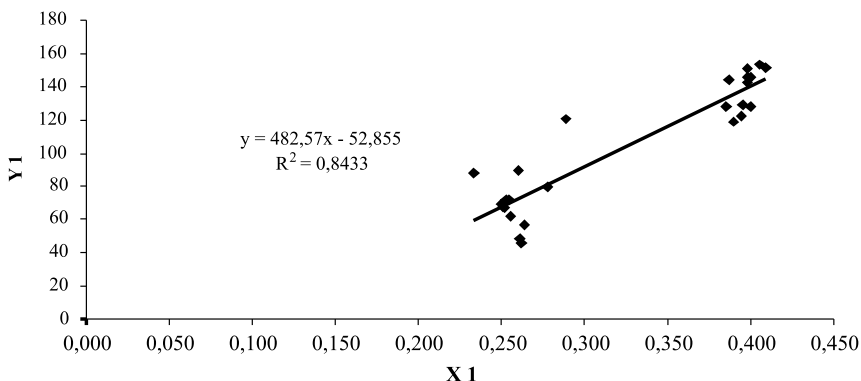
Индекс Джини в начале текущего столетия был в России 0,456, тогда как в Австрии – 0,309, в Германии – 0,283, в Бельгии – 0,250, в Японии – 0,249. Близкие российскому были показатели в Боливии (0,447), Иране (0,430), Камеруне (0,446), Уругвае (0,446)⁹⁰. В 2007 г. индекс Джини в России, по официальным данным, составил 0,422 (по мнению экспертов, он еще выше).

Неудивительно, что за десятилетие (1990–1999 гг.), исследованное С. Ольковым, в год с максимальным индексом Джини (1994 г. – 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее число убийств – 32,3 тысячи, а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. – 0,218) – наименьшее – 15,6 тысячи (табл. 8)⁹¹. К аналогичным результатам по данным за 25 лет (1985–2004 гг.) приходит И.С. Скифский в своем диссертационном исследовании и монографии (рис. 3, 4)⁹². Те же закономерности применительно

Таблица 8

**Зависимость между показателем неравенства и числом убийств
(по С.Т. Олькову)**

Год	Коэффициент Джини в Российской Федерации	Число умышленных убийств в Российской Федерации
1990	0,218	15 600
1991	0,260	16 200
1992	0,318	23 000
1993	0,398	29 200
1994	0,409	32 300
1995	0,381	31 700
1996	0,375	29 400
1997	0,381	29 300
1998	0,398	29 600
1999	0,394	31 100

*Рис. 3. Связь между коэффициентом Джини
и насильственной преступностью в России в 1980–2004 гг.
(по И.С. Скифскому)*

ко всем регионам Российской Федерации установлены в трудах Э. Юзихановой⁹³.

В связи с этим все более тревожным и криминогенным представляется наблюдающееся с конца XX века углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп.

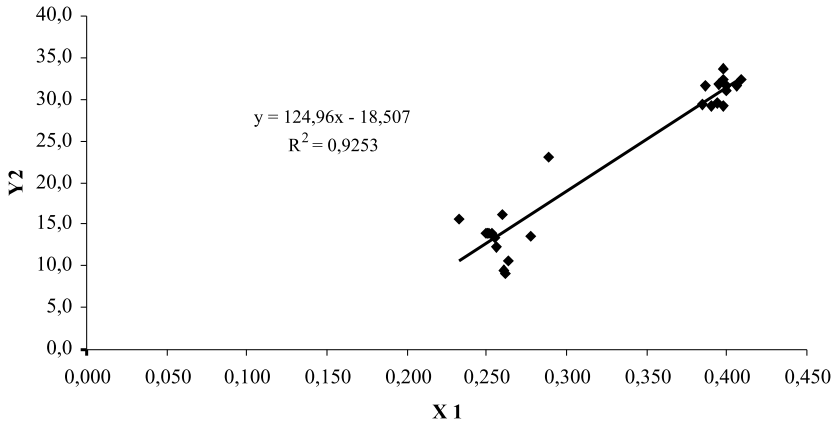

Рис. 4. Связь между коэффициентом Джини и убийствами в России в 1980–2004 гг. (по И.С. Скифскому)

Растет пропасть между включенными и исключенными — как странами, так и социальными слоями, группами, отдельными людьми. Процесс глобализации лишь усиливает эту тенденцию. Ясно, что исключенные — социальная база девиантности.

Итак, важным (важнейшим?) криминогенным и девиантогенным фактором служит противоречие (по Р. Мертону, «напряжение», *strain*) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими прежде всего от места индивида или группы в социальной структуре общества, степень социально-экономической дифференциации и неравенства.

2.2. Экстремизм в контексте насилия в современной России

Как всегда, единственной причины широкой распространенности насилия в России нет. Но есть много факторов, обстоятельств, сему способствующих.

Известно, что весь род *Homo sapiens* произошел от весьма агрессивных предков и вынужден был быть агрессивным в процессе выживания среди рогатых, клыкастых, когтистых. Вся история всего человечества — история воин, взаимоуничтожения, пыток и т.п.

Но большинство народов, по крайней мере Западной Европы, Северной Америки, Австралии, со временем — одни раньше, другие позже — цивилизовывались, укрощали свои агрессивные инстинкты. Иначе происходило с Россией.

Обширнейшие пустые пространства вокруг позволяли не трудиться над клочком земли и на этом клочке, а завоевывать и присваивать все, что плохо лежит (географический фактор).

Сказалось и дурное наследство византийства. Так, «появлением смертной казни российское законодательство обязано византийскому влиянию. Греческие епископы говорили князю Владимиру, что нужно заимствовать римско-византийскую карательную систему, включающую в себя смертную казнь, но он отнесся к совету с сомнением и неудовольствием. ”Боюсь греха!” — ответил русский князь. Византийские епископы стремились приобщить Русь к канонам Кормчей книги, где речь идет о том, что тех, кто занимается разбоем, нужно казнить. “Ты поставлен от бога на казнь злых людей”, — доказывали епископы Владимиру»⁹⁴. И сегодня Русская православная церковь (РПЦ) благословляет орудия, танки, ракеты, спецназ...

Россия никогда не была демократическим государством, никогда не была правовым государством, население страны всегда жило в рабстве, в подчинении, в страхе, всегда господствовали власть, сила, насилие. Когда еще было сказано, что россиянам надо по капле выдавливать из себя раба! Этот процесс выдавливания продолжается шаг за шагом без особых видимых результатов (политический фактор).

Подавляющее большинство населения России всегда влачило жалкое существование на грани (или за гранью) голода и нищеты: экономическое процветание 1913 г. — такой же миф, как и множество других. У полуголодных, нищих, необразованных (в 20–30-е годы XX века только еще шла речь о ликвидации неграмотности!) людей не было иного культурологического образца решения проблем, кроме кулака, вил, топора. Вечное выживание, борьба за кусок хлеба — не лучшие условия либерализации нравов (экономический фактор).

XX век в России (с ГУЛАГом, геноцидом и т.п.) — без комментариев. Тотальное насилие и тотальный страх на протяжении трех-четырёх поколений — это уже истребление народа на генетическом уровне. Увы, и в постперестройку были обнищание большинства, власть криминалитета и криминальность власти.

Хорошо известны ужасы тоталитарного режима в бывшем СССР. Горбачевская перестройка принесла России относительную свободу, рыночную экономику, надежды на нормальное развитие, однако с начала нового – XXI столетия наблюдается возврат страны к авторитарному режиму, ограничению прав и свобод граждан, господству ФСБ – наследнице печально знаменитого КГБ.

Уровень смертности в России один из самых высоких в мире – 16,4 на 1000 жителей в 2005 г. Для сравнения – средний уровень смертности в мире – 9, в Америке, Азии и Океании – 7, в Европе – 11, в Африке – 15 (лишь в ряде африканских стран – Либерии, Нигере, Гвинее-Бисау, Мали, Анголе, Уганде и некоторых других – уровень смертности выше, чем в России)⁹⁵.

Россия занимает 147-е место в мире по продолжительности жизни (65 лет), и то только благодаря женщинам (72 года), ибо продолжительность жизни мужчин (59 лет) у нас одна из самых низких в мире (ниже она только в некоторых странах Африки – Буркина-Фасо, Папуа – Новой Гвинее, Судане, Бенине и др.)⁹⁶.

Россия занимает одно из первых мест по уровню убийств (19–22 на 100 тыс. населения) – после Колумбии и ЮАР и по уровню самоубийств – около 39 на 100 тысяч населения; первое место по душевому потреблению алкоголя – свыше 14 л абсолютного (100%) алкоголя, обогнав к 1993–1994 гг. традиционного лидера – Францию; первые места в мире по уровню полицейских на 100 тысяч жителей (Россия – 1225, Сингапур – 1074, Уругвай – 831, Австрия – 367, США – 300, Япония – 207)⁹⁷ и по уровню заключенных (иногда уступая США). Очень высок индекс агрессивности: частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств⁹⁸.

Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда». Рост преступности, алкоголизации, наркотизации населения, самоубийств есть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства (включенные) и нищего и полуннищего большинства населения (исключенные).

В аналитическом докладе «Российское общество в пути: консервация социальных контрастов, асимметричный рост»⁹⁹, подготовленном Центром социокультурных изменений Института философии РАН и представленном в марте 2007 г., говорится о том, что если верхний слой «богатых» составляет 13%, то нижний слой «бедных», нуждающихся в социальной помощи и защите – 33%.

По данным исследования, 31% населения на 2006 г. плохо вписались в современные условия. Современные «бедные» представлены преимущественно социальными категориями, слабыми по возрасту, по социальному капиталу и по возможности вести активную экономическую жизнь, то есть не располагающими достаточными собственными ресурсами для того, чтобы преодолеть бедность. Другими словами, это типичные исключенные — социальная база пьянства, наркотизма, суицидального поведения и преступлений, включая преступления ненависти.

С нашей точки зрения, наибольшую криминогенную опасность представляют сегодня два контингента — растущая масса исключенных, маргиналов и развращенная коррумпированная властная элита.

Ксенофобия (греч. *xenos* — чужой и *phobos* — страх, боязнь) — это страх, опасение перед чужим, не своим, а страх порождает неприятие, враждебное отношение, ненависть.

Вообще подозрительность и нелюбовь к чужим, не своим, нередко переходящие в открытую вражду, зародились с первых шагов человечества. Эти чувства формируются в филогенезе и онтогенезе. Чужих следовало опасаться, убийство чужака в первобытном обществе не считалось преступлением (филогенез). Теперь вспомним поведение современных детей и подростков. Ребенок, только научившись персонифицировать родных — маму, папу, бабушку, дедушку, может заплакать при появлении чужого, незнакомого (онтогенез). Дети постарше, видя на экране телевизора сражение, спрашивают взрослых: «Это наши? Белые? Красные? Фашисты?»

На животном уровне ксенофобия и вытекающие из нее преступления ненависти имеют естественные корни, но люди все же несколько отличаются от других биологических видов. И одно из свойств цивилизованного общества — преодоление, самоподавление нетерпимости к иным, развитие толерантности, терпимости¹⁰⁰.

Высмеиваемая подчас политкорректность людей западной цивилизации, недопустимость называть кого бы то ни было алкоголиком (следует говорить: «У Джона проблема с алкоголем»), наркоманом («У Ээтрин проблема с наркотиками»), преступником («У Смита проблема с законом»), в действительности есть проявление подлинно человеческой толерантности, достойной уважения.

Одним из негативных последствий глобализации является усиление ксенофобии во всем мире. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это, в свою очередь, приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т.п. Не миновала чаша сия и Россию.

В 1999 г. призыв «мочить в сортире» террористов получил массовое одобрение и всенародную поддержку на выборах президента Российской Федерации. Правда, лозунг обернулся десятками тысяч убитых с обеих сторон – чеченцев и «федералов». Но, как говорится в любимой народом песне, «мы за ценой не постоим».

Российские «патриоты» призывают к необыкновенной духовности россиян. В последнее время это проявилось многократно: в разгроме художественной выставки «Осторожно: религия!» в Музее и общественном центре А.Д. Сахарова с последующим судом... над организаторами выставки; в пикетах и демонстрациях с требованием запретить постановку оперы «Дети Розенталя» в Большом театре в Москве и спектакль в Санкт-Петербурге. При этом вопрос о запрете оперы всерьез обсуждался в Госдуме... Очевидно, более важных проблем в России уже нет. А «Наши» мочили в сортире, сооруженном перед зданием Большого театра, книги Владимира Сорокина (но ведь не жгли же, как в гитлеровской Германии!). Известный галерист М. Гельман пишет: «Ситуация, когда организация выставки (в Центре Сахарова. – *Прим. авт.*) признана уголовным преступлением, фантастична... Мракобесы возвысили сейчас свой голос против искусства именно потому, что уверены: власть на их стороне... В суд подали на Александринский театр за спектакль Валерия Фокина: ревнителям Гоголя не понравилась трактовка режиссера!.. Это контекст инквизиции»¹⁰¹.

Власти Дагестана, а затем Тюмени запретили гастроли Бориса Моисеева. Мотив – «защита православной нравственности». Был отменен концерт шведского квартета *Agny of lovers*.

В апреле 2005 г. в Санкт-Петербурге отменили концерт с участием лучших групп российского и украинского рока, поскольку в городе раздавались многочисленные призывы: «Бей оранжевых!», «Бей хохлов!», «Дави оранжевую гниду!», а в ночь на 29 марта на рекламных афишах концерта появилась надпись: «Бей оранжевую чуму!» Организаторы концерта оценили происшедшее и объяснили его отмену однозначно: «Это вынужденная мера в условиях необъявленной войны свободе». Продолжением стала

антигрузинская кампания с выявлением лиц грузинской национальности среди школьников России...

Вспомним письмо пятисот, включая 20 депутатов Госдумы, Генеральному прокурору с просьбой закрыть все еврейские организации и учреждения, а также публичные антисемитские призывы генерала Макашова в телевизионной передаче «К барьеру» с его «убедительной победой» в шесть тысяч голосов телезрителей.

Единственный в Москве храм кришнаитов сносят, а против строительства нового категорически возражают «возмущенные граждане». В Москве свидетели Иеговы запрещены судебным решением. В связи с этим в одном из газетных откликов прозвучало напоминание, что в гитлеровской Германии преследование свидетелей Иеговы предшествовало так называемому окончательному решению еврейского вопроса...

Помимо национализма в стране процветает нетерпимость на социальной, экономической, религиозной, идеологической почве. Политика руководства РПЦ фактически взращивает религиозную, конфессиональную нетерпимость (в отличие от экуменических посылов покойного главы римской католической церкви папы Иоанна Павла II). РПЦ собирается внедрять в многоконфессиональное общество православную этику; школьница Маша затеяла второй в истории человечества «обезьяний процесс», предъявив иск Департаменту образования о необходимости обучения школьников «божественному сотворению» человека; бросается в качестве пробного камня идея введения в школах уроков православия и т.п. При этом иерархи РПЦ не стесняются благословлять новую военную технику — «орудие дьявола», по словам польского поэта И. Галчинского. Впрочем, перечислить все проявления ксенофобии в современной России и невозможно. Неблагодарное это дело¹⁰².

Известный ученый и поэт академик А. Городницкий с горечью отмечает: «Общая ксенофобия в России чудовищно выросла... Это внушает тревогу <...> за общий дух, который сегодня царит в обществе. Что же нужно нашему народу? Опять полицейское гетто? Или фашистское государство? Новый фюрер?»¹⁰³.

Несколько условно можно говорить об объективных и субъективных факторах небывалого распространения ксенофобии и нетерпимости в России. И те, и другие тривиальны.

Объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть и как следствие — преступления ненависти (*hate crimes*), совершаемые по

мотивам расовой, этнической, религиозной ненависти или вражды, а также гомофобии, есть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства (включенные, *included*) и нищего и полуннищенного большинства населения (исключенные, *excluded*).

Самое страшное — фактическая невозможность исключенных «включиться» в экономическую, политическую, социальную, культурную жизнь. По мнению Ф. Бородкина, свыше 50% населения России — исключенные, то есть люди, вынужденные существовать на обочине жизни, не будучи включены в активные трудовые, социальные, политические, культурные процессы¹⁰⁴. Как отмечает О. Яницкий, «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали “отходами” трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала “транзитным пунктом” на пути в никуда»¹⁰⁵. Треть населения — бедняки, чьи доходы ниже нищенского прожиточного минимума, а полуннищенское существование влечет как минимум еще две четверти населения. А вот данные Всемирного банка (2005 г.), основанные на официальной российской статистике: доля населения за национальной чертой бедности в России — 30,9%¹⁰⁶.

К этому следует добавить такой бесспорный объективный фактор как приток иммигрантов, которым не так просто адаптироваться в новой среде, а среда не хочет адаптироваться к приезжим. Возникает взаимное недоверие и часто неприязнь. Среди коренного населения начинают циркулировать идеи повышенной «криминальности» приезжих. Во-первых, эти слухи сильно преувеличены. Так, например, в 2007 г. среди всех лиц, совершивших преступления, удельный вес иностранных граждан и лиц без граждан составил всего 2,8% (в том числе граждан государств СНГ — 2,6%¹⁰⁷) тогда как в Германии в 2004 г. — 22,9% (в 1993 г. — 33,6%)... Во-вторых, повышенная «криминальность», если она имеет место, зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что люди одной культуры оказались перенесенными, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни коренного населения; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются на заработки в другие стра-

ны и регионы наиболее активные — молодые мужчины, чья повышенная «криминальность» известна.

Культурологические проблемы, конечно, существуют — это касается не только России, но и большинства западных стран, которые затронула массовая миграция. Только там к этому относятся совершенно иначе...

Совершенно очевидно, что безнадежность существования большинства россиян не может не вызывать соответствующую реакцию, «канализируемую» властью. И здесь мы подходим к субъективным факторам.

Основные вехи мифологизированного сознания в тоталитарном обществе, вероятно, таковы: «Человек создан для счастья — светлое будущее — светлый путь — знающий этот путь вождь (фюрер)»... Но до светлого будущего было что-то далековато, а настоящее, несмотря на все «небывалые успехи», мрачно. Значит, виноваты «враги»! Кулаки и подкулачники, правые и левые, вредители и саботажники, враги народа и члены семей врагов народа, крымские татары и немцы Поволжья, космополиты и врачи-отравители... Несть им числа. Поиск врагов народа (то бишь козлов отпущения) и борьба с ними — самая страшная страница прошлого. Эта страшная страница стала нашим настоящим.

В политике неудачливой власти искать врагов и натравливать на них народ нет ничего нового. Это старо как мир. Начиная с древнеримского «Разделяй и властвуй» и заканчивая врагами народа, космополитами, убийцами в белых халатах сталинской эпохи. Теперь это еще и «все те, кто хотят взять реванш»... Сегодняшние популистские заявления политиков, «вбрасывание» экс-президентом термина «коренное население», законопроекты о процентной норме (17–20% мигрантов в регионе), о запрете мигрантам заниматься некоторыми видами деятельности (торговля) и т.п. не могут не подогревать ксенофобские, националистические настроения, от которых один шаг до преступлений ненависти.

Прав бывший депутат Госдумы и правозащитник Юлий Рыбаков, заявивший: «Безнаказанность, в условиях которой действуют националисты, наталкивает на мысль, что государство взяло на вооружение эту силу и придерживает ее на случай, если в один прекрасный момент понадобится сказать “фас”. Власть предрержащие (а сегодня это, если называть вещи своими именами, чекисты и чиновники) пытаются построить новую империю. Они понимают,

что на этом пути их ждут сложности, а народ, который становится все беднее на фоне баснословно богатеющей элиты, будет искать виноватых. Естественно, власти не хотят, чтобы люди в один прекрасный момент показали пальцем именно на них. Поэтому нужно найти “крайних”, виноватых. Как правило, на эту роль лучше всего подходят инородцы — армяне, евреи, азербайджанцы, неважно кто»¹⁰⁸. И народ, увы, готов проглотить эту наживку. Так, во время создания Рыбаковым Санкт-Петербургского антинацистского центра ему звонили возмущенные жители «культурной столицы»: «Спрашивают, что мы имеем против нацизма, говорят, что приезжие заполнили город, что нужно что-то с этим делать...»¹⁰⁹. Эти возмущенные граждане могут быть страшнее самих фашиствующих молодчиков. Так же, как результаты многочисленных опросов общественного мнения, по результатам которых до 65% населения согласно с националистическим лозунгом «Россия для русских»...

Ксенофобия, национализм, фашизм выполняют в современной России минимум три функции.

Во-первых, служат «страшилкой» для населения перед грядущими выборами: или мы (ВВП, преемник), или — фашисты.

Во-вторых, «инородцы» — превосходный козел отпущения для бездарной власти, не способной решить ни одну из социальных проблем (бедность, жилье, армия, образование, медицина, наука и т.п.).

В-третьих, фашисты, скинхеды — социальная база, резерв главного командования в борьбе с предполагаемой оранжевой революцией, до смерти напугавшей власть. Да и сегодня их можно использовать против несогласных.

Кроме того, существует некое родство душ: «Фашисты (нацисты) — сукины дети. Но это наши сукины дети».

Ксенофобия может проявляться по-разному. Самый легкий вариант — так называемая бытовая ксенофобия. Одним не нравятся евреи, другим — американцы, третьим — жители кавказского региона, четвертым — неправославные, а кто-то терпеть не может гомосексуалистов, да и русофобы нередки. Пока сие таится в сознании ксенофобов или тихо обсуждается на кухне — это неприлично, постыдно, но до поры до времени (до первого повода «возникнуть») не так страшно.

Насильственные формы ксенофобии могут проявиться как психологическое насилие (запугивание «чужаков», соответствующие

надписи на заборах и стенах домов и т.п.). Очевидно, к психологическому насилию следует отнести и слова ненависти (*hate speech*), призывающие к насилию. Во всяком случае, современное российское уголовное законодательство расценивает как преступление «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ), что может осуществляться и путем *hate speech*. Далее, возможно повреждение имущества представителей ненавистных групп (сжигание машин, уничтожение ларьков и магазинов, разрушение могил и надгробий на мусульманских, еврейских кладбищах и т.п.).

Самая опасная форма насилия по мотивам ксенофобии – физическое насилие, преступления ненависти. Еще раз подчеркнем, что к физическому насилию – *hate crime* могут привести *hate speech*, на что они и направлены.

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды – преступления ненависти (*hate crimes*) были всегда. Достаточно вспомнить многочисленные религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма. Как уже отмечалось, подозрительность и нелюбовь к «чужим», не «своим», нередко переходящая в открытую вражду (впрочем, это присуще всем стадным животным), зародились с первых шагов человечества.

Со второй половины минувшего XX столетия такого рода преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, по мере развития цивилизации, либерализации и гуманизации межчеловеческих отношений население развитых стран стало особенно болезненно воспринимать любые проявления ксенофобии и преследования на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (нищие, бездомные, инвалиды, проститутки и т.п.). Во-вторых, одним из негативных последствий глобализации являются усиление ксенофобии во всем мире и последствия, о которых речь шла выше. Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельных обществ, и человечества в целом.

Не случайно в 1985 г. впервые слово было названо: John Coneuys, Барбара Кеннелли и Марио Биаджи опубликовали «Hate Crime

Statistics Act». В 1989 г. увидела свет статья Джона Лео «The Politics of Hate». Интересно, что одна из первых работ (1991 г.) была посвящена насилию в отношении геев и лесбиянок. В начале 90-х годов минувшего столетия термин *hate crimes* приобрел легалистский (правовой) характер, включая законодательные акты¹¹⁰. Криминализации подверглось прежде всего насилие по мотивам расизма, антисемитизма, а также гомофобии, враждебного отношения к гомосексуалистам. Прошло немного времени, и стал нарастать вал литературы, посвященной проблеме преступлений, совершаемых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и на почве гомофобии¹¹¹. В США к группам, совершающим преступления ненависти, были отнесены неонацисты, скинхеды и ку-клукс-клановцы. Монографическим отечественным исследованием преступлений ненависти, насколько известно, пока является только диссертация К.Н. Бабиченко¹¹².

Преступления ненависти, во-первых, суть социальный конструкт (как и преступность, наркотизм, проституция и иные социальные феномены, не имеющие онтологических оснований и «естественных» границ). Во-вторых, и это отчасти вытекает из сказанного ранее, это понятие еще не устоявшееся, по-разному понимаемое разными законодателями и учеными.

Дж. Джейкоб и К. Поттер в упоминавшейся книге подчеркивают, что преступления ненависти – прежде всего преступления, порождаемые предубеждением, предрассудком (*bias, prejudice*) по отношению к лицам другой расы, нации, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации и т.п. Это преступления, мотивированные предубеждением. Преступления ненависти, как социальный и правовой конструкт, не существуют как таковые в природе. Это «обычное» насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов.

По Джейкобу и Поттер, «Hate crime есть социальный конструкт. Это новый термин, который не является привычным, он не самоочевидный (self-defining). Придуманный в конце 80-х для выражения криминальных деяний, мотивированных предубеждением, сфокусированный скорее на психологии преступлений, чем на криминальных действиях»¹¹³.

Н. Холл также относит преступления ненависти к социальным конструктам. Он отмечает трудность всех определений преступности вообще и преступлений ненависти в частности. В своей моно-

графии Холл приводит многочисленные определения *hate crime* (П. Герстенфельда, К. Крейга, Л. Вольфа, Л. Коплэнда, С. Шеффилда, Б. Пэрри и других), а также ряд нормативных определений¹¹⁴. Холл подробно останавливается и на анализе всех составляющих анализируемого понятия и его определений: «ненависть», «предубеждение», «предрассудок», «дискриминация» и т.д.

Приведем некоторые из рассматриваемых Холлом определений. «Простейшее определение преступления ненависти: криминальный поступок, который мотивирован, по крайней мере, групповой принадлежностью жертвы», «насилие, направленное в отношении групп людей, которые в целом не одобряются большинством общества, которые испытывают дискриминацию в различных сферах деятельности», «преступление ненависти включает акты насилия и устрашения, обычно направленные в отношении уже стигматизированных и маргинализированных групп».

В российском уголовном праве мы встречаемся с такими составами как насильственные преступления, совершенные «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (ст. 105 ч. 2 п. «л», ст. 111 ч. 2 п. «е», ст. 117 ч. 2 п. «з», ст. 119 ч. 2, ст. 150 ч. 4 УК РФ); «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации» (ст. 282 УК РФ). Отягчающими обстоятельствами этого состава преступления являются совершение их с применением насилия или с угрозой его применения, лицом с использованием служебного положения, а также совершение организованной группой (ч. 2 ст. 282 УК РФ).

Кроме того, согласно п. «е» ст. 63 УК РФ, к отягчающим наказанием обстоятельствам относится совершение преступления «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Статья 136 УК РФ предусматривает уголовную ответственность, в частности, за «нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от <...> расы, национальности <...>

отношения к религии»; в ч. 2 п. «б» ст. 244 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») указываются в качестве квалифицирующего признака действия «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды». Статья 282-1 устанавливает ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем. Другое дело, что понятие «экстремизм» может толковаться весьма расширительно, оборачиваясь расправой с оппозицией. Но это уже тема самостоятельного рассмотрения.

На противодействие ксенофобии и основанным на ней преступлениям направлены многочисленные международно-правовые акты: Всеобщая декларация прав человека (1948 г., ООН), Международная конвенция об устранении всех форм расовой дискриминации (1965 г., ООН), Декларация об устранении всех форм нетерпимости и дискриминации на почве религии и верований (1981 г., ООН), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Европейская конвенция о правовом положении рабочих-мигрантов (1983 г.), Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (1992 г.) и другие.

Международная судебная практика, включая практику Европейского суда по правам человека, в связи с дискриминацией по признаку расы и национальной принадлежности представлена в недавно опубликованном сборнике статей¹¹⁵.

В зависимости от уголовно-правового закона и доктринальных суждений различаются виды преступлений ненависти: по мотивам расовой, национальной, этнической неприязни или вражды; по мотивам религиозной неприязни или вражды; в отношении сексуальных и иных меньшинств. Новеллой отечественного законодательства является криминализация деяний «по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (Федеральный закон № 114-ФЗ). Целесообразность этой новеллы вызывает неоднозначное отношение.

На одном из названных видов – гомофобии – остановимся несколько подробнее, поскольку, как ни странно, для современной России это приобретает принципиальное значение и актуальность.

Распространенность однополрой любви известна издревле. Гомосексуализм как мужской, так и женский существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне,

а также в Древней Греции и Древнем Риме. Более того, гомосексуализм распространен и среди животных.

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1–6% мужчин и 1–4% женщин. Эти цифры – нижний предел, так как общее число лиц обоего пола, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению Кинзи, до 48% мужчин и 19% женщин¹¹⁶ (27% по данным К. Дэвиса).

Даже если исходить из минимальных показателей 1–4%, в России должно быть не менее 1,5–4,5 млн человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Из всех видов девиантности истинный или врожденный гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» (а следовательно, нормален) по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли гомосексуализм относить к социальным отклонениям. Вообще, сексуальное поведение и его направленность формируются под воздействием многих биологических, психологических, социальных факторов. Гендерная идентификация индивида вовсе не столь очевидна и безусловна, как это представляется обыденному сознанию. Не случайно различают пол генетический, или хромосомный (хромосомы XX у самок и XY у самцов), гормональный (обусловливаемый мужскими или женскими половыми гормонами), генитальный и основанный на нем гражданский (иначе – паспортный или акушерский) и, наконец, субъективный пол как гендерную аутоидентификацию. Наглядной иллюстрацией сложности гендерной идентификации служит гермафродитизм – врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. В случаях же транссексуализма лицо не только ощущает свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремится к соответствующему изменению, в том числе хирургическим путем. Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и бисексуальной (влечение к лицам обоего пола). Возможно одновременное наличие женских и мужских свойств, в том числе психологических, у одного индивида (андрогиния или бисексуальность в широком смысле слова).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм нормальны в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося

в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции.

Мы вынуждены столь подробно остановиться на проблеме гомосексуализма, поскольку события с запретом, а затем жестоким разгоном демонстрации геев в Москве (май 2006 г.) лишний раз свидетельствуют о нашей нетерпимости и ксенофобии. Между тем в развитых странах (Великобритания, Германия, США и т.д.) гомофобия – явно выраженное отрицательное отношение к гомосексуалистам – расценивается как тяжкое преступление наряду с преступлениями, совершенными по мотивам расовой, национальной, религиозной ненависти, так что преследование гомосексуалистов в мае 2006 г. в Москве есть уголовное преступление, с точки зрения цивилизованных стран¹¹⁷.

Следует, очевидно, отграничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, почти не артикулируемого в отечественной литературе, – стокерства или сталкерства (*stalkers* – упорные преследователи, «охотники»)¹¹⁸. Речь идет о людях, преследующих кого-либо. Потенциальными и реальными жертвами стокеров (для россиян привычнее – сталкеров, благодаря роману братьев Стругацких и фильму А. Тарковского) могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т.п.), сослуживцы, коллеги, соученики. Нередко стокерство – результат психических отклонений (сутяжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, мести или иной непримиримости.

Существенное отличие стокерства от преступлений ненависти состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют какое-либо конкретное лицо (персонально), а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе («черные», «косоглазые», «гомики» и т.п.). Во-вторых, стокер преследует и может учинить насилие в отношении преследуемого по личным мотивам, вытекающим из неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т.п.).

Последние годы в России отмечены небывалым ростом преступлений ненависти. Газеты, специальные издания, милицейские сводки практически ежедневно сообщают о случаях нападениях, избиений, убийств фактически по мотивам расовой, национальной ненависти,

реже — религиозной, которую не всегда возможно отделить от национальной (нападение в московской синагоге, в ряде мечетей, осквернение еврейских и мусульманских кладбищ и т.п.). Правда, в большинстве случаев действия виновных, если их удается найти, квалифицируются как хулиганство, убийство, не связанные с ксенофобской мотивацией. Поэтому, например, по ст. 105 ч. 2 п. «л» УК РФ было зарегистрировано всего девять случаев в 2001 г., 10 — в 2002 г., 11 — в 2003 г., 10 — в 2004 г.¹¹⁹ В то же время СМИ и специальная литература называют сотни преступлений ненависти, совершаемых в стране за год¹²⁰.

Только в Санкт-Петербурге — культурной столице России, по собираемым нами данным, преступления ненависти совершаются почти еженедельно. Так, в 2007 г. в Петербурге за год было совершено 763 преступления в отношении иностранцев.

Летом 2004 г. в Петербурге был убит ученый и антифашист Николай Гиренко, выступавший экспертом по делам наших «патриотов-фашистов». Ныне «патриоты» прямо угрожают другим «врагам русского народа», которые должны разделить судьбу Н. Гиренко¹²¹, и слов на ветер не бросают: спустя три года — в июне 2007 г. — была зверски избита В. Узунова — коллега Гиренко, принявшая его эстафету.

Привычными стали рубрики пока еще оставшихся в живых свободных газет: «Хроника коричневой чумы», «Под флагом черной сотни», «Дети свастики» и т.п.

Известный ученый-археолог Л. Клейн пишет: «Народ в массе симпатизирует убийцам инородцев, жалеет не убитых и их родных, а убийц <...> Складывается впечатление, что народ готов к погрому инородцев <...> Сейчас в России социально-экономическая база нацизма уже создана»¹²².

Приведем некоторые данные, заимствованные из различных источников, о преступлениях ненависти.

В докладе В. Голубовского на заседании коллегии МВД РФ 25 октября 2007 г. говорилось о том, что на оперативном и профилактическом учете в органах внутренних дел состоят 302 неформальных молодежных объединения экстремистской направленности, численность которых превышает 10 тысяч человек. Эксперты называют цифры в три раза больше. С 1 января по 30 октября 2007 г. жертвами нападений по мотивам национальной, религиозной, расовой ненависти оказались 436—461 человек, из которых 53 погибли.

Более детальные сведения представляет информационно-аналитический центр «Сова». Так, в 2004 г. по ксенофобским мотивам были убиты 49 человек, избиты и ранены 218 человек; в 2005 г. убиты 47 человек, избиты и ранены 417; в 2006 г. убиты 56 человек, избиты и ранены 496; в 2007 г. убиты 67 человек¹²³. За январь—апрель 2008 г. были убиты 40 человек, получили травмы 120¹²⁴. Больше всего нападений в течение 2004—2007 гг. происходило в Москве (79—253), Санкт-Петербурге (41—77), Владивостоке (14—18), Воронеже (3—22), Новосибирске (9—14), Нижнем Новгороде (6—36). За январь—апрель 2008 г. в Москве было 66 нападений, из них 25 со смертельным исходом. В данные сведения не входят многочисленные убийства бездомных, предположительно «идеологической» (неонацистской) направленности.

Неудивительны высказывания представителей национальных диаспор на собрании в феврале 2008 г. «Каждый день в Москве совершаются нападения. Каждый месяц все новые смерти... Мы не знаем, чего ждать дальше» (Е. Крышталев, член совета Всероссийского азербайджанского конгресса); «То, что происходит, — это кошмар. Только за два месяца столько было убийств, сколько не было в прежние годы. Это уже реальный национализм, который процветает в обществе, и дальше будет только хуже...» (Г. Халатян, вице-президент Союза армян России); «Усиление межнациональной напряженности — это не только вероломные вылазки скинхедов. Ксенофобию люди стали ощущать повсюду в обществе» (А. Довлатов, председатель таджикской диаспоры)¹²⁵.

Не желая нагнетать страсти, следует все же признать, что пока общество, власть, правоохранительные органы не начнут предпринимать реальные действия по воспитанию толерантности населения и жесткому преследованию субъектов ксенофобии и преступлений ненависти, разрастание последних невозможно предотвратить, и самые печальные прогнозы ученых сбудутся.

О реальной опасности правонарушений на почве ксенофобии свидетельствует и тот факт, что их число резко возрастает даже в традиционно демократических и толерантных странах. Так, по данным, приводимым Холлом в приложении к его книге, число зарегистрированных полицией расовых инцидентов (не только преступлений) увеличилось с 1996—1997 гг. по 2002—2003 гг. по регионам (графствам) Великобритании: Дорсет — с 67 до 260, Хамберсайд — с 55 до 350, Уилшир — с 35 до 332. Справедливости

ради следует заметить, что в ряде графств число таких преступлений сократилось. В Лондоне в 1996–1997 гг. был зарегистрирован 5621 инцидент на расовой почве, их число возросло до 23 346 в 1999–2000 гг., но затем снизилось до 15 453 в 2002–2003 гг. При этом общий итог тревожный.

Знание факторов, провоцирующих ксенофобию, в принципе позволяет выстроить хорошо обоснованную систему мер противодействия ей, но сегодня реальные основания для такого противодействия не просматриваются. Социально-экономический разрыв сверхбогатого меньшинства и нищенствующего большинства не сокращается. Напротив, богатые становятся богаче, а бедные беднее (если не абсолютно, то относительно). Доступ молодежи к профессиональному образованию, особенно высшему, сокращается. Недовольство взрослых и подростков увеличивается. Соответственно, растет ненависть, которая так легко обращается против инородцев, за недоступностью собственной власти... Разрыв между властной элитой и народом достиг небывалых размеров. Нет и политической воли, без которой в современной России ничего происходить не может...

Идет все ускоряющийся откат (какое знакомое слово для корумпированных чиновников!) от демократических свобод конца 80-х – начала 90-х годов ушедшего века.

Было бы банальностью, хотя и вполне справедливой, в очередной раз говорить о том, что семья, школа, вуз должны воспитывать толерантность к любым «другим» – по национальности, культуре, религии или атеизму, сексуальной ориентации, толерантность к инакомыслию и инакодействию.

Без высокого уровня толерантности само существование человечества является проблематичным, а вместо поисков в России «национальной идеи» следует обратиться к так называемым общечеловеческим ценностям, хорошо известным цивилизованному миру. Это либеральные, демократические ценности.

Насколько воспитанная с детства толерантность помогает в экстремальной обстановке, свидетельствуют события во Франции осенью 2005 г. Несколько недель в Париже и в ряде других городов «иногородцы» – жители окраин – громили автомобили и магазины центральных районов. И – ни капли пролитой крови. Ни полицией, ни белым населением французских городов. Страшно подумать, что в аналогичной ситуации было бы в современной России...

Глава 3. Экстрим и экстремизм как трансформация личности

3.1. Терминологическое сходство и концептуальные различия

В современной публицистике термин «экстрим» крайне популярен и используется для обозначения резко отличающихся от нормы условий, ситуаций, характера деятельности, стиля мышления и образа жизни, социальной позиции, направления моды, то есть является одной из модификаций классического, для ряда наук, понятия экстремальности. В математике понятие «экстремальность» связано с предельным выражением характеристик функций и функционалов, служит для обозначения и максимума, и минимума и для объединения этих понятий в одно (например, «экстремумы функций»). В экономических моделях в качестве экстремумов целевых функций могут выступать максимизация нормы прибыли, максимизация выпуска продукции, минимизация затрат, минимизация рабочего времени и т.п. Возможны различные их сочетания (например, максимум прибыли, минимум затрат, максимум качества продукции, минимум рабочего времени). В биологии об экстремуме говорят, если имеет место аномалия, выводящая организм за пределы адаптивной нормы: переохлаждение, перегревание, перевозбуждение и т.п. Максимальное соответствие адаптивной норме понимают как оптимальное состояние, но и аномальное (минимум адаптивной нормы), и оптимальное (максимум адаптивной нормы) есть отображения крайних (предельных) состояний, то есть экстремумов. С развитием теории систем в социальных науках экстремальное событие стало пониматься как не только выходящее за рамки нормального хода событий (отнюдь не ошибочное), но и обладающее решающим значением для дальнейшего развития, генерирующим бифуркационный хаос, то есть множественность равновероятных линий развития. С точки зрения права любое криминальное событие является экстремальным и для граждан,

и для государства. В политологии наиболее экстремальными социальными явлениями считаются войны и революции.

Применительно к целям нашего последующего изложения введем несколько ограничивающих условий.

Во-первых, нас интересуют экстрим и различные формы экстремальности лишь в отношении к социуму и деятельности (жизнедеятельности). Например, климатические, погодные аномалии могут рассматриваться в качестве экстремальных факторов только при условии, что они прямо или косвенно влияют на социум через жизнедеятельность составляющих его людей.

Во-вторых, экстремальность конкретных условий (ситуаций), режимов, процессов рассматривается нами применительно к конкретному состоянию социума, режиму власти, виду деятельности. Это, например, допустимый уровень шума для различных видов деятельности, «допустимый» уровень насилия для различных исторических и социокультурных сообществ и т.п.

В-третьих, содержание, вкладываемое в понятие «экстрим» (экстремум), зависит от уровня познания объективных закономерностей развития и функционирования той или иной социальной, культурной среды, группы, личности. Сейчас наиболее ярко это проявляется в этносоциальных отношениях, когда незнание, неадекватная оценка этнокультурных особенностей представителей другой социальной группы, их специфической реакции на различные жизненные ситуации способны провоцировать лавинообразное развитие конфликтов на микро- и макросоциальных уровнях.

В-четвертых, мы считаем, что различные формы социальной экстремальности имеют исторически необходимый характер, определяемый самим ходом социального развития. Процесс познания, овладения новыми формами и видами деятельности всегда выходит за границы уже познанного, освоенного, того, что в настоящее время считается нормой. Познав закономерности развития неких социальных явлений, человек научается нейтрализовать негативное воздействие экстремальных факторов, но при дальнейшем развитии социума, расширении его физических границ и функциональных возможностей всегда появляются новые экстремумы, качественно превосходящие предыдущие.

В-пятых, любой экстрим (экстремум) — это «шоковый стимул» для личности, включающий механизмы адаптации к новым условиям. В зависимости от интенсивности и продолжительности экст-

ремального воздействия, его направленности адаптационные процессы способны необратимо трансформировать личность.

Глобальная опасность, наиболее резонансный вид преступлений, «новая чума» — это все про экстремизм. У любого неспециалиста невольно возникает ряд вопросов. Что это? Почему это так серьезно? И наконец, откуда все это взялось? В многочисленных публикациях и нормативных актах даны разнообразные характеристики и определения этого явления. Не оспаривая имеющиеся точки зрения, предложим свое видение и постараемся ответить на вопрос, почему при том, что преступления экстремистской направленности составили в 2007 г. всего 0,006%¹²⁶ от числа всех совершенных преступлений в нашей стране, мы считаем, что они представляют серьезную угрозу всем государственным институтам.

Все авторы, пишущие и говорящие об экстремизме, едины в том, что это крайность (экстремальность) в оценках и действиях личности (группы). Далее, в зависимости от широты научных и практических интересов автора, в понятие экстремизма, через запятую, включаются все формы и проявления радикализма и, конечно, терроризм¹²⁷. На наш взгляд, это малопродуктивно.

Традиционное для социальных наук понятие «радикализм» означает как осознанную, так и неосознанную крайность во взглядах и поступках (то есть оценка крайности зависит исключительно от социокультурного уровня развития индивида и социальных условий, в которых он действует). Как любое «крайнее» явление, радикализм может быть просоциальным и асоциальным. В ситуациях острых социальных кризисов (бифуркационного хаоса) именно радикальные социальные элементы обладают максимальным потенциалом деструкции, способным повернуть вектор развития социума. Это качество радикалов делает чрезвычайно привлекательной мысль использовать их в процессе борьбы за власть претендующими на нее группировками. Придание словам и действиям радикальных групп политического содержания, вне зависимости от их собственных интересов и потребностей, превращает разнородные социальные образования в инструмент борьбы за власть, то есть в экстремистские группы и объединения в соответствии с ныне действующим законодательством. Естественная эскалация радикализма (граница «крайности» сдвигается от слов к делу, и это дело, в конечном счете, — насилие) в ходе политической борьбы неизбежно формирует идеологию и практику допустимости любых насиль-

ственных средств в борьбе за власть — борьбе за «светлое будущее». Именно по этому алгоритму из радикальной среды российской молодежи второй половины XIX века выделились сначала экстремистские, а затем и террористические группы и организации. Начало XXI столетия дополнило технологические способы и приемы рекрутирования в организации членов экстремистских сообществ, формирования у них требуемых идеологических и психологических установок, но базовый алгоритм остался прежним.

Юношеский радикализм, чаще принимающий формы демонстративного нонконформизма, — явление повсеместно распространенное. В свою очередь, экстремистами, а тем более террористами становятся единицы. Конечно, в кризисных ситуациях многие ситуативно способны на экстремистские действия и поступки, но об этих своих способностях они до поры даже не догадываются. Ситуативный экстремизм и осознанное членство в экстремистских организациях — явления разнопорядковые. Сводить наличие молодежных экстремистских групп к недостаткам воспитания — привычный, но малопродуктивный (тем более с учетом исторического опыта) путь. Почему в любом, даже самом благополучном обществе можно выделить фиксированно стабильное число (4–6% от общей численности) ультрарадикальных членов, готовых совершать и обосновывать любые формы насилия по отношению к другим людям?

На наш взгляд, наиболее продуктивным подходом для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, является концепция пассионарности, предложенная Л.Н. Гумилевым в рамках теории этногенеза. В соответствии с ней пассионарность — это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников. Исторический анализ формирования этносов в Европе и Азии позволил Л.Н. Гумилеву обосновать вывод, что «пассионарность отдельного человека может сопрягаться с любыми способностями: высокими, средними, малыми; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой психической конституции данного человека; она не имеет отношения к этике, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество, разрушения,

благо и зло, исключая только равнодушие; она не делает человека “героем”, ведущим “толпу”, ибо большинство пассионариев находятся в составе “толпы”, определяя ее потентность в ту или иную эпоху развития этноса».

И далее: «Модусы пассионарности разнообразны: тут и гордость, стимулирующая жажду власти и славы в веках; тщеславие, толкающее на демагогию и творчество; алчность, порождающая скупцов, стяжателей и ученых, копящих знания вместо денег; ревность, влекущая за собой жестокость и охрану очага, а примененная к идее – создающая фанатиков и мучеников. Поскольку речь идет об энергии, моральные оценки неприменимы: добрыми или злыми могут быть сознательные решения, а не импульсы». Высшую степень пассионарности Л.Н. Гумилев обнаруживает у самых самоотверженных людей, у тех, кто может «жертвовать собой и своим потомством, которое либо не рождается, либо находится в полном небрежении ради иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей»¹²⁸.

Для иллюстрации исследуется мотивация известных исторических деятелей. К пассионариям высшей степени Гумилев относит тех выдающихся политических деятелей, которые ради своих страстей готовы были пожертвовать всем, даже собой. Это Наполеон Бонапарт, основной мотив поведения которого – жажда деятельности; Александр Македонский – его очевидная иррациональность действий объясняется крайней степенью выраженности честолюбия и гордости; неукротимый Чингисхан; Люций Корнелий Сулла – человек невероятно тщеславный и завистливый; страстно убежденные Ян Гус, Лютер, Кальвин, Савонарола, Иоанн Лейденский и Жанна Д’Арк; неистовый протопоп Аввакум; идущий на крайний риск Ганнибал; фанатичный Игнатий Лойола; «любovníк бранной славы» Карл XII. Менее пассионарны те, которые во что бы то ни стало, но все же не ценой своей жизни стремятся к идеалу победы. Ниже по шкале располагаются пассионарии «меньшего накала». И все они тоже идеалисты. Одни устремлены к успеху, другие – к идеалу знаний и творчества. Ведь истинный ученый имеет один смыслообразующий мотив деятельности, а искусство, как известно, требует жертв. Но жертвы эти бескровные: «при невысокой пассионарности и достаточных способностях люди самопроявляются в областях, не связанных с риском: в искусстве, науке, преподавании и технических изобретениях»¹²⁹. Еще ниже пасси-

онарность у ищущих удачу с риском для жизни прагматиков-авантюристов (Индиана Джонс). Минимальной пассионарностью обладают энергичные люди, которые стремятся обустроить свою жизнь, ничем не рискуя, — те, кто, согласно оценке средств массовой информации, составляет идеал современного успешного человека.

События последних лет показали, что концепция пассионарности применима не только к анализу глобальных исторических процессов, но и для понимания происходящего здесь и сейчас. Управление пассионарной энергией населения (в нашем контексте — стремлением радикальных социальных групп к трансформациям общества) одинаково важно для всех государств. В России решение традиционно облегчалось геополитическим положением страны: необходимостью осваивать новые территории, защищать основные рубежи, ассимилировать новые культуры, а также преимущественно мобилизационным типом экономики.

Начало XXI века характеризуется истощением традиционных средств «канализации» (целевого направления) пассионарности населения в государственно приемлемые формы не только в России, но и в большинстве цивилизованных стран. На географической карте Земли не осталось белых пятен: пространства открыты, изучены, осваиваются. Окончились войны, которым можно было придать справедливую окраску. Борьба за освоение природных ресурсов считается менее приоритетной, чем охрана окружающей среды. На смену идеологическим баталиям пришло добровольное принятие общечеловеческих ценностей. «Стройки века» прекращены из-за отсутствия финансирования и т.п. Широко рекламируемые экстремальные виды спорта из-за дороговизны снаряжения доступны немногим. Нынешний сознательный отказ Российского государства от целенаправленного регулирования пассионарной энергии своих граждан уже привел, во-первых, к резкому росту ультрарадикальной (до экстремистской) социальной самодеятельности молодежи, во-вторых, к широкой экспансии внешних экстремистских организаций (от тоталитарных сект до политических движений и эзотерических орденов).

Попытки замены реальных форм реализации пассионарной энергии масс и отдельных личностей на виртуальные, предпринимаемые в рамках развития информационных технологий (компьютерные игры в широком смысле), пока имеют прямо противоположный эффект. В России эта форма — «виртуализация героизма» —

носит предельно агрессивный характер (и в СМИ, и в сетевых развлечениях). Логика авторов информационной политики такова: человек, совершающий в ходе компьютерных игр «героические подвиги» и трансформирующий «виртуальную жизнь» по своим представлениям о добре и зле, полностью растрчивает на это всю свою «избыточную» пассионарную энергию и в реальности стабилизируется как нормальный (предельно управляемый) гражданин. Практика показывает, что агрессия, навязываемая этими играми как единственный способ решения жизненных проблем и выплескивания пассионарной энергетики, не только не сублимируется виртуальностью, но и становится типовым способом поведения субъекта в реальности, свидетельство чему – судебные процессы над геймерами, завершающими битвы в онлайн (виртуале) убийством своих противников в офлайне (реале).

Сделаем несколько выводов.

Во-первых, нынешняя стадия развития социума соответствует начальной стадии формирования нового этноса¹³⁰ и соразмерным ей ростом числа пассионариев.

Во-вторых, при отсутствии естественных и государственно регулируемых каналов направления пассионарной энергетики экстремистские сообщества являются основной «экологической» нишей для пассионариев.

В-третьих, подобная нарастающая концентрация пассионариев резко усиливает роль экстремистских сообществ в политической жизни общества.

То, что экстремальное событие способно изменять человека (трансформировать его личность), было известно еще в древности – этот механизм получил название «катарсис». Изначально в данное понятие входило представление механизма изменения личности в процессе переживания экстремального события (приобретение «вредных» и «полезных» аффектов) и способов избавления от «вредных» аффектов стимулированием «полезных» посредством искусства (говоря современным языком – использование художественных произведений для терапии посттравматических синдромов). Впоследствии механизм катарсиса стал использоваться для целенаправленных трансформаций личности в процессе мистерий и позднее – орденских инициаций.

В «Поэтике» Аристотеля понятие катарсиса входит в определение трагедии: «Трагедия есть подражание действию важному

и законченному, имеющему [определенный] объем, [производимое] речью, услащенной по-разному в различных ее частях, [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством страдания и страха очищение (katharsis) подобных страстей»¹³¹. В тексте трактата оно остается неразъясненным, что за 24 века привело к появлению более 1,5 тысячи интерпретаций, часто выходящих далеко за пределы тех эстетических и психотерапевтических установок Аристотеля, которые известны нам более полно и подаются систематическому описанию.

Использование механизма катарсиса в процессах инициации, то есть самых закрытых, в частности в орденских практиках, привело к тому, что продолжительное время он (катарсис) воспринимался «непосвященными» лишь как одна из малозначимых эстетических категорий.

Лишь в 1909 г. И. Брейер и З. Фрейд перенесли понятие «катарсис» из эстетики в психологию, обозначив им высвобождение энергии подавленных аффектов посредством вспоминания и вербализации вытесненного переживания (К. Райкрофт; И. Блейхер, Д. Крук, 1996; Ф. Василюк, 1984). Как психологическое понятие оно до сих пор используется относительно широко (Л. Флоренская, 1978, 1979; Ф. Василюк, 1984).

В современной политической и социальной практике можно говорить как о спонтанном катарсисе жертв природных катаклизмов и вооруженных конфликтов, так и о целенаправленном псевдокатарсисе, вызываемом с помощью информационных технологий у представителей различных групп и сообществ, в том числе экстремистской направленности. Важнейшие вопросы: от чего зависит характер реакции на экстремальное событие и чего ждать в экстремальных условиях от конкретной личности и группы?

Лица, обладающие высокой пассионарной энергетикой, они же – люди, «желающие странного», «мятежники, ищущие бури», как правило, имеют весьма жесткую систему ценностных предпочтений и ограниченные личностные привязанности, для них нет полутонов: есть черное и белое, истина и ложь, свои и чужие. Переживаемые ими экстремальные события еще более ужесточают их шкалу оценок. Во многом именно из-за этого наиболее известные пассионарии, государи и полководцы, характеризуются исключительной агрессивностью и смелостью, отсутствием сострадания не только к врагам, но и к своим гражданам. «Это они борются за по-

корение народов, окружающих их собственный этнос или, наоборот, сражаются против захватчиков»¹³². «Усмирить и запугать их очень трудно, подчас легче убить»¹³³. Именно воинственность пассионарных вождей и пассионарность народа многое определяют в мировой истории. Пассионарные властители, политики и военные составляют агрессивное меньшинство, но понуждают остальных на кровопролитие, насилие, войну во имя целей, которые простому, непассионарному человеку не могут быть понятны. Поэтому в динамичных, исторически активных пассионарных этносах женщины и пацифисты, обычно составляющие большинство населения, от реальной власти отчуждаются.

Выдающиеся пассионарии характеризуются прекрасными организаторскими способностями и так называемой пассионарной индукцией – заразительностью, способностью увлечь за собой массы людей непассионарных. Искренность вызывает симпатию, а активность, тем более жертвенная, заразительна. Именно эти качества пассионариев выдвигают их на лидирующие позиции в экстремистских сообществах и именно их лидерская активность является дополнительным механизмом радикализации этих сообществ.

Если для пассионария с высокой энергетикой экстремальное событие – это способ «закаливания» собственных качеств и способностей (подробнее – Н. Островский «Как закалялась сталь»), то для «человека толпы» катарсис от переживания экстремума может иметь как социально позитивные, так и резко негативные последствия. Образно говоря, у многих «людей толпы» структура личности недостаточно прочна для «закалки» и при интенсивном (или продолжительном) экстремальном воздействии начинает деградировать и разрушаться. При своевременном выходе из зоны экстремального воздействия возможно постепенное восстановление базовых личностных структур, но и при самом благоприятном итоге это будет другая личность, с другим (упрощенным) набором ценностных ориентаций, легко поддающаяся под влияние «родственного» лидера. В качестве примера экстремального воздействия в равной степени могут рассматриваться и природно-климатические катаклизмы, и вооруженные конфликты, и участие в деятельности экстремистских сообществ.

Экстремум через механизм катарсиса трансформирует личность, но в каждом социуме есть люди, которые профессионально работают в экстремальных условиях. Эта деятельность крайне необходима

социуму (например, аварийно-спасательные службы), но ее выбирают очень разные люди и по разным мотивам. Кто и почему?

Во-первых, лица в маргинальной стадии нонконформизма. В условиях стабильного социума их самореализация крайне затруднена. Наиболее полно их психотипу отвечает балансирование на грани нормы и экстремума, для них переживание опасности является жизненной потребностью, а ее отсутствие вызывает «адреналиновую тоску». Характерное отличие специалистов подобного рода – практически полное отсутствие морально-нравственных барьеров, основным сдерживающим стимулом для них служат должностные инструкции.

Во-вторых, молодежь, для которой проблема самореализации гиперактуальна. Стремление развивающегося человека выйти за пределы дозволенной нормы вполне естественно, так как только таким образом можно убедиться в справедливости или ошибочности норм социума. Деятельность в экстремальных условиях представляет молодому человеку наибольшие возможности для самоутверждения и самореализации. Кроме того, тяга молодежи к экстремуму имеет эволюционное значение: для молодых характерны нетривиальные решения, которые при успехе увеличивают адаптивный потенциал социума в целом, а в случае неуспеха потеря малоопытного юноши для того же социума трагична, но не опасна. Широко известно достаточно циничное высказывание Наполеона, что лучшие солдаты – это молодые люди 12–14 лет, им неведом страх смерти, они жаждут славы и выполняют любой приказ. В современной реальности большинство террористов-смертников – люди до 20 лет.

В-третьих, лица, стремящиеся кардинально изменить свой образ жизни и среду обитания из-за невозможности решить обычным путем бытовые проблемы и конфликтов с ближайшим окружением. Такую форму «социальной реанимации через экстремум» выбирают многие военнослужащие-контрактники, зимовщики, рыбаки.

В-четвертых, лица, желающие получить моральные и материальные блага, которые общество обеспечивает (точнее, обещает обеспечить) тем, кто работает в экстремальных условиях. Для большинства представителей этой группы сам факт их согласия работать в экстремуме уже обязывает общество по отношению к ним, и в случае несправедливости вознаграждения они готовы взять «причитающееся» самостоятельно.

Наиболее успешен в экстремальных условиях высокообразованный, опытный, имеющий устойчивые и прочные морально-нравственные ориентиры специалист, прочно привязанный к обычным условиям семьей, детьми, домом и многим другим, обеспечивающий себе и своей семье высокое качество жизни и имеющий государственные гарантии для себя и семьи в связи с высокой вероятностью несчастного случая на производстве или на службе. Этот идеальный вариант крайне затратен в содержании для государственной машины. В реальности в каждом социуме используются специалисты всех типов, включая «одноразовых» фанатиков, поэтому после любой крупной военной кампании в любом обществе возникают проблемы реадaptации молодых солдат. Иногда с этими проблемами удается справиться, если задействованы многолетние многомиллионные федеральные программы (лечение «вьетнамского синдрома» в США 1975–1990 гг.). В России конца XX века многие ветераны афганской и первой чеченской кампаний дополнили ряды либо криминальных группировок, либо экстремистских сообществ.

3.2. Глобальные и локальные тенденции экстремизма

Рождение и развитие виртуальной среды (киберпространства) качественно изменило спектр социальных возможностей для образованных, энергичных молодых людей. Три главные особенности взаимодействия в киберпространстве — свобода от традиционного социального контроля, мгновенность доступа к любому члену сетевого сообщества вне зависимости от географических и политических границ и полная анонимность своей физической личности — создали новый тип социальных сообществ.

В киберпространстве сообщества, в числе которых и девиантные, могут функционировать в самых разных организационных формах (электронные конференции, виртуальные коммерческие структуры, электронные библиотеки и т.д.). При этом под организационной формой виртуального сетевого сообщества традиционно понимают цельную систему взаимозависимых структурных, культурных, стратификационных, коммуникационных, временных и программно-технологических компонентов, которая придает интеракциям внутри сообщества определенный характер, форму

и направленность. Поскольку участники сообществ имеют, как правило, разнообразные информационные интересы, комьюнити (специализированные сообщества), располагающие разветвленной структурой, зачастую используют одновременно несколько организационных форм, в числе которых могут быть электронные конференции, системы мгновенного обмена сообщениями, электронные библиотеки, электронные магазины и т.д. Соответственно, организационные формы, в которых функционируют сетевые сообщества, бывают специализированные (чаты, конференции и т.д.) и широкого профиля (сайты, порталы и т.д.)¹³⁴. Для социальных групп сетевых сообществ (вне зависимости от их направленности) характерны особые качества, делающие их необычайно привлекательными для пассионарных неофитов.

Во-первых, это трансцендентность (выход за пределы ограничений). Социальные группы виртуальных сетевых сообществ выходят за пределы пространственных, временных, организационных и технологических ограничений, так как глобальные компьютерные сети позволяют участникам сообществ осуществлять процессы коммуникации как синхронно, так и асинхронно, а также независимо от географических факторов.

Во-вторых, речь идет о наличии внутрigrупповой информационной стратификации. Стратификация обеспечивает возможность организовывать функционирование сообществ, осуществлять скоординированные действия пользователей. Информационная стратификация является онлайн-овым (виртуальным) аналогом социально-властной стратификации в офлайне (реале).

В-третьих, имеется высокая степень анонимности. Именно благодаря ей девиантность поведения в киберпространстве в значительной мере отличается от поведения акторов в офлайновом (реальном) социуме.

В-четвертых, отсутствие формальных ограничений по числу участников. Сетевые компьютерные технологии потенциально позволяют участвовать в работе групп неограниченному числу пользователей, находящихся в разных географических точках как земного шара, так и космоса.

В киберпространстве формируются новые формы социальных отношений, поэтому очевидна неизбежность возникновения новых форм противоречий между виртуальными сообществами (коллективами), связанных прежде всего с тем, что в компьютерных сетях

воспроизводятся неравные стартовые возможности, сохраняется неравномерность доступа к информационным ресурсам как к источнику властных полномочий. В борьбе за контроль над информационными ресурсами одни виртуальные коллективы стремятся подчинить себе другие. Степень расхождения в коллективных целях разного уровня может доходить до разных значений, вплоть до прямого противостояния. К примеру, виртуальные сетевые сообщества кибертеррористов, стремясь установить свой «квазипорядок» в глобальном сетевом сообществе, в конечном счете неизбежно вступают в конфликт с остальным социумом киберпространства (включая государственные структуры, отвечающие за соблюдение законности в этой сфере человеческой деятельности).

К виртуальным сетевым сообществам делинквентного поведения, активно действующим в настоящий момент в киберпространстве, могут быть отнесены экстремистские религиозные секты, группы политических и экономических террористов, сопутствующие им экстремистские сообщества, традиционные и новые, созданные в офлайне (реальном мире) организованные преступные сообщества, некоторые молодежные группы экстремистской технократической направленности и т.д.

В киберпространстве при рекрутировании в экстремистские организации используются те же профессиональные приемы, что и при наборе в легальные структуры, так как большинство представленных в сети экстремистских структур давно трансформировалось из «р-р-революционной самодеятельности» в коммерческие структуры, «оказывающие помощь в специфическом решении политических задач». Большая часть рядовых пассионарных и не очень членов подобных сообществ искренне верит выработанным другими пассионариями лозунгам, но они являются расходным материалом и, в силу названных выше особенностей сетевого взаимодействия, освобождают руководителей от ответственности за свою судьбу.

Глава Министерства внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиев заявил, что в ходе мониторинга Интернета МВД России в 2007 г. выявило 148 ресурсов, содержащих материалы террористической и экстремистской направленности. По словам министра, на этих ресурсах работают квалифицированные психологи, способные в кратчайшие сроки составить психологический портрет человека, вступившего в общение на форуме, подобрать к нему соответствующий подход, определить возможные векторы участия данного человека

в рамках экстремистской либо террористической деятельности. Таким образом, огромный процент молодых людей, иногда даже не замечая этого, оказывается вовлеченным в противоправную, порой даже преступную, деятельность, пополняя ряды активистов террористических организаций или организаций экстремистского толка.

Экстремистские и террористические организации осваивают киберпространство, как 200–300 лет назад отряды выброшенных из благополучных социумов пассионариев и маргиналов осваивали новые земли. Главные из решаемых ими в настоящее время задач – «обольстить» (с помощью информационно-манипулятивных техник сделать максимально привлекательным собственной образ) нынешних и будущих обитателей киберпространства и, по возможности, включить максимальное их число в свои ряды (вербовка). В обоих случаях прямой контакт между людьми отсутствует, поэтому без ограничений используются все инструменты манипулятивных технологий, с помощью которых достигается неосознанность действий большинства акторов, их непонимание собственного участия в экстремистской деятельности.

Так, при вербовке членами экстремистских и террористических организаций новых членов на позиции, соответствующие идеолого-пропагандистской работе, вербовщиков в первую очередь интересует потенциальная способность кандидата генерировать идеи в русле экстремистских и террористических концепций. Поиск кандидатов, соответственно, осуществляется на форумах, блогах* и в киберсообществах соответствующей направленности, интересующей членов экстремистских и террористических организаций, где выделяются наиболее активные участники, умеющие грамотно и доходчиво излагать мысли, а также способные убеждать и отстаивать свою точку зрения. При привлечении лиц данного типа к сотрудничеству вербовщики применяют «интеллектуальный крючок» – в задачу кандидатов входит решение непростой, но достаточно интересной для них интеллектуальной задачи. Решая ее, они не только оказывают помощь экстремистской либо террористической организации, но сами проходят проверку на пригодность. Как вариант, вся их де-

* Блог (англ. blog, от web log, «сетевой журнал или дневник событий») – это веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости. Блоггерами называют людей, ведущих блог. Совокупность всех блогов Сети принято называть блогосферой.

тельность внутри организации может быть построена на решении подобных интеллектуальных задач либо они могут быть привлечены к чисто пропагандистской деятельности «втемную».

Второй блок потенциальных членов этих организаций — «пиар-щики», организаторы и исполнители информационных акций. Эти люди обеспечивают соответствующее освещение терактов в средствах массовой коммуникации, создание необходимого заказчику образа экстремиста или террориста (борца за свободу своего народа, мстителя за гибель по вине федерального правительства любящего отца семьи, «идейного» борца за свободу и т.п.), противодействие органам власти, дискредитируя их, организацию давления на правительство в целом со стороны международных организаций и структур и, наконец, координацию и корректировку деятельности террористов путем прямой демонстрации конкретных действий контртеррористических сил (типичный пример — ситуация с захватом театрального центра на Дубровке в Москве в октябре 2002 г.). Этот компонент составляют владельцы (реальные или номинальные) средств массовой коммуникации, журналисты, владельцы интернет-сайтов. Их мотивация, как правило, многосторонняя. Владельцы СМИ и интернет-сайтов получают щедрые инвестиции и пожертвования, позволяющие, в том числе, платить журналистам очень высокие гонорары.

Передаваемые террористами сведения (требования, интервью) дают возможность выходить с эксклюзивными репортажами и статьями, повышающими рейтинг и статус самого средства массовой информации. И у владельцев СМИ, и у журналистов возникает иллюзия прямого влияния на власть (власть вынуждена с ними сотрудничать), причастности к принятию судьбоносных решений, собственной исключительности (избранности). Это состояние сродни наркотическому опьянению — эйфория, искаженное восприятие реальности, отчуждение от других (простых) людей, возрастающая зависимость от источника наслаждения (возможности получать и передавать эксклюзивную информацию, повышающую статус и гонорары).

Если разделить данную группу на подклассы, их будут составлять а) пишущие; б) снимающие; в) сценаристы. Все эти подгруппы объединяет общая интенция — способность к творчеству, незаурядная фантазия и максимальное отсутствие морально-нравственных ограничений. Эти их качества — высочайшая ценность для представителей экстремистских и террористических организаций. Основными «крючками» при вербовке представителей СМИ, как

уже отмечалось, являются слава, иллюзия власти и деньги. В качестве полей для поиска подобных кандидатов могут выступать радикальные интернет-издания, блоги и сообщества.

Третья потенциальная группа – одноразовые участники акции. Они делятся на три подгруппы: боевики, снабженцы и массовка.

Боевики – люди, способные выполнить (сознательно или не осознавая действительную цель своих действий) силовые акции. Поиск и подбор данных лиц осуществляется на сетевых форумах и сообществах, где им указываются место и время встречи, форма одежды и предполагаемая цель либо конкретное задание. Вся вместе группа встречается только один раз – для совершения акции, после чего контакт с ней прерывается. Многочисленные сообщения в СМИ о нападениях, совершенных группами скинхедов, как правило, описывают действия именно подобных образований. Для усиления пропагандистского эффекта и попутно для отбора будущих «пиарщиков» на эти акции анонимно приглашают журналистов. Цели подобных операций (погромы, нанесение тяжких телесных повреждений лицам определенной национальности, убийства) полностью соответствуют целям экстремистских и террористических организаций и осуществляются по их заказу.

Одноразовые снабженцы и квартирьеры – это группы обеспечения экстремистских и террористических акций. Набор в них осуществляется по таким же каналам, что и в предыдущие, но другим путем. Из общего массива лиц, разделяющих радикальные и экстремистские взгляды, формируется определенный массив персональных данных, к которому в случае необходимости всегда можно будет обратиться. В этом массиве, как правило, может быть найден человек, проживающий в нужном месте или работающий на определенной позиции, имеющий определенные связи или знакомства. Далее, под каждую конкретную операцию из массива выбирают необходимых людей и привлекают их (чаще «втемную») к обеспечению проведения экстремистской акции или террористического акта, причем одних и тех же снабженцев не принято использовать дважды.

Дальше идет массовка. Данная группа получила распространение с развитием так называемых острых флешмобов, когда при проведении экстремистской акции или террористического акта для привлечения внимания и увеличения общественного резонанса от события привлекается значительное число посторонних лиц из числа разделяющих радикальные и экстремистские взгляды. Они от-

влекают внимание окружающих от главных действующих лиц операции, зрительно увеличивая при этом масштабность происходящего. Подобные акции имели место в Назрани и Грозном в 2004 г. Подбор лиц для флешмоба, как правило, осуществляется через интернет-сообщества и форумы.

Манипуляции, то есть скрытое управление поведением человека, существовали во все времена. Наиболее известны описания манипулятивных техник в политическом процессе, данные Н. Макиавелли («Государь»). Однако хотя об использовании таких техник знали все, признавать факт их применения никто не спешил, ибо, по утверждению У. Оккама, лишение человека права выбора есть действие богопротивное. Событием последних десятилетий, кроме крушения империй и идеологического коллапса, стало раскрытие ранее строго засекреченных знаний и методик. Большинство из них относилось к скрытым формам прямого и косвенного управления как отдельным человеком, так и разнообразными сообществами. Естественно, для экстремистских и террористических организаций эти технологии много важнее способов изготовления взрывчатки в кустарных условиях. Нагляднее всего манипулятивные техники заметны в деятельности киберсообществ, объединяющих офлайновые экстремистские и террористические организации.

Наибольшую известность получили интернет-ресурсы исламистских экстремистских и террористических организаций, поэтому мы продемонстрируем связки манипулятивных технологий на их примере. Любое манипулятивное воздействие многоэтапно по своей сути. Функции первого подготовительного этапа заключаются в облегчении восприятия последующих пропагандистских материалов. Его основное назначение — создание атмосферы доверия между коммуникатором (источником информации) и аудиторией воздействия. В связи с тем, что информация воспринимается легче, если для этого создана благоприятная почва, в задачи первого этапа входит разрушение у адресата имеющихся психологических установок, барьеров к восприятию последующих сведений независимо от того, покажутся ли они ему неприятными или даже чудовищными.

На данном этапе осуществляется манипулятивное воздействие, обеспечивающее эмоциональную подстройку, максимальное искажение представлений о предмете воздействия и т.д. В зависимости от индивидуальных психологических характеристик, а также специфики уже имеющихся установок у объекта манипуляцион-

ного воздействия этот этап может быть как довольно долгим и постепенным, так и весьма быстрым в случае, если уже есть благодатная почва для осуществления воздействия.

Наиболее простой и распространенной методикой, позволяющей существенно облегчить процесс установления доверия между представителями экстремистских и террористических организаций и их аудиторией, является целенаправленное предоставление информации о ряде свехзначимых обстоятельств, ранее неизвестных объекту.

Во-первых, речь идет о наличии общего врага в лице официального правительства. Это позволяет привлечь внимание наиболее широкого круга лиц (примеры подобной деятельности — <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2008/03/25/57235.shtml>; <http://www.palestine-info.com/ru/>).

Во-вторых, это информация о наличии близкого по духу этнического или политического меньшинства, всецело ущемляемого, позволяющая привлечь внимание лиц с обостренными политическими или патриотическими убеждениями (пример — форум о «геноциде чеченского народа» — <http://selard.com/934.html>; <http://www.shamilonline.org/rusnya/geno1.htm>).

В-третьих, это сведения о существующем разделении на «своих» и «чужих» по религиозному принципу — давление на обостренное религиозное самосознание (примеры — <http://www.palestine-info.com/ru/> а ультра радикальные исламисты из «мечети Аль Акса»; <http://www.jamaatshariat.com/content/view/773/34/>).

Особенность данной методики заключается в том, что пользователь этих ресурсов начинает идентифицировать себя с представленной группой («настоящими своими»), от лица которой идет обращение с информационного источника, и противопоставлять «чужим» — дискредитируемым.

На втором этапе манипуляции осуществляется привлечение внимания и возбуждение интереса к передаваемым сообщениям на основании не критического восприятия и усвоения аудиторией получаемой информации, что позволяет в значительной степени увеличить внушающий эффект воздействия информации в ущерб ее рациональной оценке. В качестве типичного приема используется высокоскоростной мозаичный видеоряд, составленный из эмоционально шокирующих компонентов.

На этом этапе также активно задействованы специальные коммуникативные приемы манипулятивного воздействия, ибо контакт

с объектом уже установлен и для его закрепления появляется возможность применения целого спектра логико-психологических и организационных техник. Это персональное обращение, основанное на психологическом портрете манипулируемого.

Методика, основывающаяся на некритичном восприятии аудиоторией получаемой информации, используемая повсеместно на крупнейших террористических и радикально-экстремистских ресурсах (kavkazcenter.com; palestine-info.com; daymohk.org), примитивна, но действенна.

Сначала – выражение открытого протеста и заявления сепаратистского характера на основе исторического или политического мотивов (собственная трактовка исторических и политических событий прошлого). Далее – изобличение официальной власти в «глобальной лжи» и предоставление собственной версии (ежедневно обновляемая новостная лента, где любые значимые события, происходящие в стране, получают трактовку, дискредитирующую официальную власть). И наконец, вбрасывание побуждающего к действиям информационного пакета: где, когда и кого надо убить (избить), чтобы добиться «высшей справедливости».

Рассмотрение экстрима и экстремизма в одном контексте кроме их этимологической близости оправдано, на наш взгляд, влиянием того и другого на личность. В обоих случаях речь идет о «полезных» и «вредных» аффектах (Аристотель), способных либо поднять личность на качественно новую ступень, либо разрушить ее. Экстрим – объективная характеристика развивающегося социума, экстремизм – имманация политического процесса.

Здоровое общество использует все возможности для развития своих членов. Пока мы находимся внутри социума, в котором нарастают как экстрим объективного происхождения (прежде всего природно-климатический), силовые формы социального взаимодействия (вооруженные конфликты), так и следствия перерождения политических механизмов – экстремистские и террористические акции. Складывается впечатление, что большая часть цивилизованного мира сознательно стремится к экстремуму, за которым – либо гибель, либо новое качество. Однако субъективные стремления (неважно, осознанные или нет) и базовые механизмы социального выживания сталкивались уже не раз, и в данном случае если мы понимаем происходящее, то можем в бифуркационном хаосе найти правильный вектор движения.

Глава 4. Геноцид как крайнее проявление экстремизма

Имея четкое и ясное представление о типичных признаках экстремизма, тем не менее очень сложно дать его точную, объективную дефиницию. И все же, несмотря на различие подходов к его толкованию, экстремизм можно определить как результат действий политических сил, общественных групп, направленных на распространение насильственным путем собственных взглядов на политическое и социально-экономическое устройство, межгосударственные отношения. Особенно он проявляется, а нередко и зарождается, на изломе значительных перемен в жизни общества. Этому часто способствуют недостатки и пробелы в действующем законодательстве, допускающие, прямо или косвенно, исповедование политической, экономической, религиозной, расовой, национальной и иной нетерпимости. При таких обстоятельствах радикально настроенные силы все чаще прибегают к крайне агрессивным формам самовыражения (призывы к осуществлению экстремистской деятельности, террористическим актам, массовым беспорядкам и т.д.), реально угрожая не только нравственным и духовным устоям общества, но и жизни людей, государственности, а следовательно, целостности многонациональных анклавов, регионов и даже отдельных стран.

Геноцид нередко имеет те же предпосылки, причины и условия возникновения, распространения, что и экстремизм. Кроме того, несмотря на принципиальное различие преследуемых целей, оба названных преступных явления предполагают создание незаконных вооруженных формирований, нарушение прав и свобод человека и гражданина, осуществление иных преступных действий в отношении групп людей в связи с их национальной, этнической, расовой, религиозной и иной принадлежностью. При этом геноцид реально может быть использован в качестве основного детерминанта в реализации тех преступных политических целей и намерений,

которые преследует экстремизм. Это подтверждают события, происходившие в Шри-Ланке, Руанде, Судане, Индии и некоторых других странах.

Родственность экстремизма и геноцида не вызывает сомнений. А учитывая, что последний является наиболее жестоким и массовым преступлением против человечества, можно смело утверждать, что геноцид представляет собой наиболее крайнее проявление экстремизма.

4.1. Геноцид: история и современность

По сути своей геноцид является одним из древнейших видов преступлений. История его возникновения тянется с первобытных времен, когда массовое уничтожение одной группы людей другой было не только обычным делом, но и способом выживания. В поисках пищи и лучших условий жизни одно племя (род, семья) или иная группа людей нападало на другое, уничтожая все, забирая трофеи, иногда порабощая женщин и детей. С течением времени войны охватывали все большие территории и массы людей, масштабы их росли, превращаясь из локальных в гражданские, межгосударственные, мировые. Практически всегда, будучи спутником войн, прогрессировал и геноцид, принимая идентично растущие масштабы.

Особенность геноцида как тягчайшего преступления против человечества заключается в том, что он имеет настолько кровопролитные и ужасные последствия, а жертвы его столь беззащитны и безвинны, что по истечении десятилетий, столетий и даже тысячелетий последующие поколения людей всегда сохраняют печальную память о произошедших событиях. Потомки, стремясь предупредить, предотвратить возможность повторения этого чудовищного явления, создать пути сдерживания его роста в современных условиях, тщательно изучают характерные признаки и специфические особенности геноцида, его отдельных проявлений, причины и условия возникновения, личности палачей и жертв геноцида, определяют уголовно-правовую характеристику, причем каждого такого преступления в отдельности, с надеждой окончательно победить это зло, полностью искоренить его проявления в будущем.

Сам термин «геноцид» появился, как известно, относительно недавно. Он является «детищем» польского юриста еврейского

происхождения Р. Лемкина, который в октябре 1933 г. на 5-й Конференции по унификации международного уголовного законодательства в Мадриде, призывая Лигу Наций создать международную конвенцию для предупреждения военных преступлений и варварства, впервые использовал слово «геноцид», образованное путем соединения греческого *genos* («род», «племя») и латинского *caedo* («убиваю»). Он предложил объявить *delictio juris gentium* действия, направленные на уничтожение этнических, религиозных и социальных сообществ, и делил такие действия на две группы.

1. Акт варварства, который выражается в посягательстве на жизнь людей или подрыве экономической основы существования данной группы лиц.

2. Акт вандализма, выражающийся в уничтожении культурных ценностей следующими способами:

- передача детей одной группы людей другой группе;
- принудительное систематическое изъятие характерных элементов культуры данной группы лиц;
- запрещение употреблять родной язык даже в личных отношениях;
- систематическое уничтожение книг на языке группы, разрушение музеев, школ, исторических памятников, культовых и других учреждений, культурных объектов группы или запрещение пользоваться ими¹³⁵.

Р. Лемкин предложил проект международной конвенции об ответственности за перечисленные преступления, которая на тот момент так и осталась проектом – милитаристские приготовления фашистской Германии и ее союзников естественным образом привели к Второй мировой войне (1939–1945 гг.).

Стремительным взлетом термин «геноцид» обязан Организации Объединенных Наций, которая ввела его в международный правовой лексикон. На своей первой сессии 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него¹³⁶.

Окончательное юридическое, правовое закрепление геноцид получил в принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (Конвенция о геноциде)¹³⁷, хотя его содержание, по сравнению с изначально предложенным, было сужено.

Согласно статье II этой Конвенции, под геноцидом понимают следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- 1) убийство членов такой группы;
- 2) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- 3) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;
- 4) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- 5) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Конвенция должна была вступить в силу лишь после того, как ее ратифицируют парламенты 20 стран мира – данное условие выполнено уже к январю 1951 г. Однако, как ни странно, многие великие державы долгое время по разным причинам откладывали ратификацию этой конвенции. Первыми конвенцию поддержали Франция и Китай (тогда Тайвань, поскольку коммунистическое правительство Китая заняло место в Совете Безопасности ООН лишь в 1971 г.). СССР ратифицировал ее в 1954 г., Великобритания – в 1970 г., КНР – в 1983 г., а США – в 1988 г.¹³⁸ Столь длительный процесс признания конвенции великими державами привел к тому, что на практике это соглашение – самое первое среди ключевых многосторонних договоров, депозитарием которых является Генеральный секретарь ООН, фактически начало выполняться лишь в 90-е годы прошлого столетия, несмотря на то, что еще до этого в законодательстве многих стран мира уже имелись соответствующие нормы, предусматривающие наказание за осуществление геноцида.

Таким образом, понятно, почему правовая наука и, в частности, криминология как отдельная ее часть вплотную занялись проблемами геноцида относительно недавно. Однако на сегодняшний день уже проделана значительная исследовательская работа и создана мощная правовая база для борьбы с геноцидом, которая опирается на мировой опыт, зиждется на многочисленных международных правовых актах и даже имеет позитивные национальные (государственные) особенности.

Следует отметить, что геноцид, как и любое другое умышленное преступление, совершается при наличии определенных условий и имеет свои специфические причины. Объективно при его совершении обязательным условием является наличие национального, этнического, расового или религиозного различия людей — участников этого преступления. Действительно, в древнейшие времена, в Средние века, в период Новой и Новейшей истории геноцид всегда имел национальный, этнический, расовый или религиозный оттенок. Правда, современная правовая наука допускает расширительное (национальное) толкование геноцида по социальным (Уголовный закон Латвии), политическим, мировоззренческим признакам (Уголовный кодекс Польши), на основе любого другого произвольного критерия (Уголовный кодекс Франции, Уголовный кодекс Беларуси) и т.д.

Безусловно, национальное, этническое, расовое, религиозное или иное различие людей не может предопределять геноцид само по себе и самостоятельно провоцировать уничтожение одних групп другими. Исторически доказано, что кроме этих объективно существующих различий геноцид всегда больше провоцируют субъективные причины материального, политического (идеологического), теологического характера или нескольких одновременно, а групповые отличительные признаки людей являются лишь очевидным внешним фактором, который для экспансии, извлечения определенных выгод легко используется в качестве раздражителя, детерминанта взаимоотношений одними, искусственно нагнетая напряженность, чтобы с легкостью организовать уничтожение других. Свидетельством тому служат даже факты, описанные в Библии, — это истребление еврейских детей египтянами, уничтожение жителей Ханаана израильскими племенами под предводительством Иисуса Навина¹³⁹. Аналогичные события происходили и в Древнем Риме — обращение в рабство и уничтожение жителей Карфагена¹⁴⁰. При уничтожении людей в этих случаях приоритет устремлений принадлежал не столько этническому различию, сколько достижению главной цели — расширению собственных территорий.

Геноцид — преступление всегда массовое. Даже если в силу ряда причин уничтожаются не все представители группы, избранной в качестве жертвы, намерения преступников обязательно направлены на полное или частичное ее уничтожение. Именно групповая виктимность как неотъемлемое свойство жертв геноцида

отражает невероятную чудовищность этого преступления, проявления которого наблюдались и наблюдаются повсеместно в мире. Особо крупные масштабы геноцид приобрел в древнем и средневековом Китае, на Ближнем Востоке, в Африке. Так, зулусский государственный деятель и полководец Чака приказывал уничтожать всех членов враждебных кланов и королевств, отказывавшихся присоединиться к его державе¹⁴¹.

В раннем Средневековье крестоносцы в ходе Альбигойских войн (1209–1229 гг.) вырезали большую часть населения южной Франции. В этом случае преступления совершались на религиозной почве. Именно с альбигойским крестовым походом связана печально известная фраза аббата Арно Амори, одного из руководителей крестоносцев: «Режьте всех, Господь узнает своих»¹⁴².

Во время великой французской революции войска получили приказ убивать всех восставших роялистов Вандея, в том числе детей и женщин репродуктивного возраста¹⁴³.

То есть очевидно, что для властей геноцид является одним из средств решения политических и экономических (территориальных) проблем, независимо от того, действительно то или иное меньшинство служит препятствием для достижения каких-либо целей правительства либо оно просто избрано им в качестве жертвы для отвлечения недовольства масс людей. Определенные сообщества намеренно уничтожались, потому что они противостояли установлению нового порядка – именовался он прогрессом, революцией или просто праведным делом. Ведь исходная концепция геноцида – наиболее очевидная ее форма – намеренное физическое уничтожение индивидов в связи с тем, что они являются членами иного человеческого сообщества.

Исторически условия и обстоятельства, приводящие к геноциду, методы его исполнения были различными. На протяжении пяти веков, вплоть до недавнего прошлого, главным «поставщиком» геноцида был колониализм, особенно процветавший в Африке и Азии. Политику геноцида активно проводили такие европейские государства как Великобритания, Испания, Голландия, Франция, Бельгия. Они изгоняли народы с собственных территорий, переселяли на другие, необжитые и неизведанные, обрекая на гибель их подавляющее большинство. Колонизатор, будь он завоевателем или переселенцем, относился к коренным жителям как к дикарям, неспособным воспринять цивилизацию. Это оправдывало завоева-

ние, заселение лучших земель и любое жестокое поведение в отношении них — без всяких ссылок на законность и мораль. Политика полного истребления чаще считалась бесполезной и бессмысленной. Уничтожая источник рабского труда, колонизатор подрывал собственную экономику. «Миротворцы» прибегали к кровопролитию, разорению, изгнанию жителей на другие территории, вселяли в них страх, чтобы ускорить порабощение. Как сие ни парадоксально, аморальная и преступная политика насаждения рабства на этих континентах спасла коренных жителей, жертв геноцида, от полного уничтожения.

Открытие Америки, Австралии и Океании, напротив, привело к искоренению туземцев и их культуры. Здесь применялся метод полного уничтожения местного населения. Европейец был настолько уверен в своем превосходстве, что даже не воспринимал туземцев и аборигенов как представителей одного с ним биологического вида. Эпоха Просвещения коварно отняла у европейца его «чистую совесть», раскрыв перед ним непоследовательность собственного поведения, когда он, провозглашая себя поборником христианской цивилизации, основанной на любви и братстве, в то же время разделял идеологию расового неравенства. В Океании и Австралии европейец вообще не задавался вопросом о человеческой природе коренных жителей, а характер освоения территорий привел к тому, что аборигены Австралии и Тасмании, маори Новой Зеландии были практически полностью искоренены. Так, в Австралии с 1788 по 1966 г. их число сократилось с 250–300 тыс. до 40 тыс. человек¹⁴⁴.

В Южной Америке конкистадоры использовали иной метод: они начали с разрушения местных политических систем, физически уничтожив индейских вождей; население было истреблено частично — остальные порабощены. Такая политика геноцида проводилась на протяжении трех столетий. Население Южной Америки, по различным оценкам насчитывавшее в 1492 г. 40–50 млн человек, к 1800 г. сократилось до 18 млн; население Мексики уменьшилось с 25 млн до 7 млн человек — потери гораздо больше, чем вызванные самой страшной эпидемией в истории человечества, чумой XIV века¹⁴⁵. Чудовищно много индейцев было истреблено рабовладельцами в странах Карибского бассейна.

На Кубе, где ежегодные потери населения составляли около 10%, труд рабов поддерживался только жесточайшим кровопролитным угнетением.

Метод смешения трех источников рабочей силы в связи с нехваткой местных работников использовали испанские и португальские колонизаторы: они ввозили людей в огромных количествах из Африки, вербовали или просто захватывали и похищали у других европейцев. Постепенно на Южноамериканском континенте смешались три источника рабочей силы – индейцы, которые как популяция оказались малоустойчивыми, белые, почти столь же легко растворившиеся в общей массе, и чернокожие, наиболее прочно укоренившиеся и сохранившиеся, несмотря на огромные потери, составившие к 1810 г. около 10 млн человек¹⁴⁶.

В Северной Америке переселенцы применяли абсолютно новый метод геноцида местного населения: прежде чем завоевывать внутреннюю часть материка, они сформировали новую нацию в прибрежных регионах. Безусловно, вашингтонские власти не ставили целью истребление индейцев Северной Америки, но оно явилось следствием политики насилия, экспроприаций, изгнаний с территорий, депортаций, переселений в резервации. Из 400 договоров, заключенных с индейцами, к 1868 г. ни один по настоящему не соблюдался. В США организации индейцев и ряд историков доказывают, что в отношении коренных обитателей американского материка был осуществлен акт геноцида, в результате чего число краснокожих американцев сократилось с 12 млн в 1500 г. до 237 тыс. в 1900 г. (впервые эту теорию высказал историк Ричард Диннон в 1972 г., опубликовавший исследование «Американский индеец: первая жертва»)¹⁴⁷.

Общая особенность пяти веков колониализма – порочная ментальность колониста-«цивилизатора», главного исполнителя геноцида. Глава колониального государства предоставлял ему полную свободу действий, и он мог без угрызений совести распоряжаться судьбой «антропоидного сброда». Пропась между угнетателями и угнетаемыми и сознательное усугубление различий между ними (биологических, языковых, религиозных, культурных и общественно-экономических) снимали моральные запреты и позволяли применять любые методы геноцида: убийство и уничтожение становились доблестью. Жертвы геноцида имели слишком мало общего с преступниками, чтобы у тех могли появиться сомнения в своем праве убивать. Расизм, являющийся первоосновой преступлений геноцида, нес в себе больше равнодушия и презрения, нежели ненависти.

Пик массовых погромов по расовому, этническому, национальному, религиозному признаку — геноцида на мировой арене — пришелся на XX век. По существу, облик прошлого столетия определили два феномена: во-первых, это был век катастроф, век небывалых по масштабам массовых убийств — в ходе мировых войн, революций и контрреволюций, войн во Вьетнаме, Афганистане, локальных войн в сотне других районов земного шара, а во-вторых, в этот период, переживший мировой экономический кризис 30-х годов, холодную войну, произошло невероятное ускорение экономического роста и модернизации, социальной трансформации общества, глобализации общественных процессов, столкновения интернационализма и национализма, интеграции и сепаратизма, демократии и авторитаризма¹⁴⁸. Именно такие критические условия всегда создают благодатную почву для реализации корыстных замыслов политического, экономического или иного характера, часто сопровождающихся человеческими трагедиями и нередко — геноцидом.

Несомненно, между войнами и геноцидом имеется прямая связь, и, как правило, геноцид обязательно является спутником вооруженных конфликтов. Не случайно именно в период мировых войн произошли два самых жестоких и массовых геноцида: геноцид армян и евреев. Как в отношениях армян и турок, так и в отношениях евреев с немцами имели место веками устоявшиеся неприязненные отношения: в первом случае это результат захвата турками исторических армянских территорий и создание для армян невыносимых условий жизни (материальный фактор), во втором — следствие того, что, как утверждают многие историки и политологи, немцы считали евреев прямой угрозой своей национальной безопасности и выживанию (идеологический фактор). Впрочем, данная формулировка приемлема и для первого случая в отношении турок. И если евреи открыто не претендовали на какую-либо немецкую территорию, то армяне всегда жили, вдохновляемые идеей освобождения своих исконных земель и воссоздания независимого и свободного армянского государства. Первая мировая война для турок и Вторая мировая война для немцев послужили поводом для активных действий к полному и окончательному (как они думали) уничтожению этих народов с целью навсегда решить для себя, соответственно, армянский и еврейский вопрос.

Армянский вопрос заключался в физическом уничтожении всех армян и, тем самым, захоронении идеи, угрожающей территориальной целостности турецкого государства.

Еврейский вопрос подразумевал уничтожение всех евреев, которые, по мнению идеологов фашизма, постепенно вытесняли немецкую нацию из всех наиболее важных сфер экономической и общественно-политической жизни в стране: евреи захватывали лидерство в политических партиях и организациях, принимали активное участие в распространении коммунистических и социалистических идей, занимали лидирующие позиции в промышленности, банковском секторе и т.д. В 1933–1945 гг. по всей Европе было истреблено 6 млн евреев. В современной научной литературе и публицистике эта политика нацистской Германии получила название «Холокост»¹⁴⁹.

Наиболее известными фактами геноцида в XX веке, имеющими материальный (территориальный) фактор, помимо геноцида армян являются геноцид в Намибии (1904–1907 гг.), Турции (1914–1924 гг.), Юго-Восточной Азии (1930–1945 гг.), Пакистане (1971 г.), Бразилии (1974 г.), Гватемале (в 80-е годы), Ираке (1986–1988 гг.), Индии (1989 г.), Югославии (1992–1995 гг.), Судане (1983 г.) и другие.

Наиболее известными фактами геноцида в XX веке, имеющими идеологический фактор, помимо геноцида евреев являются геноцид во Вьетнаме (1973 г.), в Чили (1973 г.), Индонезии (1965 г.), Камбодже (1975–1979 гг.), Руанде (1961–1994 гг.), Эфиопии (1974–1991 гг.) и другие.

Таким же жестоком и массовым было истребление фашистской Германией во время Второй мировой войны безвинных людей славянского происхождения. В 1939–1944 гг. уничтожено население, в основном славянское, на оккупированных территориях Европы и СССР. Эта операция имела кодовое название «план Ост». Данный план являлся программой массовых этнических «чисток» населения Восточной Европы и СССР в рамках более глобального нацистского плана по освобождению жизненного пространства для немцев и других германских народов за счет территорий «низших рас».

После Второй мировой войны практика массовых убийств не исчезла – она изменила свое лицо. Колониализм практически себя изжил, расизм был поставлен вне закона, а национальный су-

веренитет и социальная революция возвышены как непререкаемые ценности. Однако конец эпохи колониализма не только породил возобновление геноцида, но и привел к росту виктимизации отдельных групп людей. Новые государства, «большие» и даже «маленькие народы» вдохновлялись кровопролитными утопическими идеями, и этот всплеск насилия был предсказуемым и неизбежным по той простой причине, что колониализм великих держав столетиями произвольно устанавливал территориальные границы, разрезал на части целые континенты, расчерчивая карту мира без учета национальных, этнических, расовых и религиозных реалий.

Национальная независимость XX века обрушилась на крайне неоднородные по составу общества, которые испытали серьезные трудности в налаживании отношений между составляющими их группами, тем более что противоречия между этими группами ранее насаждались и часто сознательно разжигались колониальными империями. Поддерживать национальное единство в такой ситуации было невозможно, как и соблюдать при этом уважение к различиям в языке, традициях, религии, а также в экономическом укладе отдельных регионов и отдельных этнических групп.

В такие периоды развития общества желания одних людей, как правило, со специфическими признаками, длительное время находящихся, мягко говоря, в исторически сложившихся худших условиях жизни и пытающихся выбраться из такой ситуации, обязательно сталкиваются с желанием других быстрее ликвидировать этот естественный очаг напряженности для скорейшей адаптации к современным международным условиям жизнедеятельности и дальнейшего собственного процветания. В этой пестроте групп одна из них, обычно самая крупная численно и лучше других вооруженная, стремится захватить власть, подчинить меньшинства и присвоить право выражать как бы общее мнение, в действительности соблюдая лишь свои интересы. Это неминуемо приводит к вооруженным конфликтам и, как следствие, к геноциду конкретной общности людей.

Практически те же процессы привели и к печальным событиям XX века в странах европейской части социалистического лагеря, в том числе в СССР и его отдельных республиках. Возведенная коммунистами в ранг основной государственной идея всеобщего братства и равенства, насаждаемые атеизм и вера в «светлое ком-

мунистическое будущее» фактически загнали вглубь объективно обостряющиеся при такой директивной и тоталитарной системе государственного управления истинные общественные, национальные и религиозные (межконфессиональные) отношения в этих республиках и странах. Преступно ошибочная идеологическая, экономическая, национально-территориальная и религиозная (атеистическая) политика привели в конце концов к кровопролитным столкновениям с элементами геноцида почти на всем европейском социалистическом пространстве в 90-х годах прошлого столетия.

Колоссальный рост числа преступлений против человечества в минувшем веке стал причиной того, что с середины XX столетия началась активизация международных сил, направленная на его обуздание. Важную роль в этом сыграли Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг., на котором были осуждены главные германские военные преступники, и Токийский процесс 1946–1948 гг., осудивший главных японских военных преступников.

Нюрнбергский судебный процесс сделал первый серьезный шаг в деле внесения в международно-правовую практику идеи о неотвратимости возмездия за тягчайшие преступления против мира и человечества. Он проводился в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, было допрошено 116 свидетелей, рассмотрены многочисленные письменные показания и документальные доказательства (в основном официальные документы германских министерств и ведомств, генштаба, военных концернов и банков)¹⁵⁰.

К ответственности были привлечены высшие военные и государственные деятели фашистской Германии, в том числе Г. Геринг, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Йодль, А. Шпеер, Я. Шахт, Г. Крупп. 12 человек были приговорены к смертной казни, семеро — к длительным срокам или пожизненному тюремному заключению¹⁵¹. Руководящий состав Национал-социалистической партии и охранные отряды этой партии (СС), служба безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), правительственный кабинет и генштаб признаны преступными. Нюрнбергский процесс разоблачил сущность германского фашизма, его планы уничтожения целых государств и народов, показал опасность фашизма для всего человечества. На этом процессе впервые в ис-

тории агрессия была признана тягчайшим преступлением против человечества.

Токийский процесс продолжил и укрепил начатую Нюрнбергским процессом идею неотвратимости наказания за преступления против мира и человечества. Судебный процесс над главными японскими военными преступниками проходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. в Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Требование суда над японскими военными преступниками было сформулировано в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., в которой заявлялось: «Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира»¹⁵². В Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. японская сторона дала обязательство честно выполнять условия Потсдамской декларации, включая наказание военных преступников.

Следует отметить, что наряду с Токийским судом параллельно проводились другие процессы, наиболее значительными из которых были Манильский и Хабаровский.

Токийскому суду были преданы 28 человек. Приговор вынесен в отношении 25 человек, в том числе четырех бывших премьер-министров, 11 бывших министров, двух послов и восьми представителей высшего генералитета. Во время процесса бывший министр иностранных дел Ёсуки Мацуока и адмирал Осами Нагано умерли, и дело в отношении них было прекращено, а в отношении идеолога японского империализма Сюэя Окава, заболевшего прогрессивным параличом, приостановлено¹⁵³.

Трибунал приговорил к смертной казни через повешение Годзио, Итагаки, Хирота, Мацуи, Доихара, Кимура и Мутто; Того – к 20, годами лишения свободы и Сигэмицу – к 7 годам; остальных 16 подсудимых – к пожизненному заключению.

Исторически важная роль Нюрнбергского и Токийского процессов неоспорима. Они имели существенное значение для утверждения принципов и норм современного международного права, рассматривающих агрессию как тягчайшее преступление против человечества. Эти международные военные трибуналы своими приговорами создали фундаментальную международно-правовую

базу для суда над военными преступниками независимо от их ранга и служебного положения.

В настоящее время борьба с геноцидом и иными международными преступлениями набирает обороты, все большее число преступников достигает справедливое наказание, и они оказываются, в лучшем случае, в неволе (по международной юрисдикции) или приговариваются к смертной казни (по национальной юрисдикции). Сегодня международные суды имеют возможность возбуждать уголовные дела и приступать к осуществлению правосудия, не дожидаясь падения преступного режима. Показательны в этом отношении сформированные под эгидой ООН два международных трибунала: Гаагский (Нидерланды) 1993 г. – по бывшей Югославии (МТБЮ), и в Аруше (Объединенная Республика Танзания) 1994 г. – по Руанде (МУТР). Помимо указанных судов *ad hoc*, в июле 1998 г. в Риме был создан Международный уголовный суд (МУС). 120 государств – членов Организации Объединенных Наций впервые за всю историю международно-правовых отношений заключили договор об учреждении этого судебного органа. МУС – первый постоянно действующий правовой институт, в компетенцию которого входит уголовное преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления и преступления против человечества.

О решительности и продуктивности деятельности такой борьбы позволяют сделать вывод следующие факты.

1. Международный уголовный суд на сегодняшний день выдал шесть ордеров на арест высокопоставленных лиц Уганды, Конго и Судана за преступления против человечности, включая изнасилования, убийства, пытки, преследования, насильственные перемещения, нападения на гражданское население и многое другое¹⁵⁴. В настоящее время в следственном изоляторе МУС в Гааге находятся лидеры вооруженных группировок Демократической Республики Конго Катанги Жермен и Томас Лубанги Диило, а также их соотечественник – бывший лидер повстанцев Матье Чуи¹⁵⁵. Слушания по делу Диило, начавшиеся в марте 2008 г., стали первым судебным процессом МУС.

2. С 1993 г. по август 2008 г. МТБЮ завершил судебное разбирательство по делам в отношении 114 обвиняемых из 161 лица, которым были предъявлены обвинения, но до сих пор не может арестовать двух скрывающихся от правосудия обвиняемых, хотя

в 2003 г. Совет Безопасности уже разработал стратегию постепенного свертывания деятельности трибунала. Планируется, что к 2010 г. МТБЮ окончательно завершит работу¹⁵⁶.

3. С 1994 г. по август 2008 г. МУТР арестовал 77 человек из 90, которым были предъявлены обвинения. Число обвиняемых, находящихся на свободе, — 13 человек, хотя, согласно стратегии завершения работы МУТР, все судебные процессы должны завершиться к концу 2008 г., а вся работа — в 2010 г. В связи с этим международный суд предусмотрел передачу 41 дела на рассмотрение национальных судов¹⁵⁷.

4. В июне 2003 г., после шести лет переговоров, Генеральная Ассамблея ООН одобрила соглашение о создании так называемых чрезвычайных судебных палат в рамках существующей судебной системы Камбоджи, которое весной 2005 г. вступило в силу. Специальный смешанный трибунал в Камбодже с участием судей ООН уполномочен рассмотреть дела лидеров красных кхмеров, виновных в организации геноцида против собственного народа в период между 17 апреля 1975 г. и 6 января 1979 г.¹⁵⁸

Не умаляя заслуги проводимых международными судами процессов, с сожалением приходится признавать, что по объективным причинам многие дела затягиваются, некоторые главные преступники остаются на свободе, а временные суды приходится сворачивать. Зато радует другой очень важный факт — нередко преступники, совершившие акты геноцида и иные международные преступления, даже по истечении многих лет, будучи уже пожилыми людьми, все-таки предстают перед международным судом, держат ответ за совершенные тягчайшие преступления и получают заслуженное наказание.

4.2. Личность преступника, совершающего геноцид

Как уже отмечалось, благоприятнее и легче всего совершать преступления, а тем более геноцид именно в период конфликтов и войн, всеобщего хаоса и неразберихи. Это объясняет массовый характер проявлений геноцида в мире в прошлом и даже в наступившем веке. При этом природа геноцида такова, что наличия причин и условий для его совершения бывает недостаточно. Геноцид не может быть стихийным или произвольным, даже если имеются основания для его осуществления. Геноцид — организован-

ное преступление, в котором преследуются две цели: субъективная и объективная. Субъективная объясняется рядом причин, главными из которых являются материальная (экономическая) – аннексия или закрепление за собой чужих территорий, получение личной материальной выгоды, и идеологическая (политическая) – физическое уничтожение приверженцев иной идеологии, мировоззрения, образа жизни и т.д.

Вопрос о личности преступника – один из самых важных для криминологического исследования данного вида преступления. Известно, что геноцид всегда тщательно продуман и организован и, как правило, совершается в соучастии. Среди его участников обязательно есть руководители (организаторы), идеологи и исполнители – это три основных преступных звена «комплексного» субъекта. Первые два обычно составляют лица, занимающие лидирующее положение в обществе по своему родовому или должностному статусу, ведущему месту в государственном механизме либо благодаря личным индивидуальным заслугам в политической, экономической или военной деятельности. Идеологами часто выступают известные журналисты, писатели, научные работники.

Чтобы вдохновить непосредственных исполнителей геноцида на уничтожение избранных жертв, необходим лидер, нужна «икона». Таким лидером и становится руководитель (организатор) или идеолог геноцида. Иногда руководитель (организатор) и идеолог являются одним лицом. Представители именно этих двух звеньев наиболее осознанно стремятся и желают уничтожения конкретной группы людей. В целом они реально воспринимают мир с объективным разделением людей по национальным, этническим, расовым, религиозным и иным признакам. Такое деление лидерам даже жизненно необходимо, иначе не будет борьбы, то есть глобальной игры, в которой они руководят и реализуют себя.

Изучение личности руководителей и идеологов геноцида, их преступного поведения показывает, что чаще всего это фанатически заряженные люди, слепо верящие в правоту своей идеи и отрицающие всякие возражения и контраргументы. Более того, во имя идеи они готовы всячески преследовать и даже уничтожать оппонентов и в своей среде. Понимая, что реализовать замыслы и планы в одночасье невозможно, они проявляют недожиданную энергию, настойчивость и работоспособность для достижения своей цели, иногда даже завещая потомкам довести их дело до конца. По убеждению

руководителей и идеологов иная нация, этнос, раса или религиозная группа представляются не только ненужными обществу, но даже вредными, тормозящими его развитие и, в конечном счете, чрезвычайно опасными, так как несут объективную угрозу их грандиозным и величайшим намерениям во имя собственного народа.

Будучи в основном талантливыми и даже нередко одаренными людьми, идеологи геноцида посвящают свою жизнь созданию и претворению в жизнь собственной псевдонаучной идеологии о величии одной конкретной расы, нации, этноса или религии. И эту идею действительно подхватывают люди, для которых по разным причинам она становится близкой и понятной в той плоскости, в которой ее преподносят. Почти всегда эта плоскость ограничивается территориальными и экономическими интересами, что априори гарантирует сторонникам и последователям лжеидей (и даже их потомкам) беззаботную и счастливую жизнь на века.

Руководители (организаторы) геноцида также практически всегда являются людьми с высоким уровнем интеллектуального развития. При этом исключительная особенность — собственная активность, целеустремленность, напористость и организаторская способность зажечь людей идеей, убедить в ее объективной правдивости и необходимости реализации, завлечь на свою сторону и фактически направить на тщательно продуманное истребление безвинных людей «ненужной» и «вредной» нации, этноса, расы или религии.

Нередко роль руководителей и идеологов геноцида занимают титульные лица государственного масштаба, еще чаще такими лицами они становятся благодаря своим амбициозным экстремистским устремлениям.

Наиболее ярким субъектом, олицетворяющим в одном лице руководителя (организатора) и идеолога геноцида, является Гитлер, которого называют еще архитектором этого преступления, создавшим настоящий конвейер смерти в концентрационных лагерях по всей захваченной им территории Европы. Для тех, кто следил за восхождением к власти Гитлера и нацистской партии, его дьявольский план истребления евреев, славян, цыган и других не был неожиданностью, так же как проводимые в лагерях смерти эксперименты по выведению нордических суперменов, которые должны были составить избранную расу¹⁵⁹.

Менее амбициозные по масштабам, но с теми же идеями и планами, таким же жестоким и безжалостным способом проводили свою

политику А. Пиночет, Р. Адеми, Э. Хаджихасанович, Менгисту Хайле Мариам, С. Хусейн. Они хладнокровно отдавали приказы убивать мирных жителей иной нации, этноса, расы или религии во имя процветания собственного титульного народа на данной территории. Такие лидеры часто имеют определенные психические отклонения, в связи с чем им чужды мораль, нормальные общечеловеческие правила и догмы, их что называется, тревожат всемирный покой и общее благоденствие.

Сущность внутренних качеств подобных лидеров такова, что, нередко лично пугаясь даже вида крови или трупа, они жаждут ореола славы любым неординарным способом, с легкостью отдают «исторически важные, судьбоносные» команды во имя «великих» целей, заведомо обрекая на полное или частичное уничтожение людей, в частности женщин, стариков, детей. В организации и реализации геноцида роль их действительно главная и решающая. В мире существует бесчисленное множество анклавов с компактным проживанием людей даже абсолютно разных по отдельным индивидуальным или групповым признакам, но там веками царит полное или относительное спокойствие. Почему? Этому способствуют два фактора: отсутствие неадекватных и амбициозных лидеров и наличие твердой государственной руки. И если вина первых неоспорима, история не скрывает их имена и факты совершенных преступлений, многие из них уже понесли заслуженное наказание, то на особую роль в геноциде государства внимание стали обращать относительно недавно.

Учитывая специфику геноцида как преступления против мира и безопасности человечества, доктрину Бриана-Келлога¹⁶⁰, существующую уже почти столетие, основополагающие работы В. Пелла, многих других правоведов и политологов об особом характере правосубъектности государства, современное международное право в качестве виновника этого преступления называет уже не только отдельные личности, но и конкретные государства. Такое понимание пришло из признания особенной роли государства в совершении геноцида, необходимости предупреждения этого преступления, как результат претворения концептуальных целей международного права в борьбе с проявлениями геноцида в мире.

Действительно, государство как субъект международного права, как политическая организация зачастую само является одновременно и организатором, и вдохновителем, и исполнителем геноцида. Пусть это происходит в лице государственных деятелей, политичес-

ких и религиозных лидеров, народных масс — оно по своему международному статусу содержит универсальные внутренние и внешние правоотношения, от чего и ответственность его в геноциде также носит универсальный характер. При совершении этого преступления оно преследует те же цели, что и физическое лицо. Разница лишь в том, что государство (государственная политика и ее система) часто само умышленно порождает и лидеров, и организаторов, и идеологов геноцида, вдохновляет непосредственных исполнителей (титульный народ, этнос, нацию и т.д.) на совершение преступления с использованием различных механизмов. Причем зачастую эти хитроумные механизмы (технологии) оно само и создает. Следовательно, роль государства в данных случаях важнее, а ответственность гораздо больше, чем у физических лиц.

Другая особенность государства — организатора геноцида заключается в том, что к нему невозможно применить те меры предупреждения и наказания, которые отражены в многочисленных международных нормах права в отношении виновников геноцида — физических лиц. Правда, универсальные виды наказания были сформулированы еще в проекте Международного уголовного кодекса В. Пелла к уголовным санкциям против государств¹⁶¹. Согласно ему, каждый субъект международного права вправе требовать от государства-правонарушителя прекращения преступных действий, ликвидации их последствий и возмещения как материального, так и морального вреда. Он предусматривал дипломатические санкции (предупреждение, разрыв дипломатических и консульских отношений и т.д.), юридические санкции (наложение секвестра на имущество граждан, государства и т.д.), экономические санкции (блокада, эмбарго и т.д.), а также другие санкции (порицание, штраф, лишение права представительства в международной организации на определенное время, лишение мандата на управление подопечной территорией, полная или частичная оккупация территории государства, лишение независимости).

К сожалению, эти санкции так и остались в проекте, но сегодня все государства прекрасно знают, что неотвратимость наказания за геноцид, независимо от времени его совершения, может наступить в любой момент любого участника преступления. Это происходит благодаря тем обоснованным санкциям и той грамотной профилактической международно-правовой работе, которую осуществляют Международный уголовный суд, суды *ad hoc* (Международ-

ный уголовный трибунал по Руанде и Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии), реальной действенности существующей международной правовой базы в борьбе с геноцидом и другими преступлениями против человечества (выработаны понятия военных преступлений и преступлений против человечности, разработана более объективная концепция геноцида и т.д.).

Правда, объективно следует признать, что современная международная этика слишком глубоко увязла в политике, поэтому даже геноцид нередко остается преступлением «кого-то другого», а в лучшем случае – слабого на политической арене субъекта. Такая позиция косвенно дает право «сильным мира сего» уничтожать определенную общность людей, а затем отрицать этот факт и оправдывать свои «законные» действия вынужденными мерами либо борьбой с преступниками или террористами. Не случайно делаются попытки предать забвению даже память о преступлениях нацизма, происходит фальсификация исторических фактов, крайним проявлением которой является отрицание существования газовых камер в нацистских концентрационных лагерях во время Второй мировой войны, отрицание Холокоста, геноцида армян и т.д.

Еще один значимый и особый нефизический тип субъекта геноцида – средства массовой информации, общественные организации, финансово-промышленные объединения, иные организации. Международное право до сих пор не определило критерии и степень их ответственности, хотя огромная и существенная роль этих структур в совершении тягчайших преступлений, в том числе геноцида, очевидна.

Следует отметить, что за любые преступления против человечества, в частности за геноцид, в совершении которых участвуют СМИ, общественные или иные организации, объединения, в форме подстрекательства, разжигания национальной и иной розни, финансирования этих действий и т.д., в большей или меньшей степени ответственно государство, допускающее их существование и активную деятельность. То есть роль государства и его ответственность в совершении геноцида адекватны степени вины названных субъектов преступления. Более того, деятельность этих субъектов геноцида составляет большую часть механизма преступных действий (поведения) собственно государства.

Исходя из изложенного выше, очевидно, насколько сложен и специфичен субъект геноцида – государство и насколько важ-

но правильно, объективно и точно определить причину и цели его преступных действий, условия их возникновения, степень вины и уголовной ответственности, способы иных мер воздействия, разработать эффективные средства профилактики предупреждения геноцида и других преступлений против человечества. Для этого необходимы всестороннее изучение его особенностей, их статистический учет и анализ.

Безусловно, то же самое следует делать и в отношении субъекта геноцида – физических лиц. Но, несмотря на то, что эта работа не менее кропотлива и трудоемка, степень ответственности обоих субъектов несопоставима. Отдельные «герои» приходят и уходят, а государства остаются на века. По истечении многих лет государства по-новому осмысливают содеянное предками и могут признать или не признать совершенный ранее геноцид. Сегодня, в условиях международной глобализации и интеграции, это является важным показателем степени демократизации общественно-политического строя конкретного государства, культуры собственного народа и от этого напрямую зависят его международный статус и авторитет.

Конечно, осуществление геноцида было бы невозможно без участия непосредственных исполнителей. Среди исполнителей геноцида можно встретить людей абсолютно разных по умственным способностям, возрасту, убеждениям и другим личностным критериям. Несмотря на то, что именно исполнители являются основной «уничтожающей силой» в совершении этого преступления, их отношение к людям иной нации, этноса, расы или религии, которых они намерены уничтожить, если и враждебно, то чаще всего недостаточно оформлено. Механизм их преступного поведения прост по форме и беден по содержанию. Они совершают эти действия преимущественно либо по приказу, либо из материального интереса (завладение участком, домом, имуществом и другими ценностями), либо чтобы не быть белой вороной среди «своих», самоутвердиться, либо по множеству других причин, далеких от идейного отношения. Им все равно, кого ради этого убивать. Они могут убивать «людей-изгоев» просто под впечатлением и влиянием мощной идеологической, пропагандистской эйфории, участвуя в надуманной игре под образным названием «смерть индейцам», «убить врага – святое дело», «очистим мир от чернокожих», «скальп бледнолицего», «смерть жидам», «долой хачей» и т.д. По этой причине среди исполнителей геноцида часто встречаются подростки даже моложе 14–16 лет, избегающие

уголовной ответственности за геноцид. Их возраст таков, что они не могут осознавать губительную сущность и антисоциальную направленность своего деяния, хотя нередко именно они наиболее жестоко и хладнокровно уничтожают свои жертвы.

Точное и правильное установление индивидуальной роли каждого преступника очень важно для определения степени ответственности и вины, а также меры наказания участников геноцида. Несомненно, идейные вдохновители и организаторы в этом черном списке должны быть первыми, так как объективные и субъективные признаки совершенного ими геноцида всегда наиболее очевидны. Для них, равно как и для государства, наиболее характерна (с точки зрения особенностей взаимодействия с окружающей средой) слаженность механизма преступного поведения, откровенно и продуманно направленного на уничтожение отдельных групп людей по различным признакам – на совершение геноцида.

4.3. Предупреждение геноцида

Об огромном значении предупреждения любого преступления убедительно сказал Чезаре Беккариа, который утверждал, что преступления лучше предупреждать, чем карать за них¹⁶². Это наиболее актуально для геноцида как одного из самых тяжких преступлений. Но, к сожалению, даже сегодня на международном уровне эта работа не всегда хорошо выполняется, как признал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в послании Конференции по предотвращению военных злодеяний, организованной совместно Университетом ООН и Международной кризисной группой, прошедшей в Нью-Йорке 10 октября 2007 г.¹⁶³ Однако необходимо признать и другое: за последние 60 лет в области борьбы с геноцидом и другими преступлениями против человечества, создания различных мер предупреждения этих преступлений международное сообщество шагнуло далеко вперед. Это прежде всего относится к созданию современной системы международного права, составляющей основу системы мер предупреждения геноцида как специфического, наиболее тяжкого вида преступления. Данная система опирается на комплекс целей и принципов, обладает характерной для нее структурой, отличается определенными методами формирования и функционирования, развивается в соответствии с присущими ей закономерностями. Ее появление объективно обусловлено, поскольку выполнять

свои функции в борьбе с геноцидом и другими преступлениями против человечества современное международное право в состоянии лишь в качестве достаточно организованной системы.

В эту систему, в частности, входит следующее.

1. Мощная законодательная база, обеспечивающая эффективную борьбу с геноцидом и другими преступлениями против человечества. Отсутствие правового регулирования и, как следствие, признание столетиями «права сильного» приводило к тотальному уничтожению отдельных групп людей по национальному, этническому, расовому, религиозному и иным признакам. Право является ядром, определяющим основные признаки геноцида, его предмет, состав, основные принципы борьбы, регулирующим правоотношения между субъектами международного права в этой борьбе, создаваемые путем согласования собственных позиций, конкретных действий.

2. Международные органы и организации, осуществляющие поддержание мира и безопасности (ООН, Совет Безопасности и т.д.), специальные трибуналы (МТБЮ, МУТР и т.д.), постоянно действующий Международный уголовный суд, деятельность которых убедительно доказывает усиление борьбы с геноцидом и другими преступлениями против человечества.

Деятельность системы направлена не только на поимку и наказание преступников, совершивших геноцид, но и на выявление и ликвидацию причин, условий конкретных преступных деяний, на установление лиц, потенциально способных совершить преступление. И цель ее — осуществление эффективного предупредительного воздействия.

Современное международное право обладает универсальным свойством воздействовать как на правосознание, так и на политическое и нравственное сознание людей в духе своих целей и принципов. Так, оно участвует в общем процессе развития этих видов сознания, способствует утверждению соответствующих принципов в политическом мышлении, нормах морали и нравственной практике, то есть одинаково воздействует на гипотетических участников геноцида и других преступлений против человечества: как на лидеров, так и на конкретных исполнителей. Этой цели должны служить не только карательные меры правового воздействия, но и совокупность других разнообразных видов деятельности и мер, которые необходимо реализовывать в наиболее беспокойных, кон-

фликтных регионах мира: развитие правовой и политической грамотности, образовательной, этической, эстетической культуры и т.д.

Одновременно с укреплением системы мер предупреждения, которое позитивно сказывается на количественном снижении роста актов геноцида, происходит прямо пропорциональный рост правосознания отдельных физических лиц и даже новое объективное осмысливание собственных преступлений субъектами международного права — отдельными государствами.

Так, в 2004 г. власти Германии официально признались в совершении геноцида в Намибии в начале XX века¹⁶⁴, а в 2008 г. правительство Австралии заявило о намерении официально извиниться перед коренным населением континента за политику насильственного разлучения детей аборигенов с родителями, существовавшую с 1915 по 1969 г.¹⁶⁵ Это ли не пример честного отношения к негативным страницам своей истории во имя торжества закона, демократии, всеобщего мира и порядка?

Все эти события и факты прямо или косвенно имеют решающее значение в деле профилактики борьбы с геноцидом.

Следует также отметить, что в отличие от профилактики других видов преступлений система предупреждения геноцида имеет два уровня мер — основной (международный уровень) и государственный (национальный уровень). Первый уровень — это деятельность по борьбе с геноцидом, проводимая в жизнь международными органами, организациями, судами, второй — та же деятельность, осуществляемая государствами самостоятельно. Эти меры направлены как на выявление, устранение, ограничение, ослабление или нейтрализацию причин и условий возникновения геноцида, так и на применение соответствующих санкций, причем национальные законодательства не только часто расширенно толкуют понятие геноцида, но и применяют более суровые меры наказания. То есть все виды деятельности по предупреждению геноцида подразделяются на уголовную репрессию — предупреждение, осуществляемое в рамках уголовного правосудия, и профилактику (превенцию), в которую входят все виды воздействия, находящиеся за рамками уголовного правосудия.

Не следует забывать и о том, что уровень латентности преступлений геноцида достаточно высок, что создает немалые сложности в борьбе с ними. При этом можно говорить о латентности объективного и субъективного характера.

Первая выражается в объективной невозможности привлечь к ответственности всех виновных лиц в отдельно взятом случае геноцида. Это связано и с многочисленностью непосредственных исполнителей, их прямой зависимостью от лидеров, круговой порукой и страхом местных властей и свидетелей перед лидерами, и с ограниченностью организационно-технических и материальных возможностей международных судов, других органов и организаций для расследования и раскрытия преступлений и т.д.

Латентность второго вида есть следствие целенаправленного отрицания, непризнания фактов геноцида и даже их сокрытия. Историки и политики, чтобы завуалировать этот прискорбный факт и не компрометировать стройную историю цивилизованной Европы, прибегали к семантическим уловкам, называя геноцид эпохи колониализма этноцидом, тем самым делая упор на разрушение культуры, а не на уничтожение людей. Признание сегодня за всеми представителями рода человеческого равных прав на жизнь и свободу, рождение понятия общечеловеческого братства несколько пошатнули практику геноцида, но, к сожалению, пока не прекратили ее полностью¹⁶⁶. По этой причине уже в нынешнее время фактически безнаказанными остались чилийский диктатор Пиночет, некоторые активисты этнических чисток на территории бывшей Югославии в 90-е годы прошлого столетия и другие. Происходит это потому, что даже сегодня недостаточно разработаны и сформированы общие понятия геноцида, концепция борьбы с ним.

Высокий уровень латентности, распространенность геноцида в мире свидетельствуют о малоэффективности обычных профилактических мероприятий на данном этапе борьбы с ним. Еще более укрепляется мысль, что пока наиболее действенным и весомым средством предупреждения геноцида являются репрессии, причем прежде всего против его руководителей и организаторов. Такое умозаключение подтверждают практически все судебные процессы, как послевоенные (1945–1948 гг.), так и современные, которые сурово осудили только лидеров преступных режимов, движений, формирований, да и то не всех. Правда, это не подтверждает слабость профилактических мер предупреждения геноцида, а доказывает специфичность данного вида преступления, для которого наиболее эффективным средством предупреждения являются репрессии лидеров, использование против них законных мер воздействия. Во главу угла целей этих репрессий ставится не столько наказание преступников, сколько предупреждение

всех остальных — физических лиц, государств, политических, религиозных и иных организаций, средств массовой информации и т.д.

В качестве одного из основных инструментов противостояния геноциду выступает деятельность системы пенитенциарных учреждений, которая наряду с международной правовой базой, органами и учреждениями, предназначенными для преследования и задержания преступников и осуществления над ними правосудия, служит общей цели предупреждения геноцида и иных международных преступлений. В связи с этим следует отметить все большее укрепление сотрудничества и взаимопомощи государств не только в области правотворчества и правоприменения, но и по вопросам исполнения наказаний. Так, Международный трибунал по бывшей Югославии подписал соглашение об исполнении приговоров уже с 17 европейскими странами¹⁶⁷, а Международный трибунал по Руанде пока с шестью¹⁶⁸.

Безусловно, международному сообществу, национальным правительством кроме репрессивных следует применять и превентивные меры предупреждения геноцида. Эта деятельность должна быть приоритетной и определенно направленной на следующее.

1. Выявление возникновения экстремистских режимов, органов, партий и других организаций или объединений, своевременное их разоблачение.

2. Выявление, устранение, ослабление или нейтрализация неблагоприятных факторов формирования личности, особенно с лидерскими качествами экстремистской, фашистской или иной антигуманной направленности.

3. Правовое образование и воспитание личности с раннего возраста в духе толерантности, гуманности и уважения равенства прав и свобод граждан любой национальности, этноса, расы, религии или людей с иными признаками различия.

Эта деятельность очень важна. Очень точно о ней сказал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун: «Предупреждение массовых злодеяний является одной из самых священных обязанностей международного сообщества и ООН»¹⁶⁹.

Таким образом, отдавая должное эффективности существующих сегодня механизмов борьбы с геноцидом, мер его предупреждения, учитывая современные тенденции развития межгосударственных отношений, рост всеобщей глобализации и интеграции, можно с определенной уверенностью констатировать, что геноцид отживает свой последний век и в недалеком будущем ему нет места.

Глава 5. Психологические проблемы экстремизма

5.1. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму

Экстремистские и террористические акты — знамение времени, и наиболее заметные из них связаны с национально-этническими либо религиозными конфликтами. В последние десятилетия они стали суровой реальностью и для нашей страны. Хотя Россия всегда была многонациональным государством, где бок о бок мирно существовали многие нации и народности, сообщения о резко обострившихся ксенофобических и националистических настроениях даже русскоязычного населения заставляют прийти к печальному выводу, что решение национального вопроса, почти столетие назад провозглашенное одним из важнейших достижений советской власти, было не более чем иллюзией.

Все это вызывает значительный социальный резонанс и рождает массу публикаций, в том числе научных. Анализ прессы, сделанный нами, а также рядом других авторов, заставляет еще раз убедиться в том, что толерантность и беспристрастность в этом вопросе труднодостижимы. Большинство материалов массовой прессы написано в классической обвинительной традиции — с большой эмоциональностью и ради безнадежной цели найти ответ на вопрос, кто виноват — властные структуры различных уровней, представители неразвитых национальных меньшинств и т.д.

В несколько более сдержанных научных комментариях, которые дают преимущественно социологи, политологи или юристы, в качестве причин терроризма, экстремизма и ксенофобии чаще всего называются такие явления как социально-экономические потрясения, конфликт цивилизаций и охвативший планету процесс глобализации.

Действительно, трудно не согласиться с тем, что современная социально-экономическая ситуация во всем мире характеризуется

быстрой изменчивостью и нестабильностью, приводящей к необходимости миграции широких масс населения, что вызывает смешение культур и традиций. Оно редко протекает безболезненно и создает проблемы для всех участников процесса интеграции, независимо от того, являются они проводниками новых течений или хранителями сложившихся устоев. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что экстремизм, терроризм и ксенофобия – порождение сегодняшней действительности.

С нашей точки зрения, терроризм, экстремизм и ксенофобия имеют сходную психологическую природу и представляют собой разные точки одного континуума. Начальной точкой можно считать ксенофобию, которая является основой для экстремизма и терроризма. Российский энциклопедический словарь издания 2001 г. трактует понятие «ксенофобия» так: «ненависть, нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному», но в настоящее время оно все чаще употребляется в более узком и специфическом значении – как непринятие людей иной национальности и (или) иной культуры. Если ксенофобия существует на уровне чувств и переживаний, которые присутствуют во внутреннем мире человека, но могут и не высказываться вслух, то экстремизм по определению предполагает внешнее выражение чувств неприятия и ненависти. Его можно обозначить как вторую точку континуума – «озвученную» ксенофобию. Экстремизм, если опираться на его юридическую квалификацию, заключается в «действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных публично или с использованием средств массовой коммуникации». Терроризм завершает этот континуум – его можно рассматривать как попытку перейти от пропаганды к действию.

В настоящее время с явлениями экстремизма, терроризма и ксенофобии действительно приходится сталкиваться чаще, но возникли они значительно раньше начала эпохи глобализации. Скорее, проявления нетерпимости к инакомыслию сопровождали человечество на протяжении всей его истории, хотя существовали в несколько иной форме и не обозначались этим термином. Религиозно-национальные войны велись всегда. Насильственное обра-

шение в христианство язычников было явлением того же порядка, что и мусульманский джихад — священная война против неверных: крестовые походы пропагандировались в тех же выражениях и отличались не меньшей жестокостью. В XIX—XX веках терроризм и экстремизм носили преимущественно политический характер. Ярким примером из российской действительности является деятельность народовольцев, жертвами которой, как и при любом террористическом акте, чаще всего оказывались случайные невинные люди. История российского революционного движения в целом все чаще рассматривается современными исследователями как цепь экстремистских и террористических действий, где ксенофобия принимала вид классово-ненависти. События зарубежной новейшей истории, например связанные с деятельностью Че Гевары, которые раньше рассматривались как акты героической освободительной борьбы, если смотреть на них без политической пристрастности, также должны быть классифицированы как террористические действия.

Очень определенно высказывается по этому поводу видный отечественный ученый, психолог и психиатр М.М. Решетников¹⁷⁰. В одной из своих статей, касающихся психоаналитического понимания терроризма, он пишет о том, что оценка личности и деятельности террориста очень сильно зависит от того, кто именно эту оценку дает — единомышленники или противники. В первом случае поведение, связанное с самопожертвованием ради достижения каких-либо идеологических целей оценивается как героически-жертвенное, а во втором как безумно-бредовое. Оценка в конечном счете зависит от того, каких идейных принципов придерживается оценивающий, но внешний рисунок оцениваемого поведения и его мотивационная основа остаются одинаковыми.

Обсуждение того, какие акции следует признать террористическими, а какие героическими, увело бы нас далеко в сторону от задачи исследования психологической природы терроризма, экстремизма и ксенофобии. К ее решению нас скорее приблизит следующее предположение: в современном мире все более распространенными и приемлемыми как на бытовом, так и на государственном уровне становятся идеи плюрализма, терпимости и толерантности, но принимаются они отнюдь не всеми. Государство, по крайней мере на уровне деклараций, все чаще отказывается от функции силового поддержания идейного единства граждан, но эту

функцию присваивают себе отдельные лица или группы лиц. Поэтому вопрос, касающийся психологической природы экстремизма, терроризма и ксенофобии, звучит следующим образом: почему отдельные лица не могут допустить параллельного существования взглядов, воззрений, ценностей и уклада жизни, отличающихся от их собственных? Что составляет эмоциональную основу для неослабевающего чувства ненависти к неизвестным людям? Какие мотивационно-динамические механизмы управляют агрессивным и жертвенным поведением на идейной основе? Раскрытие этих механизмов чрезвычайно важно для действительно глубокого понимания природы изучаемых явлений.

Начать психологический анализ этих явлений можно с анализа первой точки шкалы — ксенофобии. Если попытаться выяснять, какие же чувства переживает ксенофобическая личность при контакте с лицами других национальностей, проявится целый спектр отрицательных эмоций: чувства собственного превосходства, агрессии, зависти и страха. Объяснения ксенофобов, что вызывает подобные эмоции, обычно неубедительны. Приводятся примеры неблаговидного поведения и отрицательных характерологических черт людей другой национальности, хотя объясняющий подчас сам понимает, что подобные описания с таким же успехом могут быть отнесены и к представителям его собственной нации. Иногда объяснений как таковых вообще не бывает, а говорится о том, что не нравятся особенности внешнего вида — цвет кожи, волос, черты лица людей другой нации.

Первая отличительная особенность этих описаний — резкое противопоставление себя и другого. Человек другой национальности воспринимается как отличающийся по поведению, чувствам, личностным характеристикам, жизненным ценностям, внешнему виду, даже если объективные факты свидетельствуют об обратном. Второй особенностью является то, что различия оцениваются как отрицательная характеристика: все непохожее вызывает подозрение и воспринимается как таящая угрозу. Таким образом, базовые переживания при ксенофобии — страх или тревога. Можно сделать вывод, что при ксенофобии существуют низкая устойчивость к неопределенности и низкий порог возникновения тревоги, то есть ксенофобам свойственна высокая тревожность.

Противоположным ксенофобии качеством является толерантность — терпимость или устойчивость к особенностям других

людей. В этом случае отличие не воспринимается как таящее угрозу, напротив, наличие чего-то неизвестного даже вызывает интерес. Для толерантности характерным оказывается высокий порог возникновения тревоги.

Высокая тревожность или низкая устойчивость к неопределенности ксенофобов будет порождать связанные с ней специфические качества. Как ограничители неопределенности выступают правила, следование им снижает тревожность, так как делает ситуацию более предсказуемой. Поэтому можно предположить, что для ксенофобов, например, будут характерны стремление следовать правилам и жесткая внутренняя система оценок, то есть ригидность. В когнитивной сфере этому соответствует полярность в мышлении. Так как правила психологически тесно связаны с авторитетами — фактически авторитеты являются человеческим «воплощением» правил, можно предположить, что отношение к авторитетам у ксенофобов должно быть крайне аффективно заряженным: либо резко положительным, либо столь же резко отрицательным. Такое отношение согласуется с наличием уже упоминавшейся полярности в мышлении. Полярность будет распространяться также на аффективную сферу в целом: положительное отношение превращается в восхищение, фанатизм и нерассуждающую преданность, вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью, отрицательное — в ненависть и агрессию, вплоть до готовности лишиться жизни другого.

Очевидно также, что низкая устойчивость к неопределенности станет проявляться не только по отношению к людям, но и по отношению к жизненным ситуациям или миру в целом. Если продолжить сравнение ксенофобии и толерантности, можно описать их как два разных способа восприятия мира: в первом случае он воспринимается как неизвестный и потому угрожающий, во втором — как неизвестный и потому интересный. Таким образом, ксенофобию можно рассматривать как частное проявление более общего отношения человека к окружающему миру как к угрожающему. Данное отношение в глубинной психологии обозначается как параноидное.

Такой трактовки ксенофобии придерживаются и некоторые зарубежные исследователи, в частности В. Волкан¹⁷¹. Он также считает, что параноидный радикал является базовым не только для ксенофобов, но и для террористов.

Следует подчеркнуть, что используемый в обыденном языке термин «параноидный» не полностью совпадает по своему значению с соответствующим понятием глубинной психологии. В обыденном языке слово «параноидный» используется для описания человека, которому кажется, что он подвергается преследованию и недоброжелательному отношению со стороны других людей. В психоанализе этот термин используется для обозначения такой структуры личности, при которой преобладающими психологическими защитами являются проекция и отрицание¹⁷².

В психоаналитическом подходе именно психологические защиты считаются тем стержнем, вокруг которого выстраиваются личностные характеристики индивида. Они задают внутреннее единство и логику устройства личности в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сфере¹⁷³.

Основные защиты, свойственные параноидной личности, — это проекция и отрицание. Они считаются примитивными, или архаическими, защитами, то есть очень рано возникающими в онтогенезе. В связи с ранним временем их возникновения, когда когнитивный аппарат ребенка еще не совершенен, они устроены просто и существенно искажают восприятие реальности. Их возникновение относят ко времени, когда ребенок еще не обладает ясным представлением о внутренних и внешних событиях и выделение себя из среды только начинается.

Проекция означает приписывание своих качеств, прежде всего негативных, другим людям или окружающим предметам. Она рассматривается как аналог выплевывания несъедобного: ребенку не нравится вкус чего-то, и он избавляется от неприятных переживаний, удаляя это нечто изо рта. Таким образом, что-то неприятное существует уже не внутри, а снаружи.

Отрицание как отказ признавать существование чего-то неприятного аналогично закрытию глаз. Для маленького ребенка предмет, исчезающий из поля зрения, перестает существовать. На таком восприятии реальности построены игры малыша, когда он закрывает лицо руками и считает, что таким образом спрятался: раз он не видит окружающих, значит и они его не видят. Подобные закономерности когнитивной сферы младенца, убедительно описанные Ж. Пиаже, характерны для этапа сенсомоторного интеллекта, то есть для возраста не старше двух лет. Таким образом, проекция и отрицание формируются в младенчестве и раннем детстве.

В более зрелом возрасте проекция – это приписывание тех качеств, которые воспринимаются индивидом как негативные, другим людям и отрицание их наличия у себя. Приписанные другим людям гнев, зависть, недоброжелательность и тому подобные чувства в дальнейшем начинают рассматриваться как внешняя угроза. Отрицание же их у себя может приводить к ощущению собственного величия и значимости.

Если рассматривать ксенофобию как разновидность параноидной личности и считать, что для нее также характерны проекция и отрицание как центральные защиты, становятся понятными чувства и поведение ксенофобов по отношению к людям другой национальности. Недоброжелательность в данном случае объясняется тем, что они заслуживают плохого отношения, так как обладают плохими качествами; агрессия вызывается ощущением, что они являются источником угрозы и поэтому их надо уничтожить или, по крайней мере, удалить на безопасное расстояние; чувство собственного превосходства возникает от ощущения своей «безгрешности» в связи с отрицанием наличия у себя негативных черт, присущих людям другой нации.

Факт, что при ксенофобии проекция и отрицание являются центральными защитами, подтверждают и эмпирические исследования межэтнических конфликтов. Неоднократно описанный эффект «зеркального восприятия», когда члены двух конфликтующих групп приписывают себе одни и те же положительные черты и одинаковые отрицательные черты считают уделом противника, показывает эти механизмы в действии¹⁷⁴.

Если от анализа ксенофобии перейти к анализу экстремизма и терроризма, следует заметить, что все террористические и экстремистские действия имеют ярко выраженную идеологическую составляющую. Именно это отличает их от обычных преступных действий, например ради наживы. Безусловно, как справедливо отмечают такие исследователи терроризма как Ю.М. Антонян, среди участников террористических актов есть и те, кто занимается этой деятельностью за плату, преследуя цели материального обогащения, но они не являются главными действующими лицами и не составляют большинство. Сами террористические акты осуществляются ради какой-то идеи, провозглашаются актами борьбы за какие-то идеалы¹⁷⁵.

У разных представителей террористического движения внутренняя представленность этих идей или идеалов может весьма разли-

чаться. Это могут быть типичные интроекты — не связанные друг с другом, а иногда и противоречащие друг другу отдельные внушенные постулаты, причем весьма примитивно сформулированные, но они подчас представляют собой и хорошо построенные логичные и обоснованные системы воззрений. Это зависит, скорее, от уровня интеллекта и образованности носителя данных идей или идеалов, но факт их наличия обязателен. Убежденный террорист считает себя борцом за идею, да по сути и является им. Именно идея определяет направленность личности, то есть задает доминирующую систему мотивов, по крайней мере осознаваемых.

Еще Эрих Фромм отмечал, что любой человек обладает своей собственной системой идеалов или смыслов и пытается выстраивать свою жизнь в большем или меньшем соответствии с ними. В своем труде «Иметь или быть» он пишет по этому поводу, что человек не может выбирать между тем, иметь или не иметь идеалы, — он является их носителем по определению, в его власти выбирать лишь, каким идеалам следовать¹⁷⁶. В этом утверждении, конечно, содержится доля истины, но для обычного человека при несовпадении идеалов и действительности существует возможность как изменить действительность (в определенных пределах), так и скорректировать идеалы в плане их большей приближенности к реальности. Именно такую стратегию и выбирает большинство людей в своей жизни. Для террориста корректировка идеалов субъективно невозможна, изменена может быть только действительность.

Действия, осуществляемые в рамках террористической деятельности, могут быть различными по содержанию, но совершаются они для того, чтобы привлечь внимание и вызвать страх. Их можно рассматривать и как попытку демонстрации силы, но главной целью такой демонстрации также является желание вызвать страх. Поэтому насилие оказывается наиболее подходящим средством достижения этой цели.

Другая важная характеристика экстремизма и терроризма как деятельности — ее группоцентрический характер — заключается в том, что экстремистские и террористические акты совершаются ради идей, разделяемых группой единомышленников, представленных в сознании их исполнителей как «мы», и направлены против какой-то другой группы, представленной как «они». Даже когда террористический акт совершается одиночкой-смертником, он предполагает, что его действия станут известны единомышленникам и будут ими одоб-

рены. Если это условие отсутствует и человек не ориентируется на группу, то какими бы насильственными и угрожающими ни были его действия и какими бы идеями он при этом ни руководствовался, речь идет уже не об экстремистско-террористической деятельности, а о маниакально-бредовом поведении. При этом если оперировать терминами социальной психологии, группы, существующие в сознании террориста, — это условные группы, то есть состоят из людей, реально не взаимодействующих друг с другом.

Группа «мы», к которым экстремист или террорист себя причисляет, еще может быть реальной группой, но группа «они» практически всегда является условной. Типичный пример — выделение группы по национальному или религиозному признаку. Однако условность этих групп на бессознательном уровне отрицается. Попытки указать на факт условности группы обычно вызывают замешательство, затем сопротивление и актуализацию идеи «заговора» — человек пытается доказать, что люди, относимые им к одной группе, так или иначе взаимодействуют друг с другом, даже не встречаясь лично. Чаще всего выдвигается предположение, что существует некая могущественная фигура (или несколько фигур), которая и занимается негласной координацией их деятельности. Иногда эта фигура мыслится принадлежащей к властным структурам, иногда — противостоящей официальной власти, но приписываемые такой фигуре почти беспредельная могущественность и скрытность деятельности показывают, что с психологической точки зрения речь идет об архаичных страхах. Таким образом, можно видеть, что параноидный радикал, характерный для ксенофобии, присутствует и в личности экстремиста.

Обобщая все сказанное выше, можно выделить следующие отличительные особенности экстремизма как деятельности:

- мотивация, толкающая на ее выполнение, находится в области идеологии;
- конечным, или «идеальным», результатом этой деятельности представляется практически полная унифицированность человеческого сообщества в области морально-ценностных ориентаций;
- ближней целью действий, совершаемых в рамках этой деятельности, является устрашение;
- в качестве основного средства достижения и ближней, и конечной цели выступает насилие;
- эта деятельность носит группоцентрический характер.

Отталкиваясь от перечисленных особенностей экстремистской деятельности, можно определить психологические качества ее исполнителей, прямо вытекающие из характера этой деятельности:

- яркая приверженность какой-либо идеологии вплоть до фанатизма (национального, религиозного, политического);
- групповой (национальный, религиозный) нарциссизм – чувство превосходства собственной группы (национальной, религиозной, политической) и ее системы ценностей;
- групповая идентичность, преобладающая над эгоидентичностью (представление о себе в первую очередь базируется не на каких-то своих личностных особенностях, а определяется принадлежностью к какой-либо группе);
- жестокость и отсутствие сочувствия по отношению к жертвам;
- высокий уровень агрессии, при этом характер ее – ненаправленный либо переадресованный (агрессия направлена не на конкретных лиц, а на некий присущий им признак (национальность), либо на случайных людей, либо применяется для привлечения внимания третьих лиц).

Как мы уже указывали, с нашей точки зрения, приверженность идеологии – это то, что отличает экстремизм от других видов преступного поведения. При этом вера в собственные идеалы настолько велика, что следование им становится более важным, чем сама жизнь. Об этом же пишет в своей статье М.М. Решетников¹⁷⁷. Рассуждая с клинических позиций о феномене терроризма, он подчеркивает значимость идеалов и идеологии в возникновении этого явления. Идеологические мотивы, таким образом, являются смыслообразующими, определяющими направленность личности. Какова же глубинная структура личности с идеологической направленностью? Видные современные теоретики психоанализа Х. Томэ и Х. Кэхеле пишут: «С точки зрения психоанализа у идеологии и нарциссизма общие корни»¹⁷⁸ и считают, что фанатичная приверженность какой-либо идеологии характерна для нарциссической личности.

В психоанализе под нарциссической понимается такая структура личности, где основные конфликты выстраиваются вокруг проблемы самопринятия и самоуважения, а основными психологическими защитами становятся идеализация и обесценивание.

Идеализация и обесценивание существуют в виде парной защиты, так как являются производными от механизма расщепле-

ния. Расщепление – это резкое разделение существующей реальности на «хорошую» и «плохую». Это также архаичная защита, весьма рано возникающая в онтогенезе. Она позволяет маленькому ребенку произвести первичное разделение хаотичной и недифференцированной для него внутренней и внешней реальности, выделив в ней положительные и негативные стороны. Примитивная идеализация как представление о существовании чего-либо или кого-либо бесконечно хорошего и могущественного необходима для противостояния переживанию отрицательных эмоций. Ребенку, переживающему чувство бесконечной «плохости» самого себя и/или реальности, нужен кто-то столь же бесконечно хороший – человек, который защитит от страха аннигиляции и поможет сохранить надежду. Идеализация рождает веру в существование человека, лишенного недостатков и способного решить все проблемы.

Идеализация вносит вклад и в иллюзии собственного величия, базирующиеся на отрицании своих негативных качеств.

Обесценивание является оборотной стороной идеализации и будет проявляться в крайнем негативизме в отношении всего, что не соответствует идеализированному объекту. Любой «неидеальный» объект начинает восприниматься как бесконечно плохой и порождает чувство ненависти и стремление его уничтожить.

Будучи центральными защитами, идеализация и обесценивание порождают следующие характерные особенности нарциссической личности:

- обостренное чувство собственного достоинства, тщеславия и превосходства, периодически сменяющееся чувством полной личностной несостоятельности и истощающего стыда;

- нетерпимость к слабости, несовершенству, ошибкам и стремление осуждать других и себя;

- смутное, искаженное представление о своих личностных качествах, то есть размытая личная идентичность;

- резко поляризованная ригидная система оценок любых явлений, человеческих качеств или ценностей.

Если мы сравним перечисленные здесь особенности нарциссической личности и приведенные ранее личностные характеристики участников террористической и экстремистской деятельности, то увидим их практически полную идентичность. Безусловно, не всякая нарциссическая личность приходит к терроризму и экстре-

мизму как преступной деятельности, но личности этих людей обязательно присущи нарциссические черты.

Х. Томэ и Х. Кэхеле определяют идеологию как «всеобъемлющую систему идей и политических или религиозных движений, целью которой является превращение иллюзии в реальность»¹⁷⁹.

Наличие «всеобъемлющей системы идей» для личности нарциссического типа не просто необходимо, но фактически служит стержнем, на котором выстраивается вся личностная структура. Практически любая идеология создает такое представление о реальности, где различные качества (явления, ценности) взаимоисключающи, и эта же характеристика становится одной из главных для когнитивной системы нарциссической личности. Склонность к резко поляризованным оценкам вынуждает индивида «сортировать» все явления окружающей действительности на хорошие или плохие. Однако самостоятельное создание критериев для их оценки будет непосильной задачей для личности, имеющей проблемы с самоуважением и самопринятием. Нарциссическая личность вынуждена искать какую-либо идеологию, какой она могла бы следовать, так как идеология предложит ей систему оценок относительно одной из важнейших сторон жизни — общественного устройства, и даст ориентиры для морально-этических норм и оценки личностных качеств других людей. По содержанию те или иные политические или религиозные идеологии могут отличаться, но смысл любой идеологии — задать индивиду бинарную систему оценок по типу «хорошо—плохо».

Другая характерная черта идеологии — пропаганда собственных идей как единственно верных — помогает нарциссической личности обосновывать идею собственного превосходства. Фактически по наличию этой черты нарциссический тип и получил свое название. В терминах психоанализа самовосприятие нарциссов и их отношение к себе базируются на грандиозных фантазиях о собственном величии. Становясь приверженцем какой-либо идеологии, нарциссический тип обретает аргументы для того, чтобы поддерживать обостренное чувство собственного достоинства и проявлять нетерпимость к недостаткам других.

Так как целью идеологии является превращение иллюзии в реальность, любая идеология прямо или косвенно проповедует необходимость переустройства реальности. В качестве обязательной категории в ней присутствует категория «врага», то есть

человека, группы людей или некоей сущности (что характерно для религиозных верований, например сатана — враг рода человеческого в христианстве), которая препятствует желаемой перестройке реальности, так как не разделяет проповедуемые идеалы, а значит, представляет угрозу и для идеалов, и для их последователей. Поэтому любая идеология содержит явный или неявный призыв к агрессии против «врага» как главного препятствия к достижению этой цели.

Образ врага является одним из важнейших смысловых образований в сознании нарциссической личности. То же самое можно утверждать и относительно личности экстремиста. Основные отличительные особенности этого образа, по мнению Л. Гудкова¹⁸⁰, следующие:

— это некто чужой, принципиально отличающийся по своему внутреннему устройству от индивида, а также от группы, к которой индивид себя причисляет;

— с врагом невозможны соглашения, так как он не принимает существующие нормы, а возможно только смертельное противостояние до уничтожения кого-либо из борющихся;

— враг никогда не представлен как конкретный партнер, фактически лишен личностных черт, в связи с чем его образ легко проецируется на любой более или менее подходящий объект;

— враг представляет собой угрозу не только для индивида, но и для группы, с которой индивид себя идентифицирует, а также для авторитетов и власти, выступающих в защиту индивида.

Все перечисленные характеристики врага выполняют важные психологические функции в структуре как экстремистской, так и нарциссической личности. Во-первых, они облегчают процессы групповой идентификации и идеализации. Л. Гудков подчеркивает, что враг отличается от просто «чужого» тем, что несет в себе смертельную угрозу существованию группы, с которой индивид себя идентифицирует. Главной психологической угрозой, содержащей образ врага для индивида, представлен ли он в качестве некой сущности, отдельного человека или группы людей, является его способность разрушить группу либо развенчать ее ценности, то есть лишить его возможности идентифицироваться с ней. Возможность идентифицироваться с группой чрезвычайно важна для нарциссической личности и вытекает из такой ее базовой особенности как спутанная идентичность.

Нарциссическая личность, как уже указывалось, имеет весьма смутные представления о собственных особенностях, при этом даже самые отчаянные нарциссы ощущают несоответствие собственного идеализированного образа реальности. Компенсировать размытые и противоречивые представления о собственном «Я» индивид пытается с помощью подмены личностной идентичности групповой, то есть за счет отождествления себя с какой-либо группой людей. В принципе, при размытой идентичности в качестве объекта для идентификации может быть выбрана любая группа (это хорошо видно на примерах подростковых групп или фанатов), но для нарциссической личности, обладающей идеологизированным сознанием и потребностью идеализировать собственные черты, в качестве такой группы наиболее вероятно будет выступать имеющая с индивидом общие «идеалы» либо какие-то общие характеристики, которые кажутся ему однозначными и неизменными, типа национальной принадлежности или вероисповедания. Часто в качестве объекта для идентификации выбирается даже не реальная группа, а некий идеализированный образ представителя собственной нации, учителя, духовного наставника, вождя. Такая групповая идентичность, так же как и вера в идеализированные фигуры лидеров, оказывается крайне эмоционально заряженной, ибо является последним бастионом, защищающим идеализированный личностный образ от разрушения. В связи с этим какие-либо критические посягательства на группу, ее лидеров или ее ценности воспринимаются индивидом крайне болезненно, так как на бессознательном уровне он расценивает их как удары по своей и без того неустойчивой идентичности.

Вообще, нарциссическую личность можно представить как личность, основной смысл действий которой заключается в отчаянных попытках обеспечить себе основания для самопринятия и укрепить свое самоуважение, и групповая идентификация является одним из средств для этого. Поэтому страх лишения группы как объекта идентификации у нарциссической личности чрезвычайно интенсивен и заставляет ее доказывать свою преданность группе любыми способами, вплоть до самопожертвования.

Другая важная психологическая функция образа врага для нарциссической личности — это его способность выступать в качестве средства объединения и сплочения. Совместные действия против врага вынуждают группу сплотиться. Так как нарциссическая личность с трудом может выстраивать какие-либо близкие отношения

с людьми, кроме противоборства, иметь с кем-то общего врага — для нее единственный способ пережить чувство единения с другими людьми.

Уничтожение врага, кроме уже перечисленных, имеет еще одну важную для нарциссической личности психологическую функцию, полностью неосознаваемую. Это желание, уничтожая других, устранить таким образом собственные недостатки. Как уже было сказано, нарциссическая личность обладает поляризованной системой ценностей, где различные человеческие качества и особенности становятся взаимоисключающими. Исходя из этой системы ценностей, индивид оценивает себя и других, проявляя при этом характерную нетерпимость и безжалостность к любым несоответствующим идеальным образцам. Следует подчеркнуть, что нетерпимость к собственному несовершенству является столь же характерной чертой нарциссической личности, как и нетерпимость к несовершенству другого.

Психологически более точно было бы сказать, что именно страх собственного несовершенства заставляет индивида так страстно ненавидеть его в других. Это объясняет ту беспощадность по отношению к другим людям, которую демонстрируют в своих действиях религиозные фанатики, революционеры или террористы. Невинные жертвы никогда не являются для них невинными — они виноваты в несоответствии идеалам. Допустить возможность их существования означало бы подвергнуть сомнению собственную идеальность и усомниться в однозначности собственных ценностей. Если же индивид лишится своих идеализированных представлений, произойдет актуализация архаичного травматичного опыта переживания собственной «плохости».

Таким образом, мы получаем ответ на вопрос, почему экстремист — революционер, национальный или религиозный фанатик — продолжает бороться, даже если видит тщетность своих усилий. Фактически он не может не бороться, так как борется за интеграцию собственной личности. Уничтожение «врагов» является для него актом уничтожения несовершенства, что на бессознательном уровне, с одной стороны, поддерживает веру в возможность достижения совершенства, а с другой — воспринимается как уничтожение и собственного несовершенства индивида.

Борьба с собственным несовершенством порождает и другие характерные особенности нарциссической личности, легко про-

смастриваемые, в том числе, в поведении экстремистов. Во-первых, это постоянное навязчивое стремление к самосовершенствованию, вплоть до самоистязания. Оно может принимать вид бесконечных молитв, актов служения, сопровождающихся физическими лишениями, испытаниями и т.п. Во-вторых, это презрение к физическому комфорту, боли, удовольствиям. Все эти особенности также могут быть объяснены действием травматичных переживаний стыда в детстве.

Так как первоначально переживание стыда возникает в ситуациях, связанных с усвоением норм культурного поведения при удовлетворении естественных потребностей, стыд оказывается тесно связанным с телесностью. Неосознанное желание уйти от стыда будет вызывать желание свести к минимуму проявления телесности и защитное отвергание любых чувственных удовольствий как «опасных», провокационных. На уровне поведения это может проявляться как безразличие к обычным ощущениям – вкусовым восприятиям, чувству тепла/холода, усталости, болезненности, с одной стороны, а с другой – в необходимости экстремальных ощущений на грани жизни и смерти, которые только и могут дать переживание продолжающейся жизни.

Проблемным является и отношение к самой жизни в целом. Жизнь, как чужая, так и своя собственная, обесценивается, наполовину сознательно, наполовину неосознанно. Сознательное ее обесценивание проявляется в том, что нарциссический индивид считает, что есть более важные вещи, чем жизнь, имея в виду все те же идеалы. И для него это действительно так, ибо, как уже указывалось, отказ от идеалов рождает чувство пустоты или распада личности, что субъективно переживается как та же самая смерть. Бессознательное обесценивание связано с тем, что собственно проживание жизни лишено приятности. Как справедливо замечает С. Джонсон, «счастье, по сути, является глубоко телесным переживанием»¹⁸¹. Бессознательный отказ от телесных переживаний означает одновременно и закрытие путей для переживания счастья как спокойной и длительной радости. Нарциссической личности счастье знакомо лишь как переживание кратких мгновений триумфа, возникающее в момент достижения каких-либо «высоких» целей. Но триумф не может длиться долго, и часто после него наступает опустошение, связанное с отсутствием цели. Она уже выполнена, поэтому жизнь в целом воспринимается как довольно

безрадостное предприятие и сопровождается готовностью пожертвовать ею в соответствии с логикой старого анекдота: «А для чего мне *такая* жизнь?»

Жестокость, характерная для экстремистского поведения, объясняется также действием других психологических механизмов. Ей может способствовать такая характеристика образа врага как отсутствие конкретных личностных черт. Кроме того, может работать и крайне деструктивная защита, блокирующая переживания страха и вины и запускающая агрессивное поведение в ситуациях резкого человеческого противостояния и угрозы жизни, — так называемая идентификация с агрессором. Она более характерна для лиц с серьезными параноидными нарушениями, так как в основе ее возникновения лежит интенсивный страх наказания, неоднократно переживавшийся в детстве. Жестокое поведение по отношению к другому человеку становится необходимым, потому что на бессознательном уровне связывается с возможностью избежать страдания: страдание другого служит бессознательным подтверждением того, что в данный момент «страдает кто-то другой, а не я». В психоаналитических исследованиях жестокого поведения неоднократно показывалось, что оно является характерным для лиц, которые в детстве сами пережили жестокое обращение.

5.2. Механизмы формирования личности, склонной к ксенофобии и экстремизму

Для понимания того, как возникает склонность к ксенофобии и экстремизму, необходимо рассмотреть вопросы формирования параноидной и нарциссической личности. В психоанализе традиционно считается, что базисные особенности личности складываются в ранние детские годы. Параноидная и нарциссическая структуры личности возникают в результате сложностей на доэдипальных стадиях развития, при этом ксенофобия, связанная с параноидной структурой личности, скорее всего, формируется в результате застревания на оральной стадии, а экстремизм, связанный с нарциссической структурой личности, — на анальной.

С точки зрения концепции М. Кляйн¹⁸², ксенофобию можно понимать как результат застревания индивида на стадии параноидной тревоги. Согласно данной теории, личностные особенности индивида в значительной степени будут определяться тем, защитные

механизмы какой из двух стадий развития закрепились как доминирующие. М. Кляйн выделяет две такие стадии: стадию параноидной тревоги и стадию депрессивной тревоги, которые отличаются характером объектных отношений, то есть тех отношений, которые возникают у ребенка с объектами — другими людьми. Стадия параноидной тревоги, наступающая после рождения, характеризуется наличием чувства страха перед окружающим миром, агрессией и тревогой о собственном благополучии, которая возникает в связи с действием механизмов проекции и отрицания: собственная агрессия не осознается, отрицается и приписывается другим людям, начинающим восприниматься как источник угрозы. Стадия параноидной тревоги — первая в онтогенезе, поэтому дифференциация себя и внешнего мира у ребенка еще не полная, сохраняется спутанность собственного «Я» и объекта, то есть другого человека.

На стадии депрессивной тревоги тревога о собственном благополучии сменяется тревогой о благополучии других. Индивид становится способным осознавать собственную агрессивность и тот вред, который он может причинить другим людям, и центр его переживаний смещается с заботы о себе на заботу о других. В более поздних теоретических построениях, принадлежащих Д. Винникоту, термин «депрессивная тревога» был заменен термином «способность к заботе», что более точно передает психологическую сущность явления.

В норме индивид последовательно проходит эти две стадии развития, приобретая в итоге способность принимать собственную агрессивность, а также иные отрицательные качества, держать ее под контролем, испытывать теплое отношение к другим людям, невзирая на их недостатки, и заботиться о них. При нарушениях развития — застревании на стадии параноидной тревоги — у индивида формируется параноидно-шизоидная позиция. При этом у взрослого сохраняются такие ее характерные особенности как спутанность границ между собой и объектом, низкое осознание собственных качеств, склонность к архаичным защитам (проекция, отрицание, расщепление), высокая тревожность, которая может трансформироваться в самые разнообразные по содержанию страхи — закрытых или открытых пространств, сказочных персонажей, животных, других людей и т.п. Характерной чертой этих страхов является то, что они возникают не в результате каких-либо негативных воздействий на личность пугающего объекта, даже когда речь идет о таких, ка-

залось бы, конкретных объектах как животные, а обусловлены динамикой эмоциональных процессов. Содержание страхов на протяжении жизни может меняться (например, в детстве страхи сказочных персонажей более распространены, во взрослом возрасте содержание страхов становится более рационализированным — иллюстрацией может служить ксенофобия).

Несмотря на все разнообразие их содержания, общей основой для них является страх смерти или несчастья, неизбежных в отсутствие хорошей «помогающей личности». Понимание пугающего смысла объекта оказывается возможным только, если трактовать его значение как символическое. При ксенофобии — это злой и могущественный «чужой», обладающий силой и властью, границы которых неизвестны и которые направлены против личности. Возможно, в связи с этим ксенофобия столь часто проявляется в отношении иных религиозных верований — присутствующее в них незнакомое божество на бессознательном уровне воспринимается как могущественное и отвергающее.

С точки зрения Э. Эриксона¹⁸³, другого представителя психоанализа, ксенофобия и экстремизм могут рассматриваться как неблагоприятное решения задач возраста на орально-вбирающей и мышечно-анальной стадиях развития. Его эпигенетическая концепция развития личности предполагает, что на каждой из стадий своего развития ребенок должен решить задачу возраста, которая заключается в формировании того или иного социально адаптивного качества.

Если задача возраста не решается и соответствующее качество не формируется, вместо него развивается центральная патология — противоположное адаптивному качеству, существенно затрудняющее индивиду дальнейшую адаптацию. На первой стадии развития задачей возраста является выбор между базовым доверием к миру или базовым недоверием. Характерные черты проявления «базового недоверия» у индивида схожи с параноидно-шизоидной позицией М. Кляйн — это восприятие мира как угрожающего, уход от контактов, смутные, случайно опредмеченные страхи. Ксенофобия в данном случае также представляется проявлением общего недоверия к миру и подозрительности в отношении любых малопонятных объектов.

Современный психоанализ одним из главных факторов, определяющих особенности формирующейся личностной структуры,

считает специфику детско-родительских отношений. Различные течения внутри психоаналитического подхода несколько по-разному трактуют этот процесс, но значимость фигуры взрослого, воспитывающего ребенка на ранних этапах его жизни, не подвергается сомнению. В большинстве случаев наиболее значимой фигурой для ребенка является мать, но иногда ее роль берет на себя кто-то другой, поэтому для того, чтобы подчеркнуть важность взаимоотношений, а не кровного родства, используются термины «помогающая личность», «значимый другой» и т.п. В зависимости от отношений, которые такой взрослый выстраивает с ребенком, и формируются особенности эмоциональных переживаний и личностные качества последнего.

Нам представляется, что можно выделить несколько механизмов, обеспечивающих этот процесс, которые в реальности являются неразрывно переплетенными.

Во-первых, это интроекция, или интернализация, значимого положительного отношения, которое мать проявляет к ребенку (в отечественной психологии для описания подобного процесса используется термин «интериоризация»). Вторым механизмом является возникновение психологических защит, к которым ребенок прибегает для того, чтобы сделать свою эмоциональную жизнь благоприятной или хотя бы выносимой. Третий механизм можно условно назвать обозначением чувств. В запуске всех трех механизмов помогающей личности принадлежит решающая роль, которая хорошо видна при более подробном рассмотрении.

Как уже было сказано, действие всех перечисленных психологических механизмов разворачивается на ранних этапах онтогенеза. В это время у ребенка еще нет четкого различения внутренних и внешних переживаний, себя и другого объекта. Ребенок чувствует свою слитность с матерью и свою слитность с миром: если его потребности удовлетворены и ему комфортно, он считает, что мир вокруг него и он сам хорошие, а если испытывает нужду в чем-либо или дискомфорт, отождествляет себя и мир со своими негативными ощущениями. «В меру хорошая мать» (Д. Винникот) ведет себя так, чтобы основные потребности ребенка удовлетворялись, и он мог ощущать себя и мир вокруг как хорошие. Постепенно образ «хорошей матери» интроецируется и становится внутренней реальностью ребенка, благодаря чему у него появляются ресурсы для заботы о самом себе, как раньше это делала мать.

Ребенок начинает выделять себя из мира и чувствовать отдельной фигурой также благодаря поведению матери. Д. Винникот пишет по этому поводу, что для нормального развития ребенку необходимо, чтобы мать не старалась полностью посвятить себя ему и удовлетворить все его потребности. Определенная доля неудовольствия и дискомфорта будет способствовать началу различения себя и других, себя и внешнего мира. Она будет также способствовать тому, что через определенное время симбиоз матери и ребенка распадется, и последний сможет ощущать себя отдельным человеческим существом со своими собственными желаниями и чувствами и со своим собственным отношением к другим. Если же мать чересчур фиксирована на ребенке или слишком тревожится о его благополучии и ведет себя так, что большинство потребностей малыша удовлетворяется практически сразу после их возникновения и практически никакие его желания не фрустрируются, формирования у него представления о мире и других людях как существующих независимо от него может затрудняться. Д. Винникот даже предполагает, что если бы все потребности ребенка продолжали удовлетворяться, представление о том, что мать существует отдельно от него, могло бы не сформироваться¹⁸⁴.

Однако другая крайность, которая может иметь место, когда большинство потребностей ребенка фрустрируется, приводит к тому, что хороший объект не может быть интернализован: у малыша не формируется чувство собственной «хорошести» и доверия к миру. Это происходит при отвергающей матери, которая плохо относится к сыну или дочери, либо когда она не может удовлетворить эмоциональные потребности ребенка в силу нарушенности собственной личности (эмоциональные проблемы) либо низкого уровня развития.

Взрослый (ребенок), который не интроецировал хороший объект, легко поддается тревогам преследования и застревает, таким образом, на стадии параноидной тревоги.

Помогающая личность влияет также на формирование ведущих психологических защит. Психологические защиты (как следует из самого термина «защиты») возникают для того, чтобы защитить индивида от каких-либо неприятных переживаний, причем чем сильнее чувства, тем мощнее должна быть защита от них. Архаические защиты – проекция и отрицание – служат для избавления от сильных чувств агрессии, страха и стыда, которые, по данным

С. Томкинса¹⁸⁵ (цит. по Н. Мак-Вильямс), являются наиболее характерными для параноидной личности.

Параноидная структура личности, как показывает клиническая практика, формируется в условиях жесткой критики и унижений ребенка, а также наказаний, зависящих от каприза взрослого. Часто подобное отношение к ребенку проистекает из желания матери и отца «искоренить пороки», «воспитать настоящего мужчину» и тому подобных попыток сделать из него лучшего представителя человечества, то есть когда родители сами не в силах принять человеческую природу со всеми ее ограничениями. Это заставляет ребенка относиться к своим недостаткам, реальным или мнимым, как к чему-то непереносимо ужасному, с существованием чего невозможно смириться, поэтому он вынужден отрицать их и проецировать вовне – приписывать другим людям. Внутренняя и внешняя реальность продолжает сохраняться для него разделенной на «хорошую» и «ужасную».

Третий механизм, который мы условно назвали обозначением чувств, может быть описан следующим образом. Первоначально возникающее в сознании маленького ребенка разделение реальности на «идеальную» и «ужасную» чрезвычайно важно для его развития. Это позволяет ему отделить друг от друга приятные и неприятные чувства, рассортировать их и впоследствии обозначить словом. Для того чтобы этот процесс протекал нормально, необходимо участливое и заинтересованное отношение помогающей личности к чувствам ребенка. Родительская способность понимать смутные ощущения малыша, давать им названия и связывать с тем, что имеет смысл, позволяет ребенку навести порядок в первоначально бессловесном хаосе чувств. Когда мать обозначает словом ощущения малыша («больно», «страшно»), она тем самым сообщает ему, что знает, что с ним происходит, и передает свою уверенность в том, что это можно пережить. Если чувства правильно идентифицированы и названы, они перестают быть смутными и безграничными и становятся управляемыми.

Если же мать плохо справляется с собственными отрицательными чувствами, они пугают ее, она будет стараться отрицать их у себя и у ребенка, делать вид, что их не существует, нарушая тем самым восприятие последним реальности и не давая ему возможности понять, что с ним реально происходит. Одним из результатов станет постоянное сомнение ребенка, а затем взрослого в том, правиль-

но ли он понимает реальность, чувства и намерения других людей и самого себя. Именно эти сомнения в правильности понимания происходящего и рождают подозрительность и недоверие параноидной личности и ее настороженное отношение к другим людям.

Разделение реальности на бесконечно хорошую и бесконечно плохую формирует полярный тип мышления по принципу «черное либо белое», элементы которого сохраняются и у взрослого человека. Производными этого типа мышления являются дихотомии «свой – чужой», «друг – враг» и суждения вроде «кто не с нами, тот против нас», исключающие признание существования каких-либо промежуточных вариантов. Подобные суждения служат для ксенофоба логическим основанием его выводов о «плохости» и враждебности людей иной национальности и иной культуры.

Склонность к экстремистскому и террористическому поведению, как уже указывалось, базируется на нарциссической личностной структуре. Наиболее вероятно нарциссизм формируется на анальной стадии развития, прохождение которой характеризуется фантазиями ребенка о своем всемогуществе и величии, переживаниями стыда и чувства собственной ничтожности, выраженным присутствием агрессии и упрямства. При благоприятном протекании этой стадии все перечисленные особенности сглаживаются, а неблагоприятный вариант заключается в их чрезмерном заострении и формировании на их основе различных деструктивных личностных особенностей, в том числе выраженного нарциссизма.

Итак, если рассматривать ксенофобию как проявление параноидно-шизоидной позиции или базового недоверия к миру, характерными чертами ксенофобов будут высокий уровень тревожности, высокая агрессивность, спутанность собственных границ, преобладание архаических защит по типу проекции и отрицания, ригидность и полярность в мышлении.

Анальная стадия является вторым периодом онтогенеза и следует за оральной, для которой характерен симбиоз младенца с матерью. На анальной стадии ребенок в гораздо большей степени, чем в младенчестве, подвергается воспитательным воздействиям, так как перед ним стоит задача освоения принятых в его культуре способов удовлетворения естественных потребностей (отсюда название стадии) и образцов отношений с социумом. Ситуации приучения ребенка к существующим в данном обществе традициям предстают для него ситуациями, когда взрослые заставляют делать то, что

он не умеет или не хочет, либо не позволяют ему делать то, что он хочет, поэтому этот период можно рассматривать как стадию противостояния воли ребенка и воли взрослого. Ребенок, как пишет Э. Эриксон, начинает пробовать границы собственных возможностей. При этом он переоценивает свои силы, основываясь на фантазиях о собственном всемогуществе, и переживает стыд и агрессию, когда они фрустрируются в результате его собственного неумения или порицания со стороны взрослого. Однако значение имеют не столько сами по себе неудачи ребенка, сколько та социальная оценка, которую они получают, поэтому успешность прохождения анальной фазы зависит от умения взрослых из ближайшего окружения поддержать у малыша чувство умелости, которое смягчает как стыд, так и фантазии о всемогуществе¹⁸⁶.

Если родителям это удастся, у ребенка формируется такое личностное качество как автономия. Автономия, по сравнению с симбиозом с матерью, позволяет ребенку почувствовать себя отдельным индивидом, «самому себе принадлежащей персоной» с собственной волей и желаниями. Из этого ощущения рождается понимание, что другие люди, в свою очередь, существуют отдельно от него и тоже имеют право на свои собственные желания. Фактически, благодаря собственной автономии появляется признание автономии другого. Поэтому, с точки зрения Э. Эриксона, именно на этой стадии закладываются основы таких фундаментальных принципов сознания как «закон» и «порядок». Психологически, закон и законопослушание есть не что иное, как готовность уважать существующие договоренности, то есть признавать права других людей удовлетворять свои собственные желания, отличающиеся от желаний индивида. Это позволяет индивиду в дальнейшем легко и без внутреннего сопротивления принимать существование некоторых правил, которым необходимо следовать, и безболезненно смиряться с разумными ограничениями, от кого бы они ни исходили: физической среды, социума или возможностей собственного организма. Можно говорить, что автономия рождает признание и принятие отличий.

Неблагоприятные варианты родительского поведения проявляются в виде чрезмерного захваливания или балования ребенка и слишком жесткого контроля и осуждения. Захваливание и балование подкрепляют неадекватные фантазии ребенка о собственном всемогуществе и провоцируют чувства тщеславия, свой исключительности и превосходства. Это приводит к снижению способно-

сти переносить фрустрации и легкому возникновению агрессии в ситуациях неудач или неодобрения. Таким образом, этот вариант родительского поведения прямо стимулирует формирование нарциссических черт. Однако слишком жесткий социальный контроль и осуждение, когда любое поведение ребенка, не соответствующее «нормам», пресекается и его постоянно стыдят, приводят к еще более выраженному нарциссическому радикалу. Безусловно, способность испытывать чувство стыда является необходимой для жизни в обществе, и человека, никогда не стыдящегося, вряд ли можно назвать успешно социализировавшимся. С другой стороны, слишком частое и интенсивное его переживание крайне негативно сказывается на развитии личности.

По содержанию стыд представляет собой переживание собственной малости, «плохости» или ущербности по сравнению с другим, поэтому рождает бурный протест в виде ярости, направленной на этого другого, и желание его уничтожить. Стыд рано возникает в онтогенезе и имеет все черты, характерные для архаичных эмоций: является диффузным, тотальным и вневременным переживанием, то есть плохо рефлексивируется и вербализуется, обладает большой энергетикой и способен сильно нарушать поведение индивида.

Интенсивное переживание стыда, как и любой другой сильной негативной эмоции, вызывает действие психологических защит. Неокрепшее «Я» не может интегрировать опыт собственной «плохости» в структуру личности ввиду его чрезвычайной травматичности, поэтому происходит расщепление опыта — он распадается на элементы, которые подвергаются действию механизмов отрицания или идеализации. Действие отрицания проявляется в том, что индивид становится неспособным признавать у себя наличие негативных качеств и проецирует их на других людей. Идеализация, существующая в паре с обесцениваем, представляет собой приписывание чрезвычайной ценности каким-либо явлениям или качествам с одновременным отказом от признания ценности всего, не совпадающего с идеалом. При нормальном эмоциональном развитии потребность в идеализации через некоторое время пропадает и заменяется более естественной человеческой любовью, которая предполагает признание и принятие недостатков и слабостей другого человека.

У нарциссической личности расщепление нарушает как самовосприятие, так и восприятие других людей и взаимоотношения с ними. В отношении самого себя у такого человека идеализация

проявляется в завышенной оценке собственных особенностей, преувеличении ценности и значимости всего, с чем он имеет дело или в чем участвует. В отношении других людей она рождает веру в существование человека бесконечно хорошего и могущественного, лишенного недостатков и способного решить все проблемы. Идеализация толкает взрослых людей на поиски кумиров, учителей, гуру и тому подобных особ, которым они приписывают качества, в реальности не существующие. Именно она рождает слепую преданность и фанатичную веру в вождей, характерную для экстремистов и террористов. Идеализация может также способствовать уходу в мир фантазий и иллюзий, так как несоответствие реального мира и его идеализированного образа с течением времени становится все труднее игнорировать. На этой основе выстраиваются утопичные системы общественного переустройства и начинается борьба за реализацию их в действительности.

Оборотной стороной идеализации является крайний негативизм в отношении всего, что не соответствует идеализированному объекту. В итоге идеализация приводит к снижению самооценки, так как, обладая жесткой системой нереалистичных требований к себе, индивид никогда не оказывается «достаточно хорошим» для самого себя.

Расщепление ведет к характерным изменениям и в когнитивной сфере. Меняется стиль мышления: суждения становятся полярными, появляется склонность к крайним точкам зрения, дихотомическому делению всех явлений на противоположные. Различные качества воспринимаются как взаимоисключающие. Появляется жесткая внутренняя система правил, на основании которых выстраиваются гипотезы о «должном», «необходимом» устройстве мира. В дальнейшем выводы о каких-либо явлениях начинают делаться не на основании сопоставления фактов, а на основании их соответствия гипотетической конструкции мира. Мышление такого типа можно назвать идеологизированным.

Эти особенности формируют такое качество как ригидность. Оно заключается в невозможности гибко реагировать на изменение окружающих условий и менять в соответствии с ними свои когнитивные схемы и поведение. Именно поэтому личность, склонная к экстремизму и терроризму, будет стараться всеми силами изменить окружающую действительность, а не свой субъективный мир.

Искажающее действие защит приводит к двум серьезным негативным последствиям:

– у индивида в дальнейшем формируется смутное, размытое представление о собственной личности, так называемая спутанная идентичность;

– у индивида формируется жестко поляризованная система оценок и ценностей, в дальнейшем приводящая к крайне идеологизированному сознанию.

Вокруг этих двух базовых особенностей и выстраиваются все остальные ранее перечисленные черты нарциссической личности, в том числе те, которые характерны для личности экстремиста и террориста.

Подводя итоги, можно сказать, что и параноидная, и нарциссическая структура личности формируется тогда, когда у маленького ребенка нет возможности регулярно переживать чувство доверия к миру и чувство собственной «хорошести». Это происходит в случае, если большинство его потребностей фрустрируется, не удовлетворяется. Наиболее велика вероятность, что этому будут способствовать два типа ситуаций развития.

Первый тип ситуаций возможен в семьях с низким социальным статусом и низким уровнем образования. Именно в такой семье вероятнее всего наличие «недостаточно хорошей матери», которая не может удовлетворить эмоциональные потребности ребенка в силу собственных эмоциональных проблем или низкого уровня эмоционального развития. Например, эмоциональные проблемы матери могут заключаться в том, что она сама ощущает себя «плохой» такое часто происходит в семьях, где отец ребенка относится к ней с пренебрежением, или в культуре, где существует отношение к женщине как к малоценному объекту. Потребности ребенка могут излишне фрустрироваться также в случаях, когда мать не в состоянии обеспечить ему защиту от сильных неблагоприятных внешних воздействий – тяжелая болезнь, плохие условия жизни (голод) и т.п. Таким образом, можно сделать вывод, что ксенофобия с большей вероятностью может формироваться у людей, в детстве принадлежавших к малообеспеченным и низкокультурным слоям общества либо к социальным или национальным меньшинствам. Интенсивное переживание стыда ребенком возможно не только при неблагоприятных детско-родительских отношениях, но и в случаях неприятия его социумом или детским сообществом, что опять-таки чаще всего имеет место по отношению к представителям национальных меньшинств.

Другой тип ситуаций, в каком-то смысле противоположный первому, возможен во вполне благополучной семье. Родители, занимающие достаточно высокое социальное положение, могут предъявлять слишком жесткие требования к формирующейся личности, искренне считая, что заботятся о благе ребенка. Напряженное ожидание того, что он станет достойным представителем своей семьи, своего класса или своей нации, и резкое порицание в связи с этим любых его ошибок или «несоответствий» желанному образу будут фрустрировать потребность ребенка в принятии, блокировать его спонтанность, закрывая тем самым возможности удовлетворения потребности в самоидентификации и саморазвитии.

Неблагоприятные варианты родительского поведения, благодаря которым формируется параноидная или нарциссическая личность, чаще всего появляются в условиях, когда отец и мать сами очень сильно зависят от оценок окружающих и воспринимают растущего ребенка как подтверждение своей собственной социальной состоятельности. Это особенно характерно для замкнутых и относительно малочисленных социальных групп, таких как элита общества, либо, напротив, национальные меньшинства.

Исходя из подобного понимания ксенофобии, можно предположить, что ксенофобам, в частности, должна быть присуща повышенная тревожность. Психологические защиты – проецирование и отрицание – достаточно сильно искажают восприятие реальности и приводят к спутанности границ между «Я» и объектом. Их результатом являются плохое различение собственных чувств, амбивалентность, а также недостаточная способность к пониманию личностных особенностей, как своих собственных, так и других людей. Это может проявляться в неадекватной самооценке – заниженной либо компенсаторно-завышенной и противоречивом восприятии других.

5.3. Эмпирическое исследование лиц, склонных к ксенофобии и экстремизму

Для эмпирической проверки предположений о личностных особенностях людей, склонных к ксенофобии и экстремизму, нами была разработана программа психологического исследования. Психологический инструментарий включал в себя анкету для выяснения отношения респондентов к лицам других национальностей,

методики для определения таких личностных особенностей как самооценка, уровень тревожности, выраженность агрессивности, уровень ригидности, преобладающие психологические защиты и стратегии совладания с трудными ситуациями (копинг-поведение).

Анкета содержала девять вопросов, три из которых касались социально-демографических данных респондента: пол (вопрос 1), возраст (вопрос 2), национальность, к которой респондент себя причисляет (вопрос 3). Остальные вопросы были направлены на выяснение отношения респондента к лицам других национальностей и своей собственной нации. Предлагавшиеся вопросы являлись прямыми и закрытыми, содержащими от трех до семи вариантов ответа.

На определение склонности респондента к ксенофобии и экстремизму работали три вопроса: «Считаете ли вы, что представители всех наций одинаково хороши?» (вопрос 4), «Считаете ли вы, что существуют нации, мешающие вашему благополучию, в том числе материальному?» (вопрос 7) и «Считаете ли вы, что существуют нации, несущие угрозу вашему существованию?» (вопрос 8). Все перечисленные вопросы предполагали один из трех вариантов ответа: «да», «нет», «не знаю». Вопросы предлагались в перечисленном порядке, при этом их ксенофобическая «нагруженность» нарастала, достигая максимума в вопросе 8. По нашему мнению, согласие с тем, что другие нации могут представлять угрозу для физического существования респондента, свидетельствует о наличии явно выраженных ксенофобических тенденций.

Вопрос 5 «Укажите, пожалуйста, нации (любое число), которые вам нравятся/не нравятся» рассматривался нами как дающий дополнительное подтверждение склонности респондента к ксенофобии. Мы исходили из предположения, что прямое признание респондентом других наций как угрожающих может оказаться для него затруднительным в связи с социальной нежелательностью подобных признаний. Чтобы уменьшить возможное влияние подобного фактора на ответы респондентов, мы предлагали им указать, используя семь градаций («очень нравится; нравится; скорее нравится, чем нет; безразлично; скорее не нравится; не нравится; очень не нравится»), любое число наций, вызывающих какие-либо чувства. Если респондент указывал определенные нации в графах «скорее не нравятся», «не нравятся» или «очень не нравятся», мы также рассматривали это как наличие ксенофобических тенденций.

Вопрос 6 «Нравится ли вам ваша национальность?» тоже включал семь вариантов ответа, аналогичных перечисленным выше. Предполагалось, что он даст сведения о глубине идентификации респондентов со своей нацией. Мы допускали, что у лиц, склонных к ксенофобии, такая идентификация должна быть выше.

Последний вопрос анкеты (вопрос 9) касался наиболее подходящих, с точки зрения респондента, мер, направленных на устранение возможной угрозы со стороны других наций. Он содержал три варианта ответа: «необходимы ограничительно-запретительные меры (физическое устранение представителей угрожающей нации, выселение с вашей территории, недопущение на вашу территорию и т.п.)»; «никакие специальные меры не нужны»; «необходимы меры помогающего характера (разработка специальных социальных программ, оказание помощи нуждающимся и т.п.)». Ответ на данный вопрос должен был показать нам, какие представления о решении межнациональных проблем существуют у обследуемого контингента, выявить преобладание агрессивной или доброжелательной настроенности в отношении лиц другой национальности. Кроме того, мы предполагали, что выбор первого варианта ответа (необходимость ограничительно-запретительных мер) говорит о наличии выраженного страха перед людьми иной национальности и таким образом тоже свидетельствует о наличии ксенофобических тенденций.

Для изучения уровня самооценки была использована методика Будасси, которую мы несколько видоизменили. Из предложенного списка личностных качеств респонденту предлагалось выбрать 10 качеств, присущих его идеалу; 10 качеств, присущих ему лично; 10 качеств, наиболее типичных для его нации; 10 качеств, характерных для самой непривлекательной в его глазах нации. Сравнивая качества идеала и имеющиеся у респондента, мы выявляли совпадающие качества и таким образом определяли уровень самооценки. Теоретически он мог изменяться от 0 до 1, нормальная самооценка располагалась в диапазоне от 0,4 до 0,7, заниженная – от 0 до 0,3 и завышенная – от 0,8 до 1.

Сравнивая качества, присущие идеалу респондента, и наиболее типичные для его нации, мы аналогичным образом определяли оценку респондентом степени привлекательности для него его нации. Сравнение качеств, приписываемых респондентом самому себе и типичным представителям собственной нации, показывало, насколько человек с ней идентифицируется.

Для изучения уровня тревожности нами была использована шкала тревожности Тэйлор.

В исследовании приняло участие около 300 человек в возрасте от 18 до 45 лет. Опрашивались люди различных социальных слоев и с разным уровнем образования. Основную массу респондентов составляли женщины, мужчин было значительно меньше. Исследование проводилось анонимно, что подчеркивалось в инструкции, анкеты заполнялись респондентами дома в удобное для них время и затем возвращались исследователю. Данные были собраны в 2006–2008 гг. в Москве и Московской области.

Результаты обрабатывались следующим образом.

Первоначально определялась склонность респондента к ксенофобии по результатам ответов на вопросы 4, 7, 8. В том случае, если человек отрицательно отвечал на все три вопроса, а также не указывал ни одной нации, которая бы ему в какой-либо степени не нравилась (то есть не давал ответ «скорее не нравятся», «не нравятся» и «очень не нравятся» на вопрос 5), мы относили его к первой группе — респонденты без признаков ксенофобии. Во вторую группу вошли люди, давшие положительный ответ на вопросы 7 или 8. Их мы расценили как имеющих признаки ксенофобии. В большинстве случаев эти респонденты также указывали, что существуют какие-либо нации, которые им не нравятся (варианты ответов «скорее не нравятся», «не нравятся» и «очень не нравятся»). Все остальные варианты заполнения анкет, например отрицательные ответы на вопросы 7 и 8 и указание на то, что есть нации, которые не нравятся, рассматривались нами как недостаточно однозначные и были исключены из дальнейшего анализа.

Таким образом, анализ был проведен для двух групп: группу 1 составили респонденты без признаков ксенофобии, а группу 2 — респонденты, склонные к ксенофобии.

подавляющее большинство опрошенных обеих групп относят себя к русской нации. В первой группе к представителям другой нации относят себя 15,4% опрошенных, во второй — 5,6%. Первая и вторая группа не различаются также по возрасту респондентов, в основном это молодые люди от 18 до 30 лет. Группы оказались также уравненными по половому составу: и в первой, и во второй большинство опрошенных составили женщины, но были и мужчины. В целом можно сказать, что по основным социальным

параметрам – пол, возраст, уровень образования, а также национальность группы уравниваются.

Как уже указывалось, респонденты группы 1 не называли нации, которые им не нравились бы. В то же время некоторые из них указывали, что существуют нации, которые им очень нравятся и нравятся. Проследить какую-либо тенденцию здесь не удалось, в качестве привлекательных назывались как этнически близкие к русской (напомним, что практически все респонденты – русские) славянские нации (белорусы, украинцы), так и европейские (немцы, французы, англичане), нации Кавказа (армяне, грузины), других регионов бывшего СССР (молдаване, таджики).

Аналогичная тенденция прослеживается и в группе 2. Здесь также многие респонденты указали, что существуют нации, которые вызывают у них особую симпатию, но выделить какую-то нацию или группу наций как наиболее предпочитаемую не удалось – указывались нации практически из любой точки мира. Это относится и к нациям, которые не нравятся респондентам группы 2. Назывались славянские нации (украинцы, белорусы), нации Кавказа (азербайджанцы, грузины, чеченцы и т.д.), нации бывшего СССР (таджики, узбеки) и практически все мировые нации (турки, китайцы, вьетнамцы, американцы, немцы и т.д.).

Нам показался интересным тот факт, что респонденты обеих групп в качестве привлекательных и непривлекательных упоминали и те нации, представители которых в России многочисленны (евреи, татары), и те, которые встречаются скорее случайно (французы, американцы, корейцы). Это может свидетельствовать о том, что представления о национальных особенностях какой-либо этнической группы формируются не на основе опыта реального взаимодействия с ее представителями, а исходя из обывательских стереотипов, сообщений средств массовой информации, собственных фантазий. Еще раз возникает мысль, что чужие «национальные особенности», скорее всего, являются просто полем проекций. Интересно также, что не удалось заметить массового предпочтения или нелюбви к какой-либо нации, например евреи или нации Кавказа (армяне, грузины, азербайджанцы) одинаково часто упоминались как наиболее симпатичные и как непривлекательные.

Не удалось обнаружить каких-либо различий между группами 1 и 2 по ответу на вопрос 6 «Нравится ли вам ваша национальность?». Наше предположение, что лица, склонные к ксенофобии,

будут чаще выбирать ответ «очень нравится», не подтвердилось. И в группе 1, и в группе 2 большинство ответов располагалось в диапазоне «очень нравится» — «нравится», ответы «не нравится», «очень не нравится» отсутствовали. И в той, и в другой группе встречались единичные ответы «скорее не нравится, чем нравится».

Выраженные различия между группами появились при ответе на вопрос 9 «Какие меры по устранению угрозы (исходящей от других наций) кажутся вам наиболее подходящими?». Среди представителей группы 2 половина респондентов (50%) считает, что наиболее подходящими мерами по устранению угрозы, исходящей от лиц других национальностей, являются ограничительно-запретительные (физическое устранение, выселение с территории, недопущение на территорию и т.п.), другая половина полагает, что необходимы меры помогающего характера. Среди респондентов группы 1 нет ни одного выбора (0%) ограничительно-запретительных мер. Все респонденты (100%) считают, что если какие-то меры и нужны, они должны носить помогающий характер (специальные социальные программы, оказание помощи нуждающимся и т.п.).

Предложение респондентами группы 2 ограничительно-запретительных мер, вплоть до физического уничтожения, по отношению к лицам иных национальностей, с нашей точки зрения, подтверждает предположение о наличии у них ярко выраженного страха, имеющего явно проективную природу. Дополнительное изучение уровня тревожности и самооценки респондентов обеих групп подтвердило это.

Как уже указывалось, уровень тревожности мы определяли с помощью шкалы тревожности Тэйлор. По данной методике тревожность испытуемого может быть выражена в баллах от 0 до 50 и шкалирована по следующим уровням: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий.

Определение уровня тревожности, характерного для каждой группы, мы проводили двумя способами: 1) был подсчитан средний балл по группе, 2) было вычислено, какой процент респондентов в обеих группах имеет каждый уровень из уровней тревожности. Группы сравнивались по U-критерию Манна-Уитни, различия значимы на уровне $p < 0,001$. Полученные данные представлены в таблице 9.

Как видно из таблицы, средний уровень тревожности у респондентов, склонных к ксенофобии (группа 2), явно выше, чем у рес-

Таблица 9

**Выраженность тревожности у респондентов,
не склонных и склонных к ксенофобии**

Группа респондентов	Тревожность, баллов	Частота встречаемости респондентов с различным уровнем тревожности, %				
		низкий уровень	уровень ниже среднего	средний уровень	уровень выше среднего	высокий уровень
Группа 1	16,5	18,2	36,4	36,4	9,1	0
Группа 2	23,35	0	16,7	44,4	33,3	5,6

пондентов, не склонных к ней (группа 1). В группе 1 отсутствуют лица с высоким уровнем тревожности, в то время как в группе 2 они есть. При этом в группе 2 нет респондентов с низким уровнем тревожности. Респонденты с уровнем тревожности от среднего и выше в группе 1 составляют 45,5%, то есть меньше половины, а в группе 2 – 88,3%, то есть больше двух третей. Эти данные могут служить подтверждением нашего предположения, что страх является базовым переживанием ксенофобических личностей. Их опасения вреда, который может быть причинен им представителями других национальностей, суть экстериоризация собственной тревоги.

Подтвердились также предположения относительно самооценки ксенофобов. У лиц, склонных к ксенофобии, она ниже, чем у не склонных к ней. Данные по самооценке тоже анализировали двумя способами: была найдена средняя величина самооценки по каждой группе, и определен процент лиц с нормальной, заниженной или завышенной самооценкой в каждой группе.

В группе 1 средняя величина самооценки составила 0,54 балла. Такая самооценка может быть охарактеризована как нормальная, без тенденции к завышению или занижению. 92,3% лиц в данной группе имеют нормальную самооценку, величина которой колеблется от 0,4 до 0,7. Только у 7,7% опрошенных в этой группе самооценка занижена (величина самооценки 0,2).

В группе 2 средняя величина самооценки составила 0,39 балла. Такая самооценка считается заниженной, при этом ее величина ниже, чем в группе 1. Частота встречаемости заниженной самооценки в группе 2 намного выше, чем в группе 1, и составляет

38,9%, а частота встречаемости нормальной самооценки (0,4–0,7), наоборот, меньше и составляет 61,1%. Различия между группами значимы на уровне $p < 0,001$ (табл. 10).

Таблица 10

Уровень самооценки, оценки привлекательности собственной нации и идентификации с собственной нацией у респондентов, не склонных (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2)

Группа респондентов	Самооценка	Привлекательность собственной нации	Идентификация с собственной нацией
Группа 1	0,50	0,40	0,39
Группа 2	0,38	0,32	0,30

Очень интересным, на наш взгляд, является тот факт, что идентификация с собственной нацией у лиц, склонных к ксенофобии, ниже, чем у не склонных к ней. Люди, склонные к ксенофобии, в среднем приписывают себе 25,31% качеств из тех, что считают типичными для своей нации. Не склонные к ксенофобии полагают, что у них присутствует в среднем 30% качеств, характерных для лиц их национальности.

Оценка привлекательности собственной нации, которую находили, сравнивая качества, приписанные идеалу, и качества, типичные для собственной нации, у лиц, склонных к ксенофобии, невысока и составляет в среднем 0,24. Это значит, что респонденты группы 2 считают, что в среднем лишь 2–3 качества из 10 «идеальных» присущи типичным представителям их нации. На сознательном уровне собственная нация оценивается как привлекательная, но качества, характерные для идеала, у нее практически не присутствуют, так же, как в собственной личности обнаруживается мало качеств, типичных для нации.

С нашей точки зрения, эти данные говорят о неадекватном самовосприятии лиц, имеющих склонность к ксенофобии. Они подтверждают наши предположения об амбивалентности и спутанности восприятия себя и других. Более явно амбивалентное отношение проявляется при изучении результатов восприятия своей и наиболее непривлекательной национальности. Лица, склонные к ксенофобии, чаще выбирают одни и те же качества личности как харак-

терные для самой непривлекательной национальности, присущие своей собственной нации, себе лично и даже своему идеалу.

Сказанное иллюстрирует рисунок 5. Левый столбец в каждой тройке показывает уровень самооценки, средний – оценку привлекательности собственной нации, правый – идентификацию с собственной нацией у респондентов, не склонных к ксенофобии (без КС) и склонных к ксенофобии (с КС).

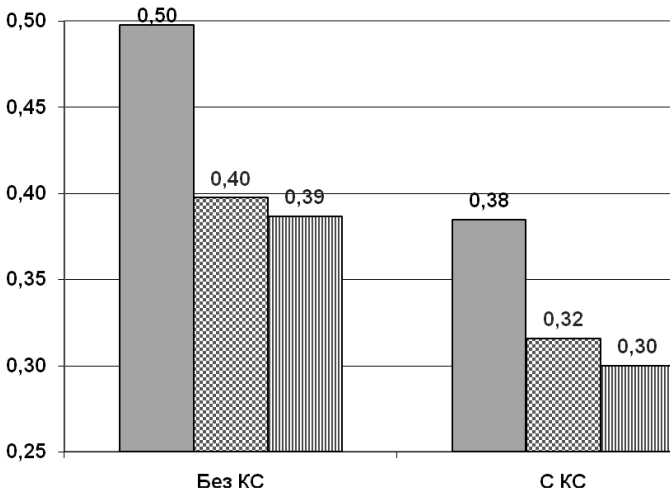

Рис. 5. Уровень самооценки, оценка привлекательности собственной нации и идентификация с собственной нацией у респондентов, не склонных к ксенофобии (без КС) и склонных к ксенофобии (с КС)

Далее нами была проведена диагностика таких личностных особенностей как агрессивность, ригидность, преобладающие психологические защиты и стратегии совладания с трудными ситуациями (копинг-поведение). Полученные данные подтвердили все выдвинутые нами предположения об особенностях личности, присущих лицам со склонностью к ксенофобии и экстремизму.

Для исследования агрессивности мы выбрали методику Басса–Дарки, которая позволяет определить общий уровень агрессивности и типичные для испытуемых формы агрессивного поведения. Опросник состоял из 75 вопросов, на которые необходимо было ответить «да» или «нет». Обработка производилась при помощи

индексов различных форм агрессивных и враждебных реакций, которые определяются суммированием полученных ответов. Опросник выявляет восемь форм агрессивных и враждебных реакций:

- физическая агрессия;
- косвенная агрессия;
- склонность к раздражению;
- негативизм;
- обида;
- подозрительность;
- вербальная агрессия;
- угрызания совести и чувство вины.

Физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение и вербальная агрессия вместе образуют суммарный индекс агрессивных реакций, а обида и подозрительность – индекс враждебности.

При анализе данных респондентов, склонных к ксенофобии, мы обнаружили, что уровень их агрессивности весьма высок. Особенно высоким оказался индекс враждебности, вычисляемый по сумме обиды и подозрительности. Наиболее выражены такие виды агрессии как подозрительность, негативизм и обида, за ними следуют физическая и вербальная агрессия. Менее выражены раздражение и угрызания совести и чувство вины.

При сравнении двух групп респондентов – не склонных к ксенофобии (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2) выявлено, что практически все показатели агрессии в группе 2 выше, чем в группе 1, за исключением показателей «раздражение» и «угрызания совести и чувство вины». Хотя различия, полученные по двум последним показателям, не значимые, интересно отметить следующую тенденцию: у ксенофобов чувство вины выражено меньше, чем у не испытывающих ксенофобию. Значимые различия получены по шести показателям: физическая агрессия, косвенная агрессия, обида, подозрительность, вербальная агрессия и индекс враждебности (использовался ϕ -критерий Фишера).

Опираясь на заложенные в опроснике идеи, можно предположить, что респондентам со склонностью к ксенофобии присущи следующие характерные черты. Показатели физической агрессии свидетельствуют о большей готовности к использованию физической силы против другого лица, а показатели косвенной агрессии говорят о том, что респонденты склонны проявлять агрессию, которая окольными путями направлена на другое лицо через сплетни,

злые шутки, а также агрессию, ни на кого не направленную и не упорядоченную, проявляющуюся во взрывах ярости, крике, топании ногами, битье кулаками по столу и т.д. Значительно превышающими данные группы 1 оказались показатели обиды, что говорит о наличии зависти и ненависти к окружающим, обусловленных чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или мнимые страдания. Показатель подозрительности в группе 2 также значительно выше, чем в группе 1. Это свидетельство недоверия и осторожности по отношению к людям, основанных на убеждении, что окружающие намерены причинить им вред. Более высокая вербальная агрессия у респондентов с признаками ксенофобии говорит об их склонности к выражению негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угрозы, проклятия, ругань). Полученные данные приведены в таблице 11.

Таблица 11

Показатели агрессивности по методике Басса–Дарки у респондентов, не склонных к ксенофобии (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2)

Показатели агрессии	Группа 1	Группа 2	Значимость различий
Физическая агрессия	48%	82%	0,01
Косвенная агрессия	50%	75%	0,049
Раздражение	55%	53%	–
Негативизм	76%	86%	–
Обида	47%	85%	0,003
Подозрительность	47%	92%	0,0001
Вербальная агрессия	46%	81%	0,008
Угрызения совести, чувство вины	67%	53%	–

Для диагностики механизмов психологической защиты использовалась методика Келлермана–Плутчика–Конте «Индекс жизненного стиля LSI». Методику LSI, описанную в 1979 г. на основе психоэволюционной теории Р. Плутчека и структурной теории личности Х. Келлермана, следует признать наиболее удачным ди-

агностическим средством, позволяющим определить всю систему механизмов психологической защиты, выявить ведущие, основные из них и оценить степень напряженности каждого. Она состоит из 97 утверждений, требующих ответа по типу «верно – неверно». Измеряются восемь видов защитных механизмов: вытеснение, отрицание, замещение, компенсация, реактивное образование, проекция, интеллектуализация (рационализация) и регрессия. Они характеризуются следующим образом.

1. Отрицание – инфантильная подмена принятия окружающим вниманием с их стороны, любые негативные аспекты этого внимания блокируются на стадии восприятия.

2. Подавление – неприятные эмоции блокируются при забывании реального стимула и всех объектов и обстоятельств, связанных с ним.

3. Регрессия – возвращение в стрессовой ситуации к более незрелым паттернам поведения и удовлетворения.

4. Компенсация – попытка исправления или замены объекта, вызывающего чувство неполноценности, нехватки, утраты (реальной или мнимой).

5. Проекция – приписывание окружающим различных негативных качеств как рациональная основа для их неприятия и самопринятия на этом фоне.

6. Замещение – снятие напряжения путем переноса агрессии с более сильного или значимого субъекта, являющегося источником гнева, на более слабый объект или на самого себя.

7. Интеллектуализация – произвольная схематизация и истолкование событий для развития чувства субъективного контроля над ситуацией.

8. Реактивное образование – выработка и подчеркивание социально одобряемого поведения, основанного на высших социальных ценностях.

При анализе данных, полученных с помощью опросника «Индекс жизненного стиля LSI», мы обнаружили, что группы испытуемых различаются между собой по выраженности и представленности психологических защит. У респондентов с ксенофобией преобладающими являются такие защиты как отрицание, регрессия и проекция. При этом значимость выраженности отрицания и проекции в этой группе значимо выше, чем в группе не имеющих ксенофобии (использовался ϕ -критерий Фишера). Все перечисленные защиты

относятся к группе архаичных. Наименее выраженными являются, напротив, зрелые защиты, такие как компенсация, подавление (вытеснение), замещение и интеллектуализация, и их выраженность меньше, чем в группе респондентов без ксенофобии.

Полученные в исследовании данные приведены в таблице 12.

Таблица 12

Представленность психологических защит у респондентов, не склонных к ксенофобии (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2)

Вид психологической защиты	Группа 1	Группа 2	Значимость различий
Отрицание	54%	88%	0,006
Подавление	49%	24%	0,047
Регрессия	56%	72%	–
Компенсация	29%	16%	–
Проекция	39%	68%	0,031
Замещение	30%	26%	–
Интеллектуализация	51%	33%	–
Реактивное образование	72%	48%	0,058

Таким образом, можно сделать вывод, что у лиц, склонных к ксенофобии, преобладают архаичные защиты, сильно искажающие реальность. При этом искажениям в первую очередь подвергается восприятие их взаимоотношений с социумом. Они зависимы от внимания окружающих, но плохо понимают, как их воспринимают другие люди, так как блокируют признаки негативного отношения (отрицание), приписывают другим свои собственные отрицательные черты (проекция) и склонны к инфантильным паттернам реагирования и поведения.

Для диагностики уровня ригидности мы использовали методику ее измерения.

Данная методика представляет собой перечень утверждений, содержание которых достаточно широко отражает те ситуации, где находит проявление психическая ригидность, то есть те, в которых от человека требуется изменить программу поведения: образ жизни, стереотипы, отношения, установки, привычки, навыки, темп и ритм жизни и деятельности, средства достижения какой-либо

цели, саму цель и т.д. Утверждения предполагают ответ «да» или «нет», за которые при совпадении с ключом начисляются баллы. В результате диагностируется низкий, средний или высокий уровень ригидности.

Результаты исследования ригидности приведены в таблице 13.

Таблица 13

Показатели ригидности у респондентов, не склонных к ксенофобии (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2)

Уровень ригидности	Группа 1		Группа 2		Значимость различий
	число респондентов	процент	число респондентов	процент	
Низкий	7	35	1	5	0,004
Средний	11	55	9	45	–
Высокий	2	10	10	50	29,311

Как видно из таблицы, у респондентов с ксенофобией уровень ригидности более высок. У не имеющих признаков ксенофобии в 90% случаев отмечаются низкие и средние показатели ригидности, в то время как в группе с признаками ксенофобии у 95% респондентов они высокие и средние. Значимыми являются различия в группах между высокими и низкими показателями ригидности, которые выявлялись с помощью ϕ -критерия Фишера.

Исходя из содержания и логики опросника, можно говорить, что ксенофобам как людям с повышенным уровнем ригидности, присущи такая констелляция черт, которая включает в себя строгое повиновение властным фигурам, нетерпимость к противоположному мнению, предубеждение, склонность создавать чрезмерно упрощенный взгляд на мир, тенденцию использовать резко поляризованные когнитивные конструкты, и циничный взгляд на природу человека.

Для исследования копинг-поведения мы использовали методику Хэйма. С ее помощью можно исследовать, насколько часто в трудных жизненных ситуациях испытуемый прибегает к адаптивным, неадаптивным либо относительно адаптивным способам совладания с ними. При этом сами способы совладания делятся на поведенческие, когнитивные и эмоциональные.

При сравнении двух групп испытуемых выявлены интересные различия между ними, которые заключаются в следующем.

Между группами практически отсутствуют различия в представленности поведенческих стратегий совладания. В обеих группах преобладают адаптивные стратегии, а неадаптивные и относительно адаптивные встречаются значительно реже. Это говорит о вполне адекватном внешнем поведении людей, склонных к ксенофобии. Однако когнитивные и эмоциональные стратегии совладания в двух группах существенно различаются, что заставляет еще раз предположить, что внутренний мир ксенофобов отличается качественным своеобразием. Лица с признаками ксенофобии значительно реже (на 50%) используют адаптивные когнитивные и эмоциональные стратегии совладания, а неадаптивные, напротив, у них отмечаются на 80% чаще.

В качестве неадаптивных копинг-стратегий когнитивного плана они чаще всего используют смирение, растерянность, диссимуляцию и игнорирование, то есть внутренние способы объяснения для себя каких-либо неприятных ситуаций заключаются либо в сознательном желании не замечать их, уверять себя, что ничего неприятного не происходит, либо в растерянности и неверии в собственную способность найти из них выход. В эмоциональной сфере такие люди прибегают к подавлению эмоций, покорности, самообвинению или к агрессивности. Следует заметить, что, хотя опросник Хэйма базируется на понятийных конструктах, не относящихся к психоаналитической парадигме, данные, полученные с его помощью, тем не менее подтверждают результаты изучения психологических защит.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование полностью подтвердило все выдвинутые нами предположения, касающиеся психологических особенностей лиц, склонных к ксенофобии. Подобные личностные особенности будут присутствовать и у экстремистов, так как архаичные страхи, на которых основана ксенофобия, лежат и в основе экстремистского поведения.

5.4. Архетип «чужой» и его криминогенная роль

Возможности архетипической психологии могут быть с успехом использованы для научного объяснения самых разных социальных явлений, в том числе таких сложных, как преступное по-

ведение и преступность. Попытаемся понять отдельные виды преступности с архетипических позиций. Представляется, что такой подход отличается новизной и окажется значимым для науки и практики, в частности для уяснения неискоренимости подобных явлений: архетипическая природа человека и общества будут все время порождать преступность, но, разумеется, во взаимодействии с другими факторами.

Прежде всего обратимся к очень яркой архетипической фигуре – к «чужому».

«Чужой» – это прообраз, который сопровождает человечество с доисторических времен. У примитивных сообществ он наделялся таинственными мистическими силами, его следовало опасаться, как и убийц, воинов, убивших врагов, женщин во время менструации и после родов, лиц, находящихся в трауре, и т.д. «Чужой» выступал в качестве некоего психологического представителя враждебных сил, окружающих человека. С тех пор он неотвязно преследует людей в разных формах и разных ситуациях, но всегда олицетворяя угрозу, разрушение и даже смерть. Очень возможно, что на заре развития человеческой психики «чужой» был совершенно необходим: он заставлял думать и переживать.

«Чужой» – это человек другой страны, другого рода, нации, языка, религии, расы, иных убеждений, обычаев и традиций. Иными словами, «чужой» – это представитель другой культуры.

Для древних людей, как и для многих современных, своя территория воспринималась (и воспринимается!) не просто как ландшафт, дома, улицы, люди «моей» культуры и т.д., но и как нечто, хранящее духовные ценности, символы и смыслы, без которых существование немислимо. Человек здесь ощущает свое как бы мистическое слияние со своей землей. Как справедливо отмечает Т.В. Евгеньева, в условиях социокультурного кризиса современный человек готов отказаться от собственной индивидуальности в обмен на чувство защищенности, безопасности, которое дает реальное или мифологическое слияние с группой. При этом на первом этапе кризиса вперед выходят наиболее очевидные этнические и этноконфессиональные характеристики, по которым и происходит идентификация. Позже они дополняются идентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта («мы»), и возникает мистическое единство общности с территорией¹⁸⁷.

«Чужой» существует потому, что есть «свой», «свои», «мы». Принадлежность к «мы», то есть к данному сообществу, определяется через «нашу» культуру, ее духовные ценности, обычаи, обряды, традиции. Ощущение принадлежности к ней в индивидуальном и групповом сознании обычно латентно, но в кризисные периоды активизируется. Виртуальные «мы» и «чужие» есть реальная жизнь людей, многие из которых теряют самоидентичность из-за экзистенциального слияния с группой, ее символами и мифами, мифологизированными представлениями о времени, обществе, истории и т.д.

Архетип «чужого» и порождаемая им ксенофобия не исключение из правил, а всеобщая закономерность. История религий, культур, отдельных стран, войн — это история разделения на «своих» и «чужих», это не только постоянный страх перед «чужими», но и неугасающая убежденность в том, что «они» хуже (коварные, глупые, бездарные, трусливые и т.д.), чем «мы», что то, чем «они» владеют, не должно, по справедливости, принадлежать «им», «они» завладели этим с помощью обмана или грубой силой, по недоразумению или невероятному стечению обстоятельств. Владения «чужого» вызывали зависть и ревность, а иногда страх и ощущение опасности.

«Чужое» — это система таинственных и непонятных, а поэтому пугающих знаков, это система мифов, обычаев и традиций, в корне отличающихся от «нашей» в первую очередь тем, что они представляют собой сплошную череду нелепостей. Ксенофобические же установки порождаются не только страхами перед другими, но и леностью, вялостью ума, интеллектуальной и эмоциональной ограниченностью людей, не желающих выходить за пределы привычных стандартов и коллективистских норм, которые представляют собой пережитки общинной психологии. Поэтому можно утверждать, что ксенофобия является мощным источником идеологии и психологии толпы, то есть массового сознания, этого главного хранителя архетипа «чужого». Вместе с тем названные стандарты и нормы являются фактором, обеспечивающим цельность, единство со своей средой, что всегда остро необходимо человеку толпы. Он с радостью отдает этому единству самого себя, в том числе свою свободу, лишь бы избавиться от невыносимых нами принятия решений и ответственности.

С. Московичи писал, что толпа, масса — это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Моральные запреты сметаются вместе

с подчинением рассудку. Ослабляется социальная иерархия. Стираются различия между людьми, и люди выплескивают, зачастую в жестоких действиях, свои страсти и грезы: от низменных до героических, от иступленного восторга до мученичества¹⁸⁸. В цивилизациях, где толпа играет ведущую роль, человек утрачивает смысл существования, как и чувство «Я»¹⁸⁹.

Как каждому животному, толпе нужна добыча, и ею очень часто становится «чужой», выделяемый по любому признаку его непохожести на толпу и ее человеческие единицы – расовому, политическому, национальному, сексуальной ориентации и т.д. Толпу невозможно убедить, что «чужой» ни в чем не виновен, поскольку она в этом не нуждается, ей нужны не доказательства, а жертва. Она заранее знает, что жертва виновна, потому что она есть воплощение архетипа «чужого». При этом правильное понимание психологии толпы предполагает, что ее члены отнюдь не только те, которые находятся в данный момент среди множества других таких же во время, например, демонстрации, собрания, шествия, погрома и т.д. Носителями ее идеологии и психологии являются все те, кто принадлежит ей и в своей повседневной жизни даже в одиночку будет думать и действовать как действительный член толпы, то есть не по законам разума.

Точно так же идеология и психология толпы не существуют только в тот момент, когда она во множестве собрана и мобилизована на что-то. Страна, в которой жизненно важные вопросы решаются не путем демократических процедур, а с опорой на толпу, ее провоцирование, скорее всего, находится в глубоком кризисе со всеми вытекающими из этого последствиями.

Из-за неспособности думать толпа проецирует извне свои образы – идеи. Она принимает за реальные факты то, что на самом деле является продуктом ее желаний и фантазий, слухов и внушений. Толпа очень легко может уверить себя, что существует некая угроза, исходящая от той или иной социальной либо религиозной группы, она приписывает ей ритуальные убийства, обманы, изнасилования и другие преступления, раздувает слухи и пускается в погромы и убийства. Если власть, опирающаяся на толпу, принимает недемократические или антигуманные решения, она может быть уверена в их поддержке толпой. Она безразлична к противоречиям, поэтому может принять и смешать идеи, которые не вяжутся друг с другом: шовинистические, националистические и соци-

алистические, идеи братства и ненависти и т.д., нисколько не смущаясь тем, что они явно противоречат друг другу. Нечувствительность к несомненным противоречиям, как у древних людей, объясняет тот факт, что завтра толпа может поклоняться тому, что вчера отрицала.

Игнорирование толпой явных противоречий, нежелание искать объяснение явлений и, напротив, желание видеть причины бед в «чужих», их кознях и вероломстве, склонность к принятию простейших решений и использованию грубой силы и т.д. дают определенные основания полагать, что психология толпы является хранилищем архаического психического материала. В этом аспекте следует признать закономерным, что в объятия толпы сравнительно редко попадают люди высокой культуры и образования, разве что в качестве вождей и других лидеров; она обычно состоит из тех, кого раньше очень точно называли простонародьем. Гитлер был убедителен, когда утверждал следующее: «Искусство пропаганды состоит в том, чтобы, примеряясь к уровню понимания тех слоев, среди которых работает воображение, слоев широких масс, ведомых инстинктом, пропаганда в надлежащей психологической форме находила пути к их сердцу». Он превозносит использование образа во всех его формах, поскольку тем самым человек должен еще меньше напрягать рассудок.

Люди в ходе социализации обретают сознание, но в нем в разной степени присутствует прошлое, мало сопоставимое с тем длительным филогенетическим периодом, в ходе которого мы сформировались и результатом которого являемся. В толпе, отключая сознание и существуя на уровне воображения, фантазий и инстинктов, человек совершает обратный путь к своему более чем далекому предку.

Особое отношение к «чужому» заложено в человеческой природе: именно по этой причине маленькие дети боятся новых лиц. При этом имеющиеся наблюдения показывают, что если ребенок ощущает эмоциональную близость с матерью, ее защиту, то страхи перед «чужими» встречаются реже и они не столь глубоки и длительны. Детские страхи перед чужими людьми – это диффузное, спонтанное, имманентное предчувствие опасности, восприятие нарушения кем-то границ знакомого и пока еще скрытая возможность предвидения будущего на фоне несформировавшегося «Я». У ребенка в таких ситуациях расширяется горизонт, он по-

степенно начинает понимать, что мир состоит не только из мамы, папы и бабушки и т.д. В этот период очень велика роль матери как связующего звена между ребенком и окружающим миром. Она своим эмоциональным и телесным общением с сыном или дочерью должна дать понять, что они могут доверять ей и миру, а также самим себе. Только нравственно и психически здоровая семья может обеспечить ребенку через мать уверенность в том, что внешний мир не состоит из одних опасностей, что малыш составляет с ним единое целое.

Возникающий таким образом онтологический источник веры и надежды Э. Эриксон назвал первичным ощущением доверия. Это основная цельность, поскольку она подразумевает, что внутренний и внешний мир могут восприниматься взаимосвязанно и как благо. Тогда первичное недоверие и страхи – это совокупность различных переживаний, не сбалансированных процессом интеграции. Можно полагать, что появившиеся на этом этапе из-за «чужого» вражда, отрицание, страх потери удовольствия и состояние нервно-психического напряжения при дальнейшем неблагоприятном развитии жизни и воспитания закрепятся в глубинах психики и определяют установки и отношения уже взрослого человека, в том числе недоверие и неприязнь к «чужим». Общественные институты, религия и церковь способны сформировать у человека доверие и уважение к «чужим», но очень часто именно они определяют и линию разрыва между «своими» и «чужими», и само негативное содержание отношения к последним. Особенно нетерпимые установки к ним существуют в бедных, нуждающихся странах, тем не менее строящих планы своего экономического и социального процветания; там свои беды обычно «чужим» и приписывают.

Очень важна и традиция отношения к той или иной нации и религии, например в России многие десятилетия на бытовом, а в советские годы и на государственном уровне такой традицией был антисемитизм.

«Чужой», конечно, не является единственной причиной страха. Та же религия может порождать различные страхи, тревогу, опасения, в частности по поводу конца света и страшного суда, демонов, сатаны и т.д., причем нужно отметить, что сатана или дьявол являются архетипами, частично архетипами «чужого», но очень важно, что они выступают носителями зла, его олицетворением.

В этом качестве они тоже архетипы. Впрочем, позже они несколько изменились. Уже у М.Ю. Лермонтова демон приобрел романтический ореол в качестве бунтаря и постоянно ищущего персонажа. Бог, этот великий архетип, создатель и покровитель всего на свете, казалось бы, совсем не являющийся «чужим», тоже может выступать причиной глубочайших страданий. Так, для Мартина Лютера не было страдания большего, чем неуверенность в своей судьбе в вечности; он не верил, что бог, столь страстно почитаемый им, обеспечит ему спасение. Это было связано не только с ощущением собственной греховности, но и с неуверенностью в боге, пожалуй, даже в бо́льшей степени. За всем этим у Лютера стоит страх смерти, но не мрака и неизвестности, с которой она может ассоциироваться: как глубоко верующий человек, он боялся «сил адových», могущих там его настигнуть.

Страх перед «чужим» может быть вполне оправдан, если, например, он испытывается перед врагом Родины. Этот страх наряду с другими не менее важными факторами будет лежать в основе осторожности, продуманности, предусмотрительности, выбора тактики и стратегии борьбы с ним.

Грань между «своим» и «чужим» неоднозначна. Ее может олицетворять незнакомый или человек, придерживающийся иных нравственных убеждений, представитель другой социальной, национальной, религиозной группы и, следовательно, культуры. Особенно кровавыми, как показывает вся история человечества, бывают идеологические границы, образующие политические учения или религиозные учения и догмы. Носители иных идеологических истин представляют особую опасность, поскольку они видят и воспринимают мир своими (естественно, «неверными») глазами, они верят в такие вещи и придерживаются таких духовных ценностей, которые неизменно являются ложными или, в лучшем случае, продуктом заблуждения. Чужие идеологические ориентиры опасны не только сами по себе, но и потому, что создают собственную культуру, свои институты, этику и эстетику, систему отношений, особую ментальность, а также государственные и общественные учреждения и организации, их защищающие. Культура, созданная идеологией, особенно религиозной, очень долговечна, она способна охватить века, поэтому ее влияние на общественное, групповое и индивидуальное сознание, на образ жизни и мироощущение людей чрезвычайно велико.

Этнорелигиозная и политико-идеологическая культуры весьма экспансивны, в первую очередь те, которые сформированы мировыми религиями. Они постоянно стремятся захватить новые ареалы, отнюдь не брезгуя при этом агрессией, а поэтому угрожают «нашим» кровным интересам. Человеку жизненно важно взаимодействие со своей средой, общение с носителями иной культуры в ряде случаев может быть для него весьма травматичным, хотя он и накапливает определенный опыт.

Порождением нынешней глобализации стало появление новых линий размежевания между людьми. Эти линии идут теперь не столько по государственным границам, сколько по религиозным, которые стали размежеванием культур, в первую очередь христианской и исламской. Новые границы могут пролегать внутри одной и той же страны, одного и того же региона, вызывая нетерпимость и ненависть, а отсюда экстремизм и терроризм. Глобализация усилила ксенофобию во всем мире, поскольку ускорила миграцию, смешение рас, наций и религий, обычаев и традиций. Как результат возникли взаимное непонимание, недоверие и неприязнь. Россия, которая никогда не отличалась толерантностью, испытала это в полной мере. У нас стихийная и плохо контролируемая миграция привела к тому, что иммигранты плохо адаптируются в новой среде, а среда отталкивает их от себя. Отсюда взаимная антипатия и вспышки агрессии.

В России, а еще больше в западном мире множится литература толерантности, уважения человека независимо от его социальной, национальной, религиозной принадлежности, цвета кожи или сексуальных пристрастий, осуждения преступлений по мотивам ненависти к «чужому», но еще более значителен у нас вал литературы, пробуждающей, провоцирующей эту ненависть. Сейчас в российских книжных магазинах свободно продается антисемитская и иная националистическая литература¹⁹⁰. В ней вражда и ненависть к «чужому» не нуждаются в доказательствах. Само отношение националиста или религиозного радикала к «чужому» уже является доказательством. Ксенофобическая психология опирается не на факты, а на проекции своих страхов и тревог, придает частному и единичному значение общего, подтасовывает факты и подвергает их предвзятым интерпретациям. Эта психология подвержена мистицизму, что особенно наглядно видно на примере гитлеровского нацизма, иррациональные смыслы которого маскировались штам-

пованными фразами для толпы. «Чужому» могут приписываться даже магические, весьма губительные для других свойства, а также ориентация на достижение желаемого любыми средствами и любой ценой. Ксенофобическое сознание всегда нуждается в «чужом», своем извечном враге, который постоянно плетет заговор, при этом враг — «чужой» никогда не исследуется, он всегда подозревается, преследуется и разоблачается.

В массовом сознании противостояние «мы» и «они» часто дополняется верой в существование абсолютной правды. Ею обладает, конечно, только «наша» религия, нация, система, партия и т.д., убеждения и взгляды всех остальных — заблуждения и ошибки, иногда злонамеренные. Эта вера определяет, в частности, мессианизм российской политической культуры и такое специфическое явление этой культуры как соборность, отмечает Т.В. Евгеньева. Соборность как мистическое единство противопоставляется демократии, но в соборности невозможно существование иного мнения, позиции меньшинства. Любой выпадающий из общности автоматически становится носителем ложных идей, частью враждебного «чужого». На наш взгляд, соборность тесно связана с общинной идеологией и психологией, более того, она, скорее всего, порождается ими, являясь характерной особенностью российского общества.

В какой бы культуре ни функционировали и ни развивались человеческая психика, сознание, рациональная деятельность — традиционной, современной или постмодерновой, везде и всюду пролегают более или менее заметные границы, водоразделы, стены, демаркации между «своим» и «чужим». Давно замечено, что сознание питает весомый интерес к «чужому», а не к «своему», ибо «свое» — сплошное, здешнее, обычное, тогда как «чужое» — колоритное, энигматичное, загадочное, вызывающее страх и одновременно влекущее. В значительной степени оппонент как обладающий активным поведением агент «чужого» — представитель иной реальности, нагромождающейся и сочлененной в нем. В культуре на основании архетипической оппозиции «свое—чужое», структурирующей бессознательное, возникла соответствующая категориальная оппозиция, сознательно осуществляющая рубрикацию мира — внешнюю и внутреннюю, пространственную и временную — и обнаруживающая в себе характер конституитивного параметра. Данное различие размыкало хаос и позволяло высвободить планы порядка.

Для архаического человека, если прибегнуть к современной терминологии, «свое» — суть реальность, а «чужое», хаос — суть виртуальность, отличающаяся невероятной подвижностью, не позволяющей чему-либо стать в виде действительного¹⁹¹.

Криминологический интерес «чужой» представляет по той причине, что отношение к нему лежит в основе терроризма и экстремизма, особенно носящих этнорелигиозный характер, многих убийств и иных насильственных действий, субъективный смысл которых может заключаться в защите от другого. Архетип «чужого» мотивирует преступления ненависти на расовой, национальной, религиозной или социальной почве, число которых в России достаточно велико. Восприятие другого как «чужого» активно питает военные преступления против мирного населения и военнопленных, а также может объяснить жестокость в отношении представителей иных наций и религий, пренебрежительное отношение к их правам и интересам. Корыстные имущественные посягательства на них тоже способны быть следствием того, что они «чужие».

Исламские радикалы, так склонные к экстремистским и террористическим действиям и отличающиеся только черно-белым видением мира, четко делят его на «свой» и «чужой». Подразумевается, что все «чужое» не заслуживает уважения, жизнь и достоинство «чужих» ничего не стоят, тем более что они постоянно угрожают «нам». Эта угроза остро ощущается в современных процессах глобализации, которая может уничтожить привычный образ жизни, идущий от далеких предков, духовные ценности, символы и смыслы. К символам, например, исламские фундаменталисты особенно чувствительны, поэтому 11 сентября 2001 г. были атакованы символы западного процветающего общества: экономический — башни-близнецы Торгового центра в Нью-Йорке и военный — здание Пентагона в Вашингтоне.

Российские террористы и экстремисты психологически мало чем отличаются от исламских, для них любой представитель иной нации, расы или религии представляет угрозу, которую необходимо снять. Они не в состоянии понять, что страх, вызываемый «чужим», есть продолжение их детских страхов, бессознательный перенос на других собственных личностных неприемлемых черт и восприятие этих других уже как носителей названных черт. Детьми и примитивными людьми (не только первобытными, но и вполне современ-

ными, например теми же этнорелигиозными террористами и экстремистами) страхи и желания не испытываются и не познаются как часть собственной психики. Они проецируют их на окружение и объективируют в виде злых сил, особыми носителями которых являются «чужие». Собственные черты, воспринимаемые как недостатки и переносимые на других, есть, собственно говоря, тень, то есть низшая часть личности, которая вследствие своей несовместимости с сознательно избранной установкой подавлена. Один из способов подавления состоит в переносе тени или ее части на других, оставаясь в то же время относительно автономной отщепленной «личностью» с противоположными тенденциями.

Как убедительно писал Г. Адлер, современному человеку в первую очередь необходимо осознать все зло, заключенное в нем самом: свою «темную», неполноценную личность, свою тень. Эту сторону слишком часто и чересчур легко обнаруживали в другом человеке и проецировали на него, что составляло один из способов удовлетворения известной потребности найти оправдания своих собственных недостатков. В результате этого мы разделили мир на «хороших» и «плохих», высшие и низшие народы, расы или индивиды со всеми вытекающими из этого катастрофическими последствиями¹⁹². Такими катастрофами стали нацистские и большевистские практики уничтожения «чужих».

В условиях экономического и социального кризиса этот опаснейший «чужой» начинает заявлять о себе во весь голос. Гитлеровская Германия и большевистский СССР были окружены плотной стеной страшных и неумолимых «врагов», которых, естественно, следовало уничтожать.

В СССР словосочетание «враг народа» многие годы было столь же обычным и привычным, как впоследствии «пятилетка качества» или «великие стройки коммунизма». Конечно, «врагом народа» мог быть только «чужой». Его влияние на общественную жизнь и даже развитие экономики, по представлению советской пропаганды, было огромным. Для германских нацистов «чужими» были евреи, цыгане, славяне, а также западные демократии.

Вообще очень просто и эффективно считать других причинами своих промахов и неудач, своей лени и безынициативности, своей необразованности и бестолковости. Если кто-то в чем-то нуждается, но не может удовлетворить свои потребности, значит, виноваты представители известной нации или приверженцы определенной религии,

которые захватили все богатства в свои руки; если нет работы, то, разумеется, по той причине, что ее дают только приезжим; если проигрывается сражение, то не потому, что бездарны военачальники и армия плохо вооружена, а из-за шпионов и предателей и т.д.

Таким образом, мы видим, что корни ксенофобии, убийств и иной жестокой агрессии на почве национальной, религиозной или социальной вражды и ненависти носят архетипический характер.

Для исламских фундаменталистов граница между «своим» и «чужим» строго очерчена верой, которая объединяет всех, кто ощущает угрозу со стороны среды – иного, немусульманского мира. В соответствующем ви́дении этого мира важное место уделялось отдельным элементам, социально-психологическими механизмами объединяемым в системы образов – символов, то есть архетипов. Эти образы суть стержни, вокруг которых объединяются сообщества; в странах или сообществах, готовящихся к вооруженным действиям, террористическим акциям, проявляющим агрессию по отношению к соседям или в международных делах, особенно сильна тяга к возвышению лидера, начинающего приобретать черты героя и вождя. Его образ мифологизируется, его власть и психологическое пространство вокруг него сакрализируются, как, например, с образом аятоллы Хомейни в Иране. Одновременно ищут виновных, в число которых обычно входят потенциальные противники, очень часто выдуманные.

«Чужими», как справедливо отмечает Э. Нойманн, могут быть незаурядные, исключительно талантливые, гениальные люди. Они тоже способны выступать объектом преследований и гонений, особенно если их политические установки и предпочтения противоречат существующей системе. Их травят именно по этой причине, а не потому, что, как полагал Нойманн, они служат связующим звеном между тотемными остатками, ритуальным убийством короля на заре человечества и концепцией искупительной жертвы Иисуса. Особенно рельефно названная нами причина проявляется в тоталитарных обществах, покровительствующих тем талантливым людям, которые воспевают его ценности. Те, кто отвергнут режимом, преследуются маргинальными личностями.

Нойманн прав, что история так называемых цивилизованных стран характеризуется принесением в жертву выдающихся личностей, хотя они являются проводниками той силы, под воздействием которой история движется вперед. Сократ, Иисус и Галилей принадлежат к бесконечному ряду таких людей. Все народы и все

эпохи внесли свою лепту в ритуал принесения в жертву выдающейся личности, ставшей козлом отпущения. И если в наши дни этот ритуал осуществляется не сознательно, а бессознательно, то вряд ли можно говорить о каком-то прогрессе¹⁹³.

В странах западной демократии идентификация происходит не по национальным, расовым или религиозным признакам, а по гражданству. Однако это не значит, что там не существует «чужой», выделяемый по тем же национальным, расовым или религиозным признакам, но такой «чужой» гораздо менее заметен, и конфликты на этой почве происходят реже. Между тем «чужой» может быть определен и по социальным признакам, то есть по своему месту в системе общественных отношений или по уровню материальной обеспеченности. Другими словами, «чужой» представляет собой вечную социально-психологическую категорию, так же как и «мы».

Угроза, олицетворяемая «чужим», часто не имеет характера определенного ущерба, который будет нанесен. То, из-за чего человек тревожится, может быть совершенно неопределенным. Эта неопределенность не только оставляет нерешенным вопрос, какая именно внешнемировая сущность «нам» угрожает, но и может свидетельствовать о том, что такая сущность вообще непонятна и незнакома. В последнем случае даже то, что имеется под рукой, подчас не помогает, лишь увеличивая уровень тревожности и приводя к панике и обрушению всей системы личностной защиты. Страх перед... сразу становится страхом за... «Чужой» подтверждает, что мир есть далеко не безопасное место и он непредсказуем. «Чужой» в то же время является способом познания себя и мира, открытия новых реальностей.

Однако думать, что тревожность и страх возникают исключительно в связи с появлением «чужого», неверно. Они могут быть детерминированы самой природой человека и фактом существования его в мире. Все это полностью относимо к обществу: оно тоже может опасаться «чужого», потому что такова его природа и особенно его актуальное состояние, особенно если оно тревожное. Естественно, что «чужой» может изобретаться намеренно, например для расправы с кем-то.

Между тем далеко не все люди согласны жить в окружении только всего знакомого. Многим абсолютно необходимы выход за пределы привычного бытия и контакты, даже столкновения с «чужим» — людьми, обычаями, ценностями, культурой, особенно если

«свое» не дает ответ на самые важные и мучительные вопросы. Но сие не значит, что они не испытывают страх и тревогу, в частности перед «чужим». Эти эмоции совершенно необходимы социализированному человеку, равно как и животным, что дает им преимущества, с точки зрения эволюции, для защиты и выживания.

«Чужой» — это не чужой или посторонний А. Камю, это — не отчужденная личность, а человек, пришедший из другого мира, среды, культуры, сообщества, способный разрушить «наш» однородный мир, культуру, бытие. Как физическая фигура он вполне реален, а вот его опасность, олицетворяемая им угроза, только виртуальны. Это его последнее качество, впрочем, тоже реально для воспринимающего, особенно если он отличается высокой тревожностью и мучается страхами. Для него данная виртуальная оппозиция всегда демонстрирует что-то чужое, непонятное, даже страшное, вызываемые импульсы и реакции зачастую оказываются ранее неизвестными его «Я». «Чужой» в ряде случаев может вызывать сильные эмоции, напряжение, даже потрясение. Этот архетип все время доказывает свою устойчивость, в то же время корректируя проявления в зависимости от внешних условий. Он предстает в качестве основы для возникновения различных комплексов и искажения действительности.

Виртуальный «чужой» архетипичен не только как персонаж, но и как извечно дпящееся событие, выплескивающееся в реальность, а поэтому не подлежащее рассмотрению в качестве индуктивного обобщения вытесненных неприятных встреч с реальным «чужим». Виртуальный «чужой» — тень, стремящаяся к поглощению, завладению, разрушению чего-то ценного и принадлежащего нам, а не ему. Это «наше» когда-то, возможно, и принадлежало ему, но было безвозвратно отчуждено и передано в нашу пользу. Виртуальный «чужой» посягает на нашу свободу, одухотворенность, на возвышенность нашей души. Все действия «чужого», как и приписываемые ему помыслы и намерения, носят архетипический характер.

«Чужой» может быть явно патологизированным образом или такой фигурой фантазии, которая с трудом собирается в единое целое. «Чужой» может рисоваться как нечто страшное, но и как ничтожное, мелкое, слабое, недостойное жизни, безобразное. Такое случается, например, перед войной или во время нее, когда готовится захват другой страны. Но и страшное, и ничтожное следует рассматривать как порождение собственных глубинных пережива-

ний и влечений человека, бытие которого совершается тяжело и болезненно. Виртуальное, именуемое «чужим», способно быть ловушкой, и попавший в нее оказывается в ситуации вечного опасения и утраты себя. Ему обычно не дано осознать, что утрата себя здесь есть освобождение от этой ловушки.

В качестве «чужого» может выступить и «свой», но вышедший за ролевые рамки, предписанные данной культурой. В качестве «чужого» можно рассматривать и так называемого маргинала, если под маргинальной личностью понимать такую, которая хотя и стоит на грани двух культур, все же больше тяготеет к «другой». Архетип «чужого» отмечает внешние границы «своих», причем эти границы подчас очень жесткие, недоступные для чужаков. Барьерами могут быть расовые, этнические, религиозные, социальные и иные нормы, в качестве которых способны выступить предрассудки и даже суеверия.

5.5. Враги

Человек не всегда в состоянии понять, что он сталкивается с чужим, непонятым, чуждым ему. Пример — обаятельные и умные злодеи. Злодей тоже является архетипической фигурой, но иногда хорошо замаскированной. Чтобы понять его, человек подчас начинает идентифицировать злодея с известными ему объектами реальности, но если такая попытка ошибочна, то есть объект выбран неверно, планы негодяя получают хорошие шансы на реализацию. Как архетип злодей многолик: от мелкого пасквилянта, терзающегося по поводу своей ничтожности, до державного преступника — главы тоталитарного государства, который уничтожил тысячи и даже миллионы своих соотечественников. Особый класс злодеев составляют рецидивисты, многократно совершающие тяжкие насильственные преступления, сексуальные банкроты, насилующие и убивающие женщин и детей, наемные убийцы.

Выявление и клеймение «чужого» представляет собой рационализацию в виде защитного механизма. Она дает мощный толчок ксенофобским настроениям во всем обществе или в его отдельных группах. Поиски врагов осуществляются и в собственной истории, и они, конечно, оправдывают худшие предположения. Одновременно из прошлого одного за другим вытаскивают «наших» героев, основная заслуга которых состоит в подавлении и разгроме «вра-

гов». Здесь, таким образом, происходит сакрализация истории, становящейся не профанным, а священным временем, а также демонизация врагов. Мифологизация позволяет скреплять общество, формируя и поддерживая идентичность. Идея общенационального единения в России выражена, например, в проправительственном движении «Наши», позволяющем оттенить, выставить напоказ других — «чужих», вредных, опасных.

Страны СССР и Югославии из-за распада пережили социокультурные кризисы, в рамках которых и в целях самосохранения шли поиск своей национальной и религиозной идентичности, утверждение на этой основе себя в качестве самостоятельного субъекта отношений. Это не могло не вызвать напряженность и конфликты с другими, особенно с соседями, что вылилось в настоящие войны и военные преступления.

Этническая идеология дает некоторым видам политических движений устройство по типу клановой идентификации, заимствующей формы в глубокой архаике, считает А.Л. Зверев. В тех обществах, где до сих пор существуют архаизированные отношения, существует и клановая идентификация в прямом смысле слова (Африка, Средняя Азия и т.д.). В современной политике данная идентификация представлена в виде так называемых партий власти¹⁹⁴. Именно такая система существовала и существует в странах Средней Азии, была в СССР, сохранилась в России, в том числе на региональном уровне. Она порождает межклановые конфликты и ксенофобские настроения, активно подогреваемые утверждениями, что проблемы и несчастья нашей страны вызваны засильем нерусских во властных структурах и всемогуществом олигархов, евреев по национальности. Они и выступают в роли «чужих», но, конечно, не они одни.

Л. Гудков, опираясь на мониторинговые исследования массового сознания, проводимые во ВЦИОМе, показал становившуюся все более явной после 1994 г. взаимосвязь между высокими самооценками публики, вновь утверждавшейся в своем великом прошлом и необыкновенных национальных достоинствах, и нарастающей ксенофобией и изоляционизмом, невротическим отказом от сравнения себя и других стран, особенно тех, которые считаются благополучными. Восстановление на публичной сцене «врага» (не только мятежных «варваров» — бандитов-чеченцев, но и американцев и т.д.), его присутствие в качестве горизонта происходя-

шего, стало условием повышения всеобщего массового тонуса в 1999–2000 гг. Антизападный фактор в большой мере способствовал приходу к власти лидеров, вышедших из спецслужб и армии.

Актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильное социальное напряжение, источники которого с трудом опознаются и рационализируются. Речь в данном случае идет не о конкретных неприятностях или частных действующих лицах – противнике, оппоненте, социально опасном лице, то есть предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того чтобы этот актер стал врагом, он должен получить ряд генерализированных характеристик – неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциональных характеристик. В такой тревожной и неясной ситуации общих страхов начинают оживать архаические интегративные механизмы, заставляющие людей чувствовать свою общность перед лицом опасности¹⁹⁵.

Враг – наиболее опасный тип «чужого», являющийся главной угрозой обществу, стране, государству, нации, душе, религии, природе, сверхценной идее, социальной группе и т.д. Он может быть выдуманным, в том числе для расправы с инакомыслящими (например, «враг народа» в СССР), или вполне реальным (например, нацистская Германия для народов СССР). От него необходимо защититься, в частности, напав первым, можно укрыться, уйти, убежать либо победить. Враг может спланировать людей, а может разъединять их. Он может действовать напрямую и даже открыто, так сказать с мечом в руке, но иногда действует скрыто, представляет угрозу отдельным социальным институтам и общественным ценностям, обществу в целом, его смыслам и символам. Такие враги могут переманивать на свою сторону тех, кто недоволен существующими порядками в своей стране, в своей общности, группе, вызывая, таким образом, раскол в последних, подозрительность и недоверие.

Подчас враги составляют атрибутивный элемент идеологии и психологии, в первую очередь тоталитарных государств: в силу паранояльности у них всегда есть враги, внутренние и внешние, причем тотальные. Образы врагов там являются продуктом соответствующих государственных, бюрократических учреждений и стимулируемых ими идеологов. Эти образы вырабатываются постоянно, меняется только их внешнее обличье, появляются новые враги

и новые угрозы — в соответствии с политическими изменениями и государственными заказами. Как показывает история, страхи паранояльного государства всегда влекут за собой многие тысячи жертв. То же самое можно сказать о традиционалистских обществах, которые в современных условиях глобализации видят врагов в западных цивилизациях и готовы обороняться от них с помощью террора.

Нельзя не присоединиться к мнению Л. Гудкова, что для современного, сложно устроенного, упорядоченного, обладающего значительным ресурсом безопасности и многократными системами внутренней и внешней защиты общества неспецифичны архаические механизмы объединения людей перед лицом реальных или мнимых опасностей. В таких обществах ни армия, ни полиция не являются центральными, представительскими институтами, символически обозначающими основные ценности всего целого. В качестве таковых выступают совершенно иные публичные институты — свободный рынок, парламентская или научная дискуссия, спорт, гражданская благотворительность и т.д.

Человек психологически объединяется со своим врагом более тесной зависимостью, чем с просто «чужим». Они оказываются прикованными друг к другу взаимной неприязнью, враждой, ненавистью, и уже это не дает им разойтись. Причем враг может быть одной веры, социальной и национальной принадлежности, что и его контрагент, но это не делает его своим: он чужой по своим моральным, профессиональным, духовным, эстетическим качествам, потому что их разъединяют ненависть, зависть, ревность и другие аналогичные чувства. Такой враг, выделенный не на массовой основе, а в личных, даже интимных контактах человека, более индивидуализирован, чем, например, солдат вражеской армии. Но даже такой индивидуализированный враг обычно наделяется не только личностно-неповторимыми, но и архетипическими чертами.

Враг всегда наделяется нелестными характеристиками, низкими моральными качествами, а иногда и убогим интеллектом. Так поступали и поступают террористы и экстремисты всех мастей, так происходит и в повседневной современной жизни. Когда дело доходит до войны или вооруженных столкновений, врагу приписываются трусость, коварство, подлость, недалекость.

Так, хронисты первого крестового похода считали, что мусульманские правители отличаются гордыней, которую средневековая религиозная мораль осуждала особенно сильно. Вообще все мусульмане,

по мнению крестоносцев и их бытописателей, поскольку они не знали истинного бога, были грешниками со всеми вытекающими из этого последствиями. Образы сарацинов не лишены фантастических и экзотических черт, постоянно подчеркиваются их способность к магии, занятия астрологией и предсказаниями будущего по звездам. Между тем магия, этот вид чудесного, вообще не вписывалась в систему христианского вероучения. Зловредная магия и благочестивое чудо были двумя полюсами в контактах со сверхъестественным. Христианские отцы церкви, не отрицая способности сатаны преступать в своих действиях законы природы, предупреждали, что зловредная магия, магические чудеса суть лживые подделки, лишённые характера божественного откровения и благочестивого смысла. Хронисты в своих повествованиях ясно дают понять читателю, что чудесное, связанное с мусульманским миром, в любом случае не вписывается в систему христианских ценностей. В их рассуждениях о «чужом» именно магические и экзотические интеллектуальные занятия мусульман являются одним из критериев их инаковости¹⁹⁶.

Мусульмане рисуются подчас неразумными и беспечными, не умеющими адаптироваться к новой ситуации. Главное, что сарацины – другие, поскольку занимаются зловредной магией и прорицаниями, верят в иррациональную переменчивую судьбу, уверены в возможности заглянуть в будущее и повлиять на него посредством магических действий. Поэтому их мировоззрение несовместимо с христианскими ценностями¹⁹⁷.

Во время локального военного конфликта на Северном Кавказе при подготовке боевиков и террористов идеологи исламских фундаменталистов широко использовали возможности очернения всего российского и прежде всего русского, всех немусульман, их нравов, обычаев, моральных качеств.

Ненавистью и враждой к «чужому» проникнуты даже некоторые великие книги. Так, Откровение святого Иоанна Богослова постоянно угрожает смертью тем, кто не разделяет христианское вероучение, и даже тем, кто не доверяет пророчествам этой книги. Все они – «чужие». Не случайно апокалипсис стал синонимом насилия и жестокости.

Постоянное деление на «своих» и «чужих» легко можно обнаружить в «Манифесте Коммунистической партии». Последним К. Маркс и Ф. Энгельс прямо и косвенно грозят уничтожением, что и сделали их российские и иные последователи.

В центре идеологизированного языка коммунистов, пишет А.С. Ахиезер, лежала возможность описания реальности как укорененной в древнем противостоянии «мы—они», расколотости, взаимоотталкивании этих полюсов, стремлении либо силой подавить раскол общества и власти, либо попытаться подменить реальный конфликт каким-то другим путем, чтобы найти мифологизированного врага, направить против него архаичную массу.

Культурная ситуация в советском обществе открывала возможность ее описания на языке конфликта. Попытка подавления раскола силой, создание идеологизированной картины конфликта требовали постоянных человеческих жертв. Народ в ситуации раскола воспроизводил в качестве руководителей ту группу людей, которая говорила на понятном ему, глубоко архаичном языке подавления «чужих».

Идеология позволяла в соответствии с политическими стремлениями власти быстро менять границы между полюсами «мы—они». В сложном обществе эта формула, оставаясь неизменной, могла постоянно интерпретироваться как меняющая свое конкретное содержание, то есть «назначения» тех, кто — какие группы, народы, страны — относится к «мы», а кто к «они». Архаичный вариант этой культуры сохраняет неприятие культуры с преобладанием диалога. Эти люди не могли выбрать в начальство, например, либералов, которые выдвигали на первый план диалог, развитие демократических институтов¹⁹⁸.

Ненавистью к «чужому», как врагу, дышит грязная фальшивка «Протоколы сионских мудрецов». О ней В.А. Бачинин пишет: «Мышление мудрецов носит антагонизированный характер. Они рассматривают весь спектр социально правовых проблем сквозь призму бинарной позиции “свои—чужие”, “наши—враги”, “мы—они”, “господа—рабы”. При этом в качестве субъекта, обозначаемого вторыми терминами диад, выступают все не евреи»¹⁹⁹. Сей пасквиль был сочинен именно для того, чтобы вызвать ненависть к евреям, и эта цель достигнута. В России прокатилась волна еврейских погромов. «Протоколы...» активно использовали гитлеровские преступники. Современные российские антисемиты тоже нередко опираются на них. В качестве «чужих», на что и рассчитывали авторы «Протоколов...», оказались евреи.

По мнению Й. Петровского-Штерна, «Протоколы сионских мудрецов» весьма поспособствовали наиболее консервативным ев-

ропейским силам и в борьбе за власть, и в словесно-пропагандистском оформлении образа абсолютного врага, и в идеологической артподготовке к Холокосту. Оглушенная антисемитизмом охранительная мысль испуганно тыкала российской геополитике на тайный еврейский синедрион, схоронившийся в мистических лабиринтах парижских катакомб, так и не приучив ее рационально оценивать и серьезно изучать эмпирическую действительность. Более того, 100 лет спустя она столь же усердно продолжает навязывать консервативному русскому мнению все тот же набивший оскомину «протокольный» миф о евреях – врагах. В результате антисемитизм лишает русскую консервативную мысль живучести, подвижности и привлекательности.

Образ жертвы преступления как «чужого» у преступников формируется часто. Так, исследование, осуществленное А.В. Молоствовым, показало, что представления о жертвах преступлений, характерные для осужденных, содержательно отличаются от представлений законопослушных людей. Осужденные обычно утверждают, что жертвы преступлений сами часто совершают преступления, в то же время боятся преступников и хотят их наказать, в первую очередь возместить ущерб от преступления, и не нуждаются в сочувствии, ибо сами виноваты в том, что с ними произошло.

Показательно, что 31% от общего числа испытуемых преступников в своих рисунках в качестве жертвы изобразили физически и социально успешного мужчину²⁰⁰. Именно этот факт свидетельствует о том, что потерпевшие принадлежали к иному миру, чем преступники.

Все или во всяком случае очень многие беды и трагедии человечества исчезли бы, если бы люди перестали так остро и неприемлемо воспринимать других представителей человечества как «чужих», которых следует опасаться, ненавидеть, презирать и т.д. В связи с этим можно сказать, что толерантность – это высшая культура, не только видимость различий в мире, но и придание этим различиям ценности. Толерантность – это высшая нравственность.

В то же время мы не должны пренебрегать фактическим разнообразием культур, нельзя не констатировать наличие дикарей и варваров, нельзя утверждать, что их культура по сравнению с европейской просто другая культура. Различия есть, причем весьма существенные, и культура дикарей не просто иная: утверждать

такое — значит, ставить знак равенства между их фольклорной музыкой, исполняемой на примитивных деревенских инструментах, и музыкой, например, Моцарта. Дикари и варвары несомненно существуют, но это ни в коем случае не означает, что не нужно уважать их честь и достоинство, их божества, обычаи и традиции, если, конечно, они не противоречат морали и закону. Сегодняшняя вариативность культур иллюстрирует стадийность всемирно-исторических процессов зарождения и развития цивилизаций. В XX веке цивилизация продемонстрировала, насколько она хрупка, когда Россия и Германия провалились в варварство.

Деление людей на «своих» и «чужих», вражда и ненависть к «чужим» приводят к самым трагическим последствиям. Небывалый рост ксенофобии в России не только оказывает существенное влияние на правопорядок и преступность в обществе, но и сотрясает самые его основы, что наглядно проявилось во время локальных военных конфликтов в Чечне. Нужно искать причины ксенофобии. Я.И. Гишинский 14 декабря 2007 г. опубликовал в «Независимой газете» превосходную статью, где отметил, что причины здесь тривиальны до неприличия. Однако, думается, это не так, что вытекает из его же материала.

Во-первых, в России, населенной людьми разной национальной и религиозной принадлежности, население, раньше, особенно в годы ленинско-сталинской диктатуры, было велико. В нашей стране всегда отмечались сильные антисемитские настроения, они не исчезли и в нынешних условиях проявляются свободно, в том числе в средствах массовой информации.

Во-вторых, нельзя объяснять преступления ксенофобии (преступления ненависти) одними только материальными обстоятельствами. По этому поводу Гишинский пишет, что объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть и как следствие — преступления ненависти, совершаемые по мотивам расовой, этнической, религиозной вражды, а также гомофобии — суть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства населения (включенные, *included*) и нищего или полунищего большинства (исключенные, *excluded*).

Этот разрыв, экономически отражаемый децильным коэффициентом (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных жителей страны) и индексом Джини (показатель степени

неравенства в распределении доходов), все возрастает, сопровождаясь ростом числа убийств, самоубийств, алкоголизации, терроризма и других девиаций. Например, по данным С. Олькова, за десятилетие – с 1990 по 1999 г. – наименьший индекс Джини (0,218) был в 1990 г., и ему соответствовало минимальное число зарегистрированных убийств (15 566), а в 1994 г. при максимальном индексе Джини (0,409) было совершено больше всего убийств (32 286). Аналогичные выводы содержатся в исследовании И. Скифского за 25 лет (с 1980 по 2004 г.). Теперь посмотрим, в какой мы «компании» по индексу Джини. К началу текущего столетия индекс Джини в России составлял 0,456, тогда как в Австрии – 0,309, в Германии – 0,283, в Бельгии – 0,250, в Японии – 0,249. Близкие к российскому значения этого показателя были в Боливии (0,447), Иране (0,430), Камеруне (0,446), Уругвае (0,446)...

Самое страшное – фактическая невозможность для исключенных включиться в экономическую, политическую, социальную, культурную жизнь. По мнению Ф. Бородкина, свыше 50% населения России – исключенные, то есть люди, вынужденные существовать на обочине жизни, не будучи включены в активные трудовые, социальные, политические, культурные процессы. Треть населения – бедняки, чьи доходы ниже нищенского прожиточного минимума, а полунищенское существование влачит как минимум еще половина населения. А вот данные Всемирного банка (2005 г.), основанные на официальной российской статистике: доля населения за национальной чертой бедности в России – 30,9%.

Совершенно очевидно, что безнадежность существования не может не вызывать у этих людей соответствующую реакцию (которая «канализируется» властью). Остается только найти козлов отпущения.

Представляется, что только обстоятельствами экономического характера, уровнем материального обеспечения людей невозможно объяснить феномен «чужого» и весь комплекс ксенофобических проблем с их криминальной составляющей. Например, в США после отмены рабства ненависть к неграм вспыхнула с необыкновенной силой, причем в первую очередь со стороны вполне обеспеченных белых. Ненависть к англичанам и шотландцам несли совсем небедные ирландцы, а к испанцам – такие же баски... Вместе с тем не вызывает сомнений, что нищих и полунищих людей с со-

ответствующим уровнем образования и культуры достаточно легко убедить в том, что в их бедах повинны не они сами, не те, кто захватил власть и богатство, а евреи, лица кавказской национальности, американцы, и т.д. Таких людей легко привлечь в погромные (штурмовые) отряды типа организации «Наши» в России, склонить ограбить дом в Чечне или устроить еврейский погром.

Таким образом, мы видим, что «чужой» и ксенофобия нужны для решения самых разных социальных и политических задач.

Представление о других расах и враждебное отношение к ним тоже может быть объяснено с таких архетипических позиций. Так, Д. Хиллман полагает, что само представление о превосходстве белой расы архетипически наследуется ее представителями. Он цитирует этнографические свидетельства, которые антрополог В. Тернер привез из Африки, чтобы продемонстрировать в транскультуральных аспектах, что не только белые, но и черные склонны считать «белый» и «черный» цвета как, с определенной точки зрения, превосходящие (или хорошие) и подчиненные (или плохие).

В работе «О человеческом многообразии» (1993) известный культуролог Ц. Тодоров также настаивает, что расизм может быть обусловлен, отчасти, причинами, имеющими отношение к универсальному символизму: белое—черное, светлое—темное, день—ночь — эти пары, по-видимому, существуют и действуют во всех культурах, причем первая компонента обычно имеет превосходство. И Хиллман, и Тодоров пытаются выяснить, почему расизм столь устойчив к серьезным социально-политическим попыткам его уничтожить, и находят схожие объяснения: бессознательная проекция архетипического или универсального фактора — оценка цвета (белый—светлый день в оппозиции к черной—темной ночи) переносится на людей.

Согласно Диллману, проблема в том, что расисты — это буквалисты, которые иррационально смешивают физическую реальность с психической и неправильно применяют оппозицию белого и черного цвета для своих предосудительных и дискриминационных целей. Для разрешения этого затруднения и преодоления расизма, утверждает автор, необходимо пересмотреть (дебуквализировать, или метафоризировать) фальшивую оппозиционную логику, которая производит представление о превосходстве белой расы. С этой точки зрения расизм является ошибкой воображения²⁰¹.

Р. Боснак, специалист в области архетипической психологии, тоже обсуждает «черноту» в контексте оппозиций белое—черное,

светлое—темное, день—ночь. Он различает образы «африканской» черноты и образы черноты «танатоса». По мнению Боснака, чернота «танатоса» не имеет отношения к расе. Страх и смерть, но также романтика и любовь — все эти понятия, которые связаны с ночью, транскультуральны. В ночи существует что-то, заставляющее людей бояться ее. Это иной сорт черного, чем расовое черное. Танатические черные фигуры могут встречаться в сновидениях людей любой расы²⁰².

Безусловно присоединяясь к этим суждениям, хочется добавить, что презрительное и (или) враждебное отношение к представителям черной расы возникло и по другим, более явным причинам — экономическим и общесоциальным. Прежде всего, страны черной расы значительно отстают от других государств в своем экономическом, политическом, культурном и общественном развитии. Еще в древности ее представители находились в услужении людей белой расы, в социальной иерархии они обычно занимали низшие ступени. Это породило ложное представление, что люди черной расы по своим интеллектуальным и даже этническим возможностям просто не способны сравняться с людьми других рас, особенно белой. Само такое отношение стало архетипическим.

В современном мире понятие расы во многом слилось с понятием нации, что можно заметить на уровне не только обыденного сознания, но и той части знания, которая ошибочно считает себя научным. Мы имеем в виду наукоподобную стряпню некоторых зарубежных и отечественных акторов, именующих себя расологами, чьи с позволения сказать труды охотно печатают в нашей стране (Г.Ф.К. Гюнтер, В.Б. Авдеев, А.М. Иванов, Ю. Ригер, К.А. Эмге, Э. фон Литтров, Б.Б. Брауссе и т.д.²⁰³). В этих «трудах» в качестве «чужих» выступают представители «ненордических» народов. К ним высказано соответствующее отношение, которое должно вооружить современных фашистов и националистов, а их в нынешней России опасно много, распространены нацистские (националистические), шовинистические настроения в обществе. Достаточно вспомнить о широкой, даже широчайшей распродаже антисемитской литературы, книг о расах и вождизме, нацистской символики, портретов Гитлера и т.д. Само появление такой книжной продукции весьма красноречиво.

5.6. Психология толпы как один из источников экстремизма

Толпу и ее психологию можно понимать в двух смыслах.

1. В широком смысле это масса людей, обладающих обывательским усредненным сознанием, всасывающая в себя как власть и государство со всеми их институтами и органами, так и рядового человека. Она является носителем определенной идеологии, которая иногда становится идеологией государства и общества, во всяком случае его элиты.

К. Ясперс писал, что свойство в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется общественным. Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового это мнение выступает, к нему взывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое²⁰⁴.

В. Райх прямо связывал психологию масс с фашизмом. Он подчеркивал, что Гитлер, конечно, зажигал своими идеями массы, но центр исследования массовой психологии переносится с метафизики идей фюрера на реальность общественной жизни. Фюрер может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких масс²⁰⁵.

Таким образом, толпа как масса имеет свою психологию и свою идеологию.

2. В узком смысле это некое скопище людей, неформальная временная социальная группа, иногда достигающая нескольких тысяч человек, которая тогда составляет уже большую толпу.

Между этими двумя социальными явлениями — толпой как массой и толпой как скопищем людей — существует тесная социально-психологическая связь. Психология и идеология первого могут передаваться, даже диктоваться второму и провоцировать его на бесчеловечные поступки. Так, антисемитская пропаганда нацизма толкала отдельные группы людей на еврейские погромы; объявленная маоистами великая пролетарская культурная революция стимулировала расправы над китайскими интеллигентами.

Если исключить религию, масса, как и толпа, лишена духовности и не преследует духовные цели. Толпа же религиозных

фанатиков, готовая разорвать на части любого, кого сочтет врагом своей религии, в сущности, заботится как раз не о ней, а о себе. Преследуя и унижая религиозных врагов, ненависть к которым ее объединяет и спланирует, она защищает сама себя. Толпа фанатиков (любых!) не способна к рассуждению, но если, фантазируя, приписать ей эту невероятную для нее способность, она должна прийти к выводу, что отстаивает то, что является фундаментом ее бытия. Поэтому масса и толпа как скопище склонны к экстремизму и его разновидности – терроризму, которым они готовы служить людьми и материальными средствами, отдавать им все свои симпатии и эмоции.

Толпа как скопище людей – больше психологическое, чем социальное образование. Она отрицает общечеловеческие ценности, а мотивация ее поведения бессознательна, поскольку от нее всегда ускользает внутренний смысл поступков. Толпу преследуют не в любом обществе, в тоталитарном ее даже поощряют, направляют, ставят перед ней конкретные задачи. Она имеет своих представителей и защитников в массе, среди элиты, даже в государственной власти, особенно если действует длительное время. Велики и значительны связи толпы среди одобряющего большинства. Она нередко выступает в качестве представителя этого большинства, например в националистических или политических эксцессах.

Чтобы понять некоторые экстремистские проявления, в частности погромные действия футбольных фанатов, необходимо обратиться к феномену психологии толпы. Разумеется, к погромам прибегают не только те, кого трудно назвать болельщиками, а психология толпы проявляет себя и в других ее действиях.

Представление о толпе обычно рождается из личного опыта людей. Практически каждый либо бывал в толпе, либо видел ее поведение со стороны. Иногда, поддавшись простому человеческому любопытству, люди присоединяются к группе, рассматривающей что-либо или обсуждающей какое-то событие. Возрастая количественно, заражаясь общим настроением и интересом, они постепенно превращаются в нестройное, неорганизованное скопление, или толпу.

Толпа – это группа, в которой люди находятся в состоянии взаимного внушающего воздействия. Они стремятся подчеркнуть то, что их сближает, то, что у них было общего до встречи. Каждый из них сводит к минимуму свое личностное начало, которое

могло бы привести к риску противостояния. С. Московичи отмечал, что в ходе контактов и взаимодействий они все больше и больше стирают, сглаживают сознательную часть, разделяющую их и делающую непохожими друг на друга. Психическое единство толпы, являющееся результатом этого, не имеет иного интеллектуального или эмоционального содержания, как именно это бессознательное, вошедшее в дух и тело людей. Если мышление индивидов суть критическое, то есть логическое, использующее идеи—понятия, в большинстве своем абстрактные, то, напротив, мышление толпы автоматически. В нем господствуют стереотипные ассоциации, клише, глубоко сидящие в памяти. Толпа пользуется конкретными образами. Московичи ссылается на Г. Лебона, который повторял в различных вариантах, что массы неспособны к абстрактным суждениям. Бесполезно, следовательно, обращаться к ним, зывая к качеству, которым они не обладают²⁰⁶.

Мышление толпы, отмечает Московичи, — это всегда мышление уже видимого и уже известного. Вот почему, когда мы попадаем, как рыбы, в сеть толпы и начинаем грезить наяву, идеи проникают в наше сознание в виде конкретных схем, клише и других представлений²⁰⁷.

Толпа — бесструктурное скопление людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но взаимно связанных сходством эмоциональных состояний и общим объектом внимания. Определение «толпа» вошло в социальную психологию в период мощного революционного подъема масс в конце XIX — начале XX века. Под толпой психологи в то время понимали главным образом слабо организованные выступления трудящихся против эксплуататоров.

Весьма образное определение толпы в «Психологии народов и масс» дал Г. Лебон: «Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю». Там же он писал, что каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятий, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности.

При объединении малых групп, состоящих из индивидов, которые негодуют по определенному поводу, в достаточно большую резко возрастает вероятность проявления стихийного, иногда дес-

труктивного поведения. Последнее может быть направлено на выражение испытываемых людьми чувств, оценок и мнений либо на изменение ситуации через действие. Очень часто субъектом такого стихийного поведения оказывается толпа, которая требует, негодует, поддерживает или опровергает, выступает как сила, с которой во многих ситуациях необходимо считаться или во всяком случае реагировать каким-то образом, например, если ее действия носят разрушительный характер.

Нередко требования толпы расцениваются политиками как глас народа. Это мы хорошо помним из собственной отечественной истории, когда в 30-е годы прошлого века толпы, инициированные преступными вождями, требовали смерти «врагов народа».

Толпой как субъектом массовых форм внеколлективного поведения часто становятся следующие сообщества:

- публика, под которой понимают большую группу людей, возникающую на основе общих интересов, часто без какой-либо организации, но обязательно в ситуации, затрагивающей общие интересы и допускающей рациональное обсуждение;

- контактная, внешне неорганизованная общность, действующая крайне эмоционально и единодушно;

- совокупность индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу и не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, но связанных каким-либо общим более или менее постоянным интересом.

Таковыми оказываются массовые увлечения, массовая истерия, массовые миграции, массовый патриотический или лжепатриотический угар.

В массовых формах внеколлективного поведения большую роль играют неосознанные (бессознательные) процессы. На основе эмоционального возбуждения возникают стихийные действия в связи с какими-либо впечатляющими событиями, затрагивающие главные ценности людей в ходе, например, их борьбы за свои интересы и права. Таковыми были многочисленные медные или соляные бунты городской и крестьянской голытьбы в русском средневековье или бунтарские выступления английских луддистов, выразившиеся в уничтожении машин, лишённые ясного идеологического контекста и четко осознаваемых целей совершаемых действий.

Основные механизмы формирования толпы и развития ее специфических качеств — это циркулярная реакция (нарастающее вза-

имонаправленное эмоциональное заражение), а также слухи. Ядром толпы, или зачинщиками, выступают субъекты, задача которых — сформировать толпу и использовать ее разрушительную энергию в поставленных целях. Участники толпы — это субъекты, примкнувшие к ней вследствие идентификации своих ценностных ориентаций с направлением действий толпы. Они не зачинщики, но оказываются в сфере влияния толпы и активно участвуют в ее действиях. Особую опасность представляют агрессивные личности, которые примыкают к толпе исключительно из-за появившейся возможности дать разрядку своим невротическим наклонностям, нередко садистским. Другую разновидность участников толпы составляют те, кто преследует свои корыстные, в том числе преступные, цели, например, что-нибудь украсть во время погрома.

В среду участников толпы попадают и добросовестно заблуждающиеся. Эти субъекты присоединяются к толпе из-за ошибочного восприятия обстановки, они подвижны, в частности, ложно понятым принципом справедливости. Такими были немецкие обыватели в «хрустальную ночь», искренне поверившие Гитлеру, что евреи являются врагами народа Германии.

К толпе примыкают и другие обыватели. Они не проявляют большой активности. Их привлекает эксцесс в качестве волнующего зрелища, которое разнообразит их скучное, унылое существование.

В толпе находят себе место повышенно внушаемые люди, поддающиеся общему заражающему настроению. Они без сопротивления отдаются во власть стихийных явлений, многие не без надежды на то, что в толпе и ее действиях найдут выход разпирающим их эмоциям.

Участниками толпы оказываются и просто любопытные, наблюдающие со стороны. Они не вмешиваются в ход событий, однако их присутствие увеличивает массовость и усиливает влияние стихии толпы на поведение ее участников. Они как бы вдохновляют последних, поэтому результаты действий толпы могут быть еще более опасными.

Как и любое другое социальное явление, толпу можно классифицировать по различным основаниям. Если за основу классификации взять такой признак как управляемость, исследователи выделяют следующие виды толпы.

Стихийная толпа формируется и проявляется без какого-либо организующего начала со стороны конкретного физического лица, государственной или общественной организации.

Ведомая толпа формируется и проявляется под воздействием с самого начала или впоследствии конкретного физического лица, являющегося в данной толпе лидером. Он определяет ее направленности способы поведения.

Организованная толпа. Эту разновидность ввел Ле Бон, рассматривая в качестве толпы и собрание индивидов, вступивших на путь организации, и организованную толпу. Можно сказать, что он подчас не делает разницы между толпой организованной и неорганизованной, хотя согласиться с таким подходом трудно. Если какая-либо общность людей организована, следовательно, в ней имеются структуры управления и подчинения. Это уже не толпа, а формирование. В частности, отделение солдат, пока в нем есть командир, — это не толпа.

Если за основу классификации толпы взять характер поведения в ней людей, можно выделить несколько ее типов и подтипов.

Окказиональная (ситуативная) толпа образуется на основе любопытства к неожиданно возникшему происшествию (дорожная авария, пожар, драка и т.п.). Она может быть как пассивной, так и весьма активной, оказывая, например, кому-либо помощь.

Конвенциональная толпа образуется на основе интереса к какому-либо заранее объявленному массовому развлечению, зрелищу или по иному социально значимому конкретному поводу. Готова лишь временно следовать достаточно диффузным нормам поведения, но, если временное существование преобразуется в постоянное, кто-то из ее членов сможет обрести там место.

Экспрессивная толпа формируется, как конвенциональная толпа. В ней совместно выражается общее отношение к какому-либо событию (радость, энтузиазм, возмущение, протест и т.п.), например к спортивному состязанию.

Экстатическая толпа представляет собой крайнюю форму экспрессивной толпы. Характеризуется состоянием общего экстаза на основе взаимного ритмически нарастающего заражения (массовые религиозные ритуалы, карнавалы, рок-концерты и т.п.).

Ле Бон различал виды толпы по признаку гомогенности: разнородная, анонимная (например, уличная), персонифицированная (парламентское собрание), однородная, секты, касты, классы. Современные представления о типологии толпы несколько отличаются от взглядов Ле Бона. Об организованной толпе уже шла речь выше. Так же сложно рассматривать в качестве толпы персонифици-

рованное собрание людей типа производственного совещания, парламентского собрания, суда присяжных (Ле Бон относит эти образования к категории «толпа»), которые потенциально могут превратиться в толпу, но изначально таковой не являются. Классы тоже трудно отнести к разрядам толпы, особенно если иметь в виду большую группу людей, занимающих свое особое место в процессе общественного производства.

Есть все основания думать, что все-таки одним из основных системообразующих признаков толпы является ее стихийность, но следует подчеркнуть, что она вполне может быть организована.

Толпа обладает и другими психологическими особенностями, знание которых поможет понять механизм ее преступного поведения.

В психологической структуре этого образования можно выделить когнитивный, эмоционально-волевой, темпераментальный и моральный аспекты.

Важными психологическими характеристиками толпы являются ее бессознательность, инстинктивность и импульсивность. Если даже один человек довольно слабо поддается посылам разума, а потому большую часть поступков в жизни совершает благодаря эмоциональным, порой совершенно слепым, импульсам, то толпа живет исключительно чувством, а чаще эмоциями и примитивными влечениями, логика ей противна. Вступает в действие неуправляемый стадный инстинкт, особенно когда ситуация экстремальна, когда нет лидера и никто не выкрикивает сдерживающие слова команд. Разнородное в каждом из индивидов — частице толпы — утопает в однородном, и верх берут бессознательные качества. Общие черты характера, управляемые бессознательным, соединяются в толпе вместе. Изолированный индивид обладает способностью подавлять бессознательные рефлексы, в то время как толпа этой способности не имеет.

У толпы сильно развита способность к воображению, фантазированию и мифологизированию. Она очень восприимчива к впечатлениям. Образы, поражающие воображение толпы, всегда бывают простыми и ясными, как и истины, однозначные и плоские, усваиваемые ею. Вызванные в коллективном уме толпы кем-либо образы, представления о каком-нибудь событии или случае по своей живости почти равны реальным образам. Не факты сами по себе поражают воображение толпы, а то, как они предъясняются ей. Она не требует доказательств сообщаемых фактов, ей достаточно, что они доводятся до ее сведения.

Еще один очень важный эффект толпы — коллективные галлюцинации. В воображении людей, собравшихся в толпе, события претерпевают искажения. Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении виртуальный образ, в свою очередь, вызывает другие, той же природы, причем они могут не иметь никакой логической связи с первым. Толпа не отделяет субъективное от объективного. Она считает реальными образы, вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдаленную связь с наблюдаемым ею фактом. Толпа, способная мыслить исключительно образами, восприимчива только к образам.

Толпа не рассуждает и не обдумывает. Она принимает или отбрасывает идеи целиком, не будучи способной их расчленять и анализировать по частям. Она не переносит ни споров, ни противоречий. Рассуждения толпы основываются на ассоциациях, но они связаны между собой лишь кажущейся аналогией и последовательностью. Толпа способна воспринимать лишь те идеи, которые упрощены до предела. Суждения толпы всегда навязаны ей и никогда не бывают результатом собственного всестороннего обсуждения. Если бы она была способна обсуждать, тем более здраво и взвешенно, это была бы уже не толпа.

Толпа никогда не стремится к правде. Она отворачивается от очевидности, которая ей не нравится, и предпочитает поклоняться заблуждениям и иллюзиям, если только они прельщают ее, соответствуют тем разжеванным истинам, которые она уже поглотила. Для толпы, не способной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует ничего невероятного, однако невероятное то и поражает сильнее всего. Толпа верит в него, особенно, если невероятное исходит от авторитетного человека, которому она привыкла подчиняться. Толпа легко может поверить в то, что переживаемые страной трудности возникают только из-за происков зарубежных врагов или заполонивших ее инородцев.

Обычно в толпе нет предумышленности. Она может последовательно пережить и пройти всю гамму противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под влиянием возбуждения минуты, не отдавая себе отчет в имеющихся противоречиях. Ассоциация разнородных идей, имеющих лишь кажущееся отношение друг к другу, и немедленное обобщение частных случаев — вот характерные черты рассуждений толпы. Она постоянно подпадает под влияние иллюзий. Некоторые важные особенности мышления толпы следует выделить особо.

Так, она, не испытывая никаких сомнений относительно того, что есть истина и что есть заблуждение, выражает такую же авторитарность в своих суждениях, как и нетерпимость. Отсюда решительность в действиях толпы, когда, например, она расправляется с представителем чужой нации или расы.

Будучи в основе своей чрезвычайно консервативной, толпа питает глубокое отвращение ко всем новшествам и испытывает безграничное благоговение перед традициями, в частности ненависти к тем же «чужим». Она находится как бы под гипнозом — ситуации, вождя или лидера, внушенной ей идеи, самой себя. Самое опасное и самое существенное в психологии толпы — восприимчивость к внушению, которое часто трансформируется в ее цель. В то же время всякое мнение, идею или верование, внушенные толпе, она принимает или отвергает целиком и относится к ним либо как к абсолютным истинам, либо как к абсолютным заблуждениям.

Очень часто источником внушения в толпе выступает иллюзия, рожденная у одного какого-нибудь индивида благодаря более или менее смутным воспоминаниям либо намеренно вброшенная ей некоей группой, организацией или властью. Вызванное представление становится ядром для дальнейшей кристаллизации, заполняющей всю область того, что условно можно назвать разумом толпы, и парализующей всякие критические способности.

Толпе очень легко внушить, например, чувство обожания, заставляющее ее находить счастье в фанатизме, подчинении, и готовность жертвовать собой ради идола. Мы это часто видели в обожании, доходившем до обожествления коммунистических лидеров.

Как бы ни была нейтральна толпа, часто она все-таки находится в состоянии выжидательного внимания, которое облегчает внушение. Рождение легенд, легко распространяющихся в толпе, обуславливается ее легковерием. Одинаковое направление чувств определяется внушением. Как у всех существ, находящихся под влиянием внушения, идея, овладевшая умом, стремится выразиться в действии. Невозможного для толпы не существует. Часто реализацию невозможного она делегирует своим вождям, веря в их сверхъестественные способности.

Человек склонен к подражанию. Мнения и верования распространяются в толпе путем заражения и подражания. Другими словами, в толпе имеет место такое социально-психологическое явление как эмоциональный резонанс. Люди, участвующие в эксцессе,

не просто соседствуют друг с другом, заражают окружающих и сами заражаются от них. Термин «резонанс» к такому явлению применяется потому, что участники толпы при обмене эмоциональными зарядами постепенно накаляют общее настроение до такой степени, что происходит эмоциональный взрыв, с трудом контролируемый сознанием. Наступлению эмоционального взрыва способствуют определенные психологические условия поведения личности в толпе.

Чувства и идеи отдельных лиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Рождается коллективная душа, имеющая, правда, временный характер. Толпе преимущественно знакомы простые и крайние чувства.

Различные импульсы, которым она повинуется, могут быть, смотря по внешним обстоятельствам, содержанию, направленности и силе возбуждения, великодушными или злыми, героическими или трусливыми, но они обычно настолько сильны, что никакой личный интерес, даже чувство самосохранения, а тем более справедливости, не в состоянии их подавить.

В толпе преувеличение чувства обуславливается тем, что само это чувство, доброе или злое, распространяясь очень быстро посредством внушения и заражения, вызывает всеобщее порицание или одобрение, которые в значительной мере содействуют возрастанию его силы. Эмоции и сила чувств толпы еще более увеличиваются из-за отсутствия ответственности. Уверенность в безнаказанности (тем более сильная, чем многочисленнее толпа) и сознание значительного (хотя и временного) могущества дают возможность скопицам людей проявлять такие чувства и совершать такие действия, которые просто немыслимы и невозможны для отдельного человека. Какими бы ни были чувства толпы, хорошими или дурными, характерной их чертой является односторонность. Односторонность и преувеличение чувств толпы ведут к тому, что она не ведает ни сомнений, ни колебаний.

Криминологию в первую очередь интересуют те силы толпы, которые направлены лишь на разрушение. Инстинкты разрушительной свирепости дремлют в глубине души многих людей. Поддаваться этим инстинктам опасно для изолированного индивида, но, находясь в безответственной толпе, где ему обеспечена безнаказанность, где он часто действует анонимно, человек может свободно следовать велению своих инстинктов. В толпе малейшее пререкание или прекословие со стороны какого-либо несогласного немед-

ленно вызывает яростные крики, бурные ругательства и даже побои. Нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, — ярость. Толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения. Крушащая, уличающая или громящая, толпа создается главным образом на базе противопоставления данной общности объекту недовольства. Толпу делает общностью именно то, что «против нее». Это, конечно, не слепая ненависть ко всему, с чем люди себя не идентифицируют. Тем не менее в толпе противопоставление «мы» и «они» достигает социально значимой, нередко весьма опасной величины.

У толпы отсутствует критическое отношение к себе и присутствует нарциссизм — «мы» безупречны, во всем виноваты «они». «Они» отливаются в образ врага. Толпа считается только с силой, и доброта ее мало трогает. Для толпы доброта — одна из форм слабости. Очень ярко это проявляется в групповом насилии против представителей других наций или рас, которые всегда являются врагами. Если толпа небольшая, личный интерес каждого может быть могущественным двигателем, в то время как и у отдельного человека он стоит на первом месте. Хотя все желания толпы бывают очень страстными, они все же продолжаются недолго, и толпа так же мало способна проявить настойчивую волю, как и рассудительность.

В толпе нередко рождается невероятная жестокость, подстрекаемая демагогами и провокаторами. Безответственность позволяет толпе топтать слабых и преклоняться перед сильными. Агрессивность толпы, часто превращаясь в жестокость, всегда проявляется в физической активности и диффузности. Стремление немедленно превратить в действия внушенные идеи — ее характерный признак. Возбудители, которые действуют на повинующуюся им толпу, весьма разнообразны — этим объясняется ее чрезвычайная изменчивость. Над прочно установившимися верованиями толпы лежит поверхностный слой мнений, идей и мыслей, постоянно нарождающихся и исчезающих. Мнение толпы непостоянно.

Отсутствие ясных целей и диффузность структуры порождают наиболее важное свойство толпы — легкую превращаемость из одного вида (или подвида) в другой. Такие превращения часто происходят спонтанно. Знание их типичных закономерностей и механизмов позволяет манипулировать ее поведением в авантюристических целях либо в целях сознательного предотвращения ее особо опасных действий.

В толпе индивид приобретает ряд специфических психологических особенностей, которые могут быть ему совершенно не свойственны, если он пребывает в изолированном состоянии. Эти особенности оказывают самое непосредственное влияние на поведение человека в стихийном скопище людей.

Человека в толпе характеризуют следующие черты.

Анонимность. Немаловажная особенность самовосприятия индивида в толпе – ощущение собственной анонимности. Затерявшись в безликой массе, поступая, «как все», человек перестает отвечать за свои поступки. Он, не отдавая себе в этом отчет, уже не ощущает себя источником своих действий. Отсюда и та жестокость, которая обычно сопровождает действия агрессивной толпы. Участник толпы оказывается в ней как бы безымянным. Это создает ложное ощущение независимости от организационных связей, которыми человек, где бы он ни находился, включен в трудовой коллектив, семью и другие социальные общности.

Инстинктивность. В толпе индивид отдает себя во власть таким инстинктам, которым никогда, будучи в иных ситуациях, не даст волю. Этому способствуют анонимность и безответственность индивида в толпе. У него уменьшается способность к рациональной переработке воспринимаемой информации. Умение наблюдать и критиковать, существующее у изолированных индивидов, в толпе полностью исчезает.

Бессознательность. В толпе сознательная личность исчезает, растворяется. Преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление немедленно превратить в действие внушенные идеи характерно для индивида в толпе. Немаловажно отметить, что отдельный человек не контролирует не только себя, но и других тоже.

Состояние единения (ассоциации). В толпе индивид чувствует силу человеческой ассоциации, которая влияет на него своим присутствием. Воздействие этой силы выражается либо в поддержке и усилении, либо в сдерживании и подавлении индивидуального поведения человека. Известно, что люди в толпе, ощущая психическое давление присутствующих, могут сделать (или, наоборот, не сделать) то, чего они никогда бы не сделали (или, напротив, что непременно сделали бы) при иных обстоятельствах. Например, человек не может оказать, без ущерба для собственной безопасности, помощь жертве при враждебном отношении к этой жертве самой толпы.

Ле Бон отмечал такой поразительный факт, наблюдающийся в толпе: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, их образ жизни, занятия, характер, ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем чувствовал, думал и действовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет временный организм, слившийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе.

Индивид, пробыв некоторое время среди действующей толпы, впадает в такое состояние, которое напоминает состояние загнипнотизированного субъекта, что отмечали Ле Бон, Московичи и другие исследователи психологии толпы. Он уже не осознает свои поступки. У него, как у загнипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения, приобретаемого в толпе, индивид может совершать действия с неудержимой стремительностью, которая к тому же возрастает, поскольку влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается силой взаимности.

Индивид в толпе приобретает сознание неодолимой силы благодаря одной только численности. Это сознание позволяет ему поддаться скрытым инстинктам: он не склонен их обуздывать именно потому, что толпа анонимна и ни за что не отвечает. Чувство ответственности, обычно сдерживающее отдельных индивидов, в толпе исчезает — здесь понятия о невозможности не существует, или, во всяком случае, об этом никто не задумывается.

Заражаемость. В толпе любое действие заразительно до такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу толпы. Подобное поведение противоречит самой человеческой природе, и потому человек оказывается способен на него лишь тогда, когда составляет частицу толпы. Здесь полностью стираются индивидуальные черты людей, исчезают их оригинальность и личностная неповторимость.

Психическая надстройка каждой личности утрачивается, и вскрывается и выходит на поверхность аморфная однородность. Поведение индивида в толпе обуславливается одинаковыми установками, побуждениями и взаимной стимуляцией. Не замечая от-

тенков, индивид в толпе воспринимает все впечатления в целом и не знает никаких переходов.

Социальная деградация. Становясь частицей толпы, человек как бы опускается в своем развитии на несколько ступеней ниже. В изолированном положении — обычной жизни — он скорее всего был культурным человеком, в толпе же это варвар, то есть существо инстинктивное. В толпе у индивида обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости. У человека в толпе снижается и интеллектуальная деятельность. Для него также характерна повышенная эмоциональность восприятия всего, что он видит и слышит вокруг.

В поведении толпы проявляются как идеологические влияния, с помощью которых готовятся определенные действия, так и изменения в психических состояниях, происходящие под воздействием каких-либо конкретных событий или информации о них. В действиях толпы стыкуются и практически реализуются идеологические и социально-психологические влияния, они взаимно проникают в реальное поведение людей. Естественно, что на толпу влияет вся масса, та сила, которая нередко ее организует и направляет.

Совместные чувства, воля, настроения оказываются в толпе эмоционально и идеологически окрашенными и многократно усиливаются. Обстановка массовой истерии служит фоном, на котором разворачиваются действия, нередко самые трагические. Одним из видов поведения толпы является паника — эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка и проявляющееся в импульсивных действиях. Факторы, способные вызвать панику, многообразны. Их природа может быть физиологической, психологической и социально-психологической. Известны случаи возникновения паники в повседневной жизни как следствие катастроф и стихийных бедствий. При панике людьми движет безотчетный страх. Они утрачивают самообладание, солидарность, мечутся, не видят выхода из ситуации.

Особенно сильно влияют на поведение толпы следующие факторы.

1. Суеверие — упрочившееся ложное мнение, возникающее под влиянием страха, пережитого человеком. Впрочем, может иметь место суеверный страх, причины которого не осознаются. Многие суеверия связаны с верой во что-либо. Им подвержены самые раз-

ные люди, вне зависимости от уровня образования и культуры. По большей части суеверие основано на страхе, оно многократно усиливается в толпе.

2. Иллюзия – разновидность ложного знания, традиции или обычая, закрепившегося в общественном мнении. Она может быть результатом обмана органа чувств. В данном контексте речь идет об иллюзиях, относящихся к восприятию социальной действительности. Социальная иллюзия суть своего рода эрзац – подобие реальности, создаваемое в воображении человека вместо подлинного знания, которое он почему-то не приемлет. В конечном счете основа иллюзии – незнание, которое может дать самые неожиданные и нежелательные эффекты, когда проявляется в толпе.

3. Предрассудок – ложное знание, превратившееся в убеждение, точнее в предубеждение. Предрассудки активны, агрессивны, напористы, отчаянно сопротивляются подлинному знанию. Это сопротивление до такой степени слепо, что толпа не приемлет никаких аргументов, противоречащих предрассудкам. Они являются могучим источником активности толпы.

Психологическая природа предрассудков состоит в том, что память человека запечатлевает не просто мнение (знание), она сохраняет и сопровождающее данное знание, чувство, эмоцию, отношение. Вследствие этого память весьма избирательна. Факты и события, противоречащие определенному мнению, не всегда анализируются на уровне сознания. И конечно, они отбрасываются под влиянием эмоций, которые обычно переполняют, захлестывают толпу. В случаях, когда распространенные стереотипы общественного мнения перенасыщаются эмоциями, возможно возникновение массового психоза, во время которого люди способны совершать самые безрассудные поступки, перестают отдавать себе отчет во всех последствиях своих действий.

Факторы, определяющие характер мнений и верований толпы, бывают двоякого рода: непосредственные и отдаленные. Непосредственные факторы, влияющие на толпу, действуют уже на подготовленной отдаленными факторами почве – без этого они не имели бы столь сокрушительных результатов, которыми нередко поражает беснующаяся толпа. Факторы, способные впечатлять и саму толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к рассудку.

Часто поведение толпы определяется наличием или отсутствием в ней лидера. Лидер в толпе может объявиться в результате стихий-

ного выбора, а нередко и в порядке самоназначения. Самозванный лидер обычно подлаживается под настроения и чувства людей толпы и сравнительно легко может побудить ее участников к поведению определенного типа. В других случаях он назначается властью, хотя это тщательно скрывается.

Любое скопление индивидов инстинктивно подчиняется власти вождя. Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее — бог. В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения. Толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином. Это древнейшее влечение, архетип, устоявшийся веками. Вождь почти всегда мифологизирован.

Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил. Всегда готовая восстать против слабой власти, толпа раболепствует и преклоняется перед властью сильной. Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется своими собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству. Тут лидер или вождь может начать свою религиозную либо политическую карьеру. Он должен учитывать, что толпа столь нетерпима, сколь и доверчива в отношении авторитета. Она уважает силу и мало поддается воздействию доброты, означающей для нее лишь своего рода слабость. Толпа требует от своего героя силы и даже насилия, хочет, чтобы ею владели, ее подавляли. Она жаждет бояться своего властелина. Власть вожаков очень деспотична, но именно деспотизм и заставляет толпу подчиняться. Гитлер и Сталин это блестяще продемонстрировали.

В толпе людей лидер часто бывает только вожаком, но тем не менее роль его значительна. Его воля — это ядро, вокруг которого кристаллизируются и объединяются мнения. Роль вожаков состоит главным образом в том, чтобы создать веру, все равно какую. Именно этим объясняется их большое влияние на толпу. Однако власть вожаков, особенно по сравнению с вождями, временна и подвержена разным случайностям. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на грани безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они объявляют и защищают, и цель, к которой стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Есть и еще одно качество, обыкновенно отличающее вожаков толпы: они не принадлежат к числу мыслителей — это люди действия. Однако они

могут выдавать себя за мыслителей или духовных вождей, даже за спасителей, и в этом качестве они очень опасны. В таких ипостасях вожаки часто выступают в религиозных сектах, которые способны на самые эксцентричные поступки.

Среди вожаков выделяются люди энергичные, с сильной, но появляющейся у них лишь на короткое время волей, а также обладающие сильной и в то же время стойкой волей, готовые управлять толпой длительное время. Один из важных факторов, определяющих влияние лидера на толпу, – его обаяние. Оно может складываться из восхищения и страха. Обаяние не зависит ни от титула, ни от власти. Оно основывается на личном превосходстве, военной славе, религиозном страхе, но не только на этом. В природе обаяния участвует множество факторов, и одним из самых главных всегда был и остается успех. Он особенно важен в случае длительного управления толпой и обязательно должен быть у вождя.

Механизмами массового поведения может воспользоваться политик с любыми взглядами и любого морального уровня. В таких случаях толпа становится игрушкой в руках лидера. Обычно люди, жаждущие вести за собой толпу, интуитивно владеют приемами воздействия на нее. Они знают: чтобы убедить толпу, сначала нужно понять, какие чувства ее воодушевляют, притвориться, что разделяешь их, а затем вызвать в воображении толпы прельщающие ее образы. Толпе всегда надо предъявлять какие-либо идеи в цельных образах, не указывая на их происхождение. Оратор, желающий увлечь толпу, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями – вот способы аргументации для толпы.

Не каждый вождь бывает оратором, особенно если он управляет массой (например, Сталин). В речи оратора утверждение тогда лишь воздействует на толпу, когда многократно повторяется в одних и тех же выражениях: в таком случае идея внедряется в умы так прочно, что в конце концов воспринимается как доказанная истина, а затем врезается в самые глубокие области бессознательного. Этот прием также вполне успешно применяется лидерами или вожаками толпы.

Глава 6. Уголовно-правовые проблемы экстремизма

6.1. Общие проблемы уголовной ответственности за экстремистские преступления

Статья 19 Конституции Российской Федерации гласит: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». В ч. 2 ст. 29 Конституции содержится норма, согласно которой «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового национального, религиозного или языкового превосходства».

Проблема экстремизма, значительно обострившаяся под влиянием имеющего места кризиса этнических и правовых ценностей разной степени интенсивности, существует практически во всех современных государствах, в том числе в России.

Экстремизм в нашей стране появился давно, с народовольцами, эсерами и большевиками, и до сих пор является одной из наиболее острых проблем. Сохранился он и в постсоветской России, хотя во многом с новым содержанием. Естественно, сразу появились меры противодействия ему. Так, в указе Президента Российской Федерации № 310 от 23 марта 1995 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» (с изменениями от 3 ноября 2004 г.) обращается внимание на то, что в нашей стране участились случаи разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни, распространения идей фашизма. Антикон-

ституционная деятельность экстремистски настроенных лиц и объединений приобрела широкие масштабы еще в 90-е годы прошлого столетия.

Экстремизм – крайне опасное явление в жизни любого общества. Он создает угрозу основам конституционного строя, ведет к попранию конституционных прав и свобод человека и гражданина, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации. В нашей многонациональной и многоконфессиональной стране с огромным разрывом между бедными и богатыми это может привести к глубоким социальным потрясениям, даже глобальному взрыву.

Экстремизм в России достаточно разнообразен – от возбуждения гражданской ненависти или вражды до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, очень часто прибегающих к террору. Между тем и как объект социологического анализа, и как уголовно-правовое явление экстремизм следует отличать от терроризма и преступлений террористического характера в целом. В широком смысле террористические проявления, как и геноцид, представляют собой крайние формы экстремизма.

Экстремизм как идеология нетерпимости, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе выражается в совершении публичных противоправных действий. Он несовместим с утверждаемыми Конституцией Российской Федерации основами государственной и общественной жизни, прямо посягает на права и интересы человека.

Общественная опасность экстремизма представляет угрозу не только национальной безопасности России, ее конституционному строю, территориальной целостности, но и международной стабильности.

Проявлениями экстремизма являются этносепаратистские конфликты и дискриминация национальных меньшинств, насильственные конфликты между представителями разных культур и вероисповеданий, между различными политическими движениями, а в целом между несовпадающими системами идеологических убеждений. Экстремистская нетерпимость отрицает этническое и религиозное многообразие, составляющее важнейший фактор исто-

рического развития России, подрывает принципы демократии, ведет к нарушению прав человека, угрожает стабильному существованию наций и социальных групп в российском обществе, препятствует достижению гражданского согласия, утверждению и развитию демократических ценностей.

Бесспорно, что без понимания уголовно-правовой природы этого негативного общественного явления трудно выбрать адекватные меры противодействия ему с помощью уголовной кары.

В России важное превентивное значение для противодействия различным формам экстремизма наряду с иными нормативными правовыми актами имеют нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)²⁰⁸, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ).

Криминализация перечисленных деяний вызвала разные отклики. Большинство специалистов уголовного права восприняли эти новеллы положительно, рассматривая их как первый шаг в направлении активизации уголовно-правового противодействия реально существующему экстремизму, но были высказаны и иные суждения. Например, В.В. Лунеев считает включение в УК РФ ст. 280, 282.1, 282.2 искусственной криминализацией политической и социальной мотивации, обусловленной лишь политическими соображениями и коррупционным лоббизмом. Этими статьями, по мнению В.В. Лунеева, политизируются хулиганство, вандализм, повреждение памятников «в целях нагнетания обстановки якобы растущего в стране экстремизма (чего не было даже в сталинские времена)»²⁰⁹.

Заметим по этому поводу, что любой акт хулиганства или вандализма ни в коем случае нельзя политизировать. Однако некоторые такие акты вполне могут носить экстремистский характер, например осквернение памятника герою национально-освободительного движения, который почитается данной национальной группой. То же самое можно сказать о надругательстве над могильными памятниками лиц еврейской национальности или участников Великой Отечественной войны.

Если обратиться к данным ГИАЦ МВД России, число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 280, 282.1,

282.2 УК РФ, невелико (табл. 14)²¹⁰. Однако, как нетрудно заметить, число экстремистских преступлений начиная с 2004 г. обнаруживает явную тенденцию к росту. Заметим также, что такие преступления отличаются высокой латентностью, многие из них и раньше маскировались, и сейчас маскируются под хулиганство, вандализм или преступления против личности.

Таблица 14

**Число зарегистрированных преступлений,
предусматривающих уголовную ответственность
по ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ за период с 1997 по 2007 г.**

Статья УК РФ	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
280	2	0	11	2	5	5	1	8	8	22	38
282.1	0	0	0	0	0	0	0	8	12	7	24
282.2	0	0	0	0	0	0	0	9	14	16	16

По другим данным, только в 2003–2006 гг. число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности увеличилось на 67%. По данным МВД РФ, в 2004 г. было совершено 130 актов экстремизма, а в первом полугодии 2008 г. – 250. В этот же период на почве национальной, религиозной и расовой нетерпимости совершено 19 убийств²¹¹.

Думается, что приведенные в таблице 14 абсолютные показатели зарегистрированных преступных деяний далеки от реальности, так как многие факты экстремистской деятельности не вызывают соответствующего реагирования со стороны государства и являются, как уже отмечалось, латентными.

Это в немалой степени обусловлено отсутствием четкого законодательного определения понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность», что, в свою очередь, вызывает трудности при квалификации. Недостаточно четкое законодательное разграничение организованных форм преступной деятельности также отрицательно сказывается на правоприменительной практике, порождая ее неустойчивость. Кроме того, сама структура размещения указанных статей, последовательность их изложения в главе 29 УК РФ представляется недостаточно обоснованной. Так, определение содержания понятия экстремистской деятельности, данное в ст. 282 УК РФ, во многих существенных деталях отличается от определения понятия

преступлений экстремистской направленности, которое дается в примечании п. 2 ст. 282.1 УК РФ. В примечании к ст. 282.1 УК РФ отсутствуют указания на политические мотивы, признак пола, совершение экстремистских действий публично или с использованием средств массовой информации.

За аналогичные преступления предусматривалась ответственность и в законодательстве советского периода. В частности, ст. 70 УК РСФСР предусматривала наказание за агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления советской власти, либо совершение отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого содержания. Несмотря на отдельные схожие моменты, отметим, не вдаваясь в анализ ст. 70 УК РСФСР, что они отличаются друг от друга не только названием, но отчасти и содержанием, а главное, своей направленностью.

Понятие экстремизма было дано в Федеральном законе № 114-ФЗ, затем в него вносились изменения 27 июля 2006 г., 10 мая и 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г., однако уголовная ответственность за экстремизм наступает не в соответствии с этими нормативными документами, а только на основании УК РФ. Мы не будем анализировать указанные законы, но отметим, что в них справедливо обращено внимание на то, что к числу экстремистских преступлений относятся все те, которые совершаются из экстремистских побуждений.

Согласно этому, экстремистскими могут быть названы следующие деяния:

- убийство – п. «л» ст. 105 УК РФ;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ;
- умышленное причинение средней тяжести – п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ;
- умышленное причинение легкого вреда здоровью – п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ;
- побои – п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ;
- истязание – п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ;
- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – ч. 2 ст. 119 УК РФ;

- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления – ч. 4 ст. 150 УК РФ;
- хулиганство – п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ;
- вандализм – ч. 2 ст. 214 УК РФ;
- надругательство над телами умерших и местами их захоронения – п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ.

Проанализируем уголовно-правовую характеристику ст. 280 УК РФ – «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Следует отметить, что объектом данного преступления являются конституционный строй Российской Федерации и общественная безопасность. Объективная сторона преступления характеризуется действиями – публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности.

Экстремистская деятельность может осуществляться с помощью экстремистских материалов. Под ними понимают предназначенные для обнаружения документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы²¹².

Изучение правоприменительной практики показывает, что серьезные трудности возникают при установлении такого признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, как призывы. В литературе этот вопрос также не нашел однозначного решения. Нельзя не согласиться с позицией С.Н. Фридинского, полагающего, что призывы – это «воздействие на сознание, волю и поведение людей с целью побудить их к совершению соответствующих действий или воздержаться от определенных действий»²¹³. Обоснованной также представляется точка зрения Т.А. Боголюбовой, понимающей под призывами «умышленную целенаправленную подстрекательскую деятельность виновного, который стремится таким образом воздействовать на сознание окружающих, формируя у них побуждения к определенному

виду поведения»²¹⁴. Вместе с тем указанные авторы оставляют без четкого ответа вопросы о форме выражения этого влияния, в частности, в каких грамматических конструкциях заключены призывы, какие лексические средства используются для их выражения, как отличить призыв от просьбы, пожелания, напутствия.

В какой-то мере соответствующие ответы можно найти в статье В.Н. Рябчука, отмечающего, что призывы — это воззвания и лозунги²¹⁵. Безусловно, необходимо обращать внимание на грамматическую форму, в которой заключено сообщение. В русском языке призывы, как правило, выражаются глаголами повелительного наклонения — «делай», «бей», «спасайте» и т.д.

В то же время наиболее типичными значениями сослагательного наклонения («хотелось бы», «было бы желательно») являются условность и желательность действия, а не призыв²¹⁶ к его совершению. Таким образом, любые публичные высказывания лица о целесообразности или возможности осуществления экстремистской деятельности, выраженные глаголами в форме сослагательного наклонения, не охватываются ст. 280 УК РФ.

В литературе высказывается мнение²¹⁷ о необходимости изменить диспозицию ч. 1 ст. 280 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Пропаганда осуществления экстремистской деятельности». Это обусловлено тем, что при изучении материалов следственных проверок призывы практически не встречаются, однако широко распространена пропаганда необходимости осуществления экстремистской деятельности. По мнению В.А. Бурковской, предложенная редакция охватывала бы более широкий круг деяний: призывы, любые побуждения к осуществлению экстремистской деятельности, объяснение ее необходимости, распространение экстремистских материалов и т.д., что повысило бы превентивный потенциал ст. 280 УК РФ. Кроме того, указанные изменения способствовали бы унификации следственной практики при разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 278, 279 и 280 УК РФ, а также упрощению процесса квалификации.

Законодатель ограничивает понятие «призывы» признаком публичности, что означает открытый, в присутствии публики, адресованный широкой аудитории и доведенный до нее характер призывов. Публичность как обязательное условие наступления уголовной ответственности по ст. 280 УК РФ означает, что призывы носят открытый, доступный для понимания характер и непосред-

ственно обращены к широкому кругу людей. Так, публичность предполагает, что лицо, совершающее преступление, гласно, демонстративно обращается к реальному адресату с определенной информацией, разжигающей вражду, ненависть к представителям иной расы, национальности, языка, конфессии, социальной группы, иного пола, происхождения, утверждающей превосходство его и ущербность другой нации, расы, религии, языка и т.д.

При этом не имеет ни малейшего значения, насколько или какая часть данной аудитории как реального адресата восприняла или разделяет предлагаемую позицию. Следует согласиться с мнением С.В. Дьякова, утверждающего, что арифметический подход в оценке признания или непризнания публичности неприемлем²¹⁸. В каждом конкретном случае вопрос должен решаться с учетом всех обстоятельств дела: места, времени, обстановки содержания, того, как воспринимала призывы присутствующая при этом публика. Вряд ли обосновано признание публичности таких призывов, которые воспринимаются лишь несколькими лицами — двумя или тремя.

По способу совершения действия, направленные на публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, могут быть вербальными (доклады, выступления по радио, телевидению, на митингах) и демонстративными (листовки, плакаты). Для квалификации деяния по ст. 280 УК РФ не имеет значения способ совершения преступления.

Преступление окончено в момент распространения призывов (например, вывешивания листовки в публичном месте) независимо от того, успел ли кто-нибудь с ними ознакомиться.

Приготовление к преступлению, в частности изготовление листовок, плакатов, подготовка произведений соответствующего содержания, не является уголовно наказуемым, так как законодатель отнес преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, к числу преступлений средней тяжести (в ст. 15 УК РФ).

По объективной стороне ст. 280 УК РФ несколько похожа на преступления группы, предусмотренные ст. 277–279, 282 УК РФ, а также на ряд преступлений против общественной безопасности (ст. 205, 205.2, 208, 212–214 УК РФ). Отличия заключаются в том, что последние статьи предусматривают ответственность за фактическое совершение описанных в них действий (например, в ст. 278 это насильственный захват власти или ее удержание, в ст. 279 — воо-

руженный мятеж, в ст. 213 – хулиганство и т.д.), совершенных самими виновными, а в ст. 280 – и за призывы к совершению тех же действий другими лицами. Однако они могут призывать к совершению и иных преступных деяний.

С уголовно-правовой точки зрения призывы – это вид подстрекательства, поэтому возникает вопрос об отграничении ст. 280 УК РФ от подстрекательства, которое следует квалифицировать как соучастие. Подстрекательство – это конкретное предложение участвовать в преступлении, призывы же носят общий характер. Если в призывах содержится склонение к совершению определенного насильственного преступления (например, террористического акта), содеянное квалифицируется как подстрекательство по ст. 33 и ст. 277 УК РФ.

Субъект преступления по ч. 1 и ч. 2 ст. 280 УК РФ – вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона рассматриваемого преступного деяния, как и по ч. 2 данной статьи, характеризуется виной в форме прямого умысла.

Необходимо отметить, что закон не указывает, в чем конкретно выражаются действия, подпадающие под понятие экстремистской деятельности, и в какой форме они осуществляются, поэтому установление цели и мотива рассматриваемого преступления (ст. 280 УК РФ) должно быть обязательным признаком субъективной стороны. Целями данного преступления являются возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды; унижение национального достоинства; пропаганда исключительности, превосходства своей группы, либо неполноценности других людей по признаку их национальной, половой, расовой, религиозной или иной социальной принадлежности. Мотивы преступления на квалификацию не влияют, чаще всего они могут носить националистическую, корыстную или религиозную окраску.

Часть 2 ст. 280 УК РФ (квалифицированный состав) предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации.

Признак публичности означает, что указанные деяния совершаются открыто, то есть в присутствии публики, и обращены к неопределенному кругу лиц, например во время проведения митингов, шествий, демонстраций или в местах скопления людей.

Публичность означает также призывы в средствах массовой информации.

Порядок проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования устанавливается в Федеральном законе № 54-ФЗ от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Согласно п. 1 ст. 16 «О противодействии экстремистской деятельности», при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования не допускается осуществление экстремистской деятельности.

Использование средств массовой информации при совершении указанного преступления предполагает распространение соответствующих взглядов по радио, на телевидении, в газетах, журналах, кино-, видеофильмах, по электронной почте и т.д. Согласно Закону РФ № 2124-1 от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» средством массовой информации является периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации. При осуществлении средствами массовой информации экстремистской деятельности, а также при распространении через средства массовой информации экстремистских материалов виновные привлекаются к ответственности, так как, согласно ст. 11 Федерального закона № 114-ФЗ, в Российской Федерации запрещаются распространение через средств массовой информации экстремистских материалов и осуществление с помощью этих средств экстремистской деятельности.

Статья 12 указанного закона содержит запрет на использование сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности. Согласно ст. 2 Федерального закона № 126-ФЗ от 7 июля 2003 г. «О связи» под сетью связи понимаются технологическую систему, включающую в себя средства и линии связи и предназначенную для электросвязи или почтовой связи. Сетями связи общего пользования являются Интернет, средства массовой информации (телевидение, радио), телефонная связь, почтовая связь и т.д. При использовании сетей связи общего пользования в целях осуществления экстремистской деятельности применяются меры, предусмотренные законом. Согласно ст. 68 указанного закона, лица, нарушившие законодательство Российской Федерации в области связи, несут не только уголовную, но и административную и гражданско-правовую ответственность.

При совершении преступления данным способом ответственности подлежат как авторы материалов, так и те, кто принимает решение о производстве и выпуске средства массовой информации (главные редакторы и лица, выполняющие их функции), а также непосредственные распространители (дикторы и т.д.).

К преступлениям экстремистского характера относится также возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, предусмотренное ст. 282 УК РФ.

Следует отметить, что в названии указанной нормы отсутствует прямое указание на экстремизм. Однако, если взять содержание диспозиций ч. 1 ст. 282 УК РФ, где указано, что «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе», и сравнить с содержанием примечания 2 ст. 281.1 УК РФ, где говорится, что «под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом “е” ч. 1 ст. 63 настоящего Кодекса», оба содержат в основном, но не во всем, те же признаки.

Содержащийся в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ способ совершения преступления («...совершенные публично или с использованием средств массовой информации») также совпадает с положением ч. 2 ст. 280 УК РФ, где говорится: «те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации».

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, состоит в активных действиях различной направленности. В частности, действия по возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды или ненависти или действия, направленные на унижение национального достоинства, публичная пропаганда исключительности, превосходства какой-либо религиозной, национальной или расовой принадлежности, пропаганда неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальности или расовой принадлежности, унижение достоинства человека в связи с его происхождением, принадлежностью к какой-либо

социальной группе, а также по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения.

Такие действия, как правило, могут совершаться как в отдельности, так и сочетаться между собой (например, пропаганда превосходства одной расы с унижением достоинства другой расы). Действия, возбуждающие национальную, расовую или религиозную вражду или ненависть, могут проявляться в различных видах противоправного поведения, в том числе призывах к насилию против лиц определенной расы, национальности, этнической и религиозной группы.

Как правило, действия, унижающие национальное, расовое достоинство, должны основываться не на личных качествах отдельных представителей унижаемой национальности или расы, а на обобщающих характеристиках национальности в целом, восприятию обобщающего образа данной расы, нации, религии или иной социальной группы.

Пропаганда исключительности, например, какой-либо религии может выражаться в признании ее единственно правильной, тогда как все другие религии являются ложными или враждебными. Такие случаи могут иметь место не только в отношении представителей других конфессий, но и относительно иных течений в одной и той же религии, в частности в исламе (шииты против суннитов), в христианстве (католики против протестантов) и т.д.

Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной и расовой принадлежности предполагает распространение в обществе таких идей и теорий, которые смогут сформировать у окружающих мнение либо о превосходстве определенной нации, либо о неполноценности лиц определенного вероисповедания. Под социальной группой понимают совокупность людей, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности, местом в производстве, распределении или (и) потреблении материальных и духовных благ. В отношении таких людей совершаются преступления экстремистского характера, в частности против стариков, инвалидов, представителей интеллигенции, попрошаек, проституток, лиц без определенного места жительства, бизнесменов, детей-беспризорников и т.д.

Ответственность за деяния, указанные в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ, наступает только в случаях, когда они совершаются публично или с использованием средства массовой информации.

Следует отметить, что состав данного преступления отсутствует, если такие разговоры или беседы относительно неполноценности какой-то нации, религии или социальной группы имеют место среди единомышленников. Исключается ответственность также за личную неприязнь в отношении к представителям определенной нации, расы или вероисповедания, если они не направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.

Согласно ч. 2 ст. 282 УК РФ, ответственность наступает, если деяния, указанные в ч. 1 данной статьи, совершаются, во-первых, с применением насилия или с угрозой его применения, во-вторых, лицом с использованием своего служебного положения и, в-третьих, организованной группой.

При этом применение физического насилия или угрозы его применения должно сопровождать действия по возбуждению национальной или религиозной вражды или унижение национального достоинства и религиозных чувств. В случае, если применение насилия было сопряжено с причинением тяжкого вреда здоровью хотя бы одного человека, содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 282 и ст. 111 УК РФ.

По мнению законодателя, использование своего служебного положения предполагает использование при совершении действий, предусмотренных в ч. 1 ст. 282 УК РФ, властных полномочий, или совершение указанных действий при исполнении служебных обязанностей, например представителями власти (должностными лицами, служащими органов законодательной или исполнительной власти, представителями правоохранительных органов), должностными лицами учреждений (образовательных, медицинских, социальных и т.д.), предприятий (заводов, фабрик), сотрудниками средств массовой информации и т.д.

Под действием, совершаемым организованной группой, понимают совершение указанных действий группой, которая состоит из двух или более лиц, предварительно объединившихся для совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. В таких случаях, как показывает практика, могут иметь место распределение ролей, разработка плана действий и т.д., что свидетельствует об устойчивом характере группы. Как известно, организованная группа является более опасной разновидностью соучастия с предварительным соглашением. Организованная группа отличается от других форм соучастия такими признаками как предварительный сговор и устойчивость.

Стихийное объединение нескольких лиц для совершения рассматриваемого деяния организованную группу не образует.

Субъектом указанного преступления может быть как лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста (общий субъект), так и специальное, то есть лицо, совершившее преступление с использованием своего служебного положения.

Состав данного преступления является формальным, и, соответственно, преступление считается оконченным с момента совершения любого из перечисленных в ст. 282 УК РФ действий.

6.2. Организационные проблемы уголовной ответственности за экстремистские преступления

Статья 282.1 УК РФ предусматривает ответственность за организацию экстремистского сообщества. В ч. 1 ст. 282.1 УК РФ устанавливается ответственность за создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, за руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также за создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Экстремистским сообществом является организованная группа лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ.

Обращает на себя внимание дискуссионность положений, связанных с исследованием непосредственного объекта состава преступления, содержащегося в ст. 282.1 УК РФ. Например, Н.В. Степанов считает, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, является нормальное функционирование государственной системы, а также безопасность государства и общества от преступных посягательств экстремистских организаций²¹⁹. В литературе непосредственный объект рассматриваемой нормы представлен в виде совокупности общественных

отношений по реализации конституционного запрета осуществления экстремистской деятельности.

Детально эта проблема была рассмотрена С.Н. Фридинским, который полагает, что организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) посягает не на один, а на несколько объектов. В связи с этим в качестве непосредственного объекта преступления он рассматривает общественные отношения по обеспечению стабильности государства, его устоев, а также территориальной целостности страны. Дополнительный объект преступления – личность, интересы различных групп (социальных, религиозных, национальных и т.д.), общественный порядок и нравственность²²⁰.

По мнению В.А. Бурковской, первый элемент непосредственного объекта преступления (ст. 282.1 УК РФ) – общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества (общественную безопасность), в том числе государства. Вторым элементом выступает общественное отношение, обеспечивающее безопасность нравственного и (или) духовного здоровья населения.

В.А. Бурковская отмечает, что уже само по себе создание организованной группы экстремистской направленности угрожает и более широкому кругу общественных отношений. К обязательным альтернативным дополнительным непосредственным объектам она относит общественные отношения по обеспечению: 1) прав и свобод человека и гражданина; 2) общественного порядка; 3) общественной нравственности; 4) идеологического многообразия, свободы слова и средств массовой информации; 5) конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной нетерпимости как одну из составляющих основ конституционного строя²²¹.

Думается, что в последних двух точках зрения наиболее полно и точно представлен непосредственный объект преступления, предусматривающего ответственность за организацию экстремистского сообщества. Необходимо отметить, что правильное понимание содержания объекта преступления имеет существенное значение для эффективной законотворческой и правоприменительной деятельности, что в конечном счете положительно сказывается на состоянии защищенности прав и свобод человека и гражданина.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, характеризуется следующими видами действий: 1) создание (организация) экстремистского сообщества; 2) руковод-

ство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями; 3) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества.

Создание (организация) экстремистского сообщества означает, что в результате организационной деятельности возникло общественное или религиозное объединение либо иная организация, имеющая задачей подготовку или совершение одного или нескольких преступлений экстремистской направленности. В отличие от положений ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ создание экстремистского сообщества предполагает цель совершения не только тяжких и особо тяжких преступлений, но и преступлений иных категорий.

В ст. 282.1 УК РФ понятие «преступное сообщество» употребляется как идентичное понятию «организованная группа».

Понятие организованной группы давно является предметом внимания ученых и практиков. В настоящее время действует несколько постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые называют признаки организованной группы. Например, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «...организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла»²²². Применительно к рассматриваемому преступлению организованная группа создается для совершения преступлений, отнесенных к числу экстремистских. Члены группы должны знать, для чего они объединяются, причем объединяет их общая идея неприятия других лиц, против интересов которых будут совершаться в последующем преступления.

Действия, не приведшие к созданию такой группы, могут рассматриваться лишь как приготовление к преступлению или покушение на его совершение. Например, если некто намеревается создать преступную группу и для этой цели собирает информацию о ее возможных участниках, в его действиях содержатся признаки приготовления к преступлению. Также следует квалифицировать сговор двух лиц о действиях по вовлечению других людей в преступную группу.

Представляется, что покушение на преступление будет иметь место в случае формирования группы, вербовки в нее лиц, которые могут стать исполнителями будущих преступлений, выполнять другие организационные действия: проведение совещаний, собраний с целью выработки плана действий на определенный период, определение и распределение обязанностей внутри группы, действия по поиску финансовых средств и т.д.

Преступление будет считаться оконченным, если группа лиц будет организационно оформлена и готова к совершению преступлений, указанных в примечании 2 ст. 282.1 УК РФ. Цель создания организованной группы – подготовка или совершение одного из преступлений, указанных в примечании 2 ст. 282.1 УК РФ. Таким образом, необязательно, чтобы организованная группа уже совершила одно из упомянутых ранее преступлений. Слово «подготовка» следует рассматривать как синоним слова «приготовление» к совершению преступления, признаки которого описаны в ч. 1 ст. 30 УК РФ.

Руководство экстремистским сообществом состоит в осуществлении управленческих и распорядительных функций в отношении участников сообщества, что может выражаться в следующем: определение направлений деятельности, разработка планов совершения конкретных преступлений экстремистской направленности, распределение обязанностей между членами экстремистского сообщества, вовлечение новых участников, поддержание внутригрупповой дисциплины и т.д. Осуществление руководства сообществом, созданным этим же лицом, не влияет на квалификацию действий такого лица, но должно быть отражено в формулировке обвинения и учтено при назначении наказания. Преступление в этой форме является оконченным с того момента, когда виновный реально начал осуществлять свои руководящие функции.

Р.Р. Галиакбаров под руководством предлагает понимать действия по объединению и направлению усилий остальных участников группы для достижения поставленных перед ней целей. Конкретно руководство выражается в наставлении рядовых участников и контроле за деятельностью группы. В отличие от создания руководство возможно только в рамках вполне сформировавшейся группы. Оповещение о месте и времени явки, приискание или предоставление помещения – это не организация²²³.

Руководство частью экстремистского сообщества или входящим в него структурным подразделением означает осуществление как

непосредственно, так и через посредников руководства частью или структурным подразделением преступного сообщества, например территориальной единицы (отряд, бригада, звено и т.п.), которая подчиняется единым планам и единой дисциплине. Оконченным преступлением такие действия являются с момента реального осуществления ограниченных руководящих полномочий, предоставленных виновному главарем (либо коллегиальным руководящим органом) экстремистского сообщества.

Создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества входит в понятие руководства экстремистским сообществом и означает, что образуется структура более высокого организационного уровня для координации действий всех организованных групп, представители или руководители которых в нее входят.

Цель образования такого объединения – разработка планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности. Разработка планов предполагает определение объектов, которые будут подвергаться посягательствам, установление места и времени их совершения, распределение сил, участников и средств, используемых при совершении преступлений, координацию действий между организованными группами или их частями (структурными подразделениями).

Следует согласиться с суждением В. Тюнина о том, что использование словосочетания «разработка условий» в ст. 282.1 УК РФ представляется неудачным. Правильнее было бы в ней записать «создание условий», имея в виду то, что еще нужно сделать для благоприятного хода преступлений, которые планируется совершить в будущем. Если отделить создание условий от разработки планов совершения преступлений, под таким созданием будет пониматься различная деятельность, обеспечивающая совершение преступления (преступлений). Это могут быть принятие решения о консолидации усилий с другими преступными и антиобщественными формированиями, определение источников финансирования, пропагандистская кампания среди населения и прочее. Настоящая редакция не дает основания понимать под термином «разработка условий» какие-то практические шаги, направленные на создание условий как приготовление к совершению преступлений, которые планируются²²⁴.

Думается, что анализируемая форма проявления объективной стороны является неудачной копией создания координационного центра различных, не зависящих друг от друга организованных преступных групп, которое предусмотрено в ст. 210 УК РФ. Но в отличие от этой нормы в ст. 282.1 УК РФ речь идет об объединении представителей структурных подразделений единого экстремистского сообщества, которые и без такого объединения подчиняются единому руководству и действуют в рамках единого плана экстремистской деятельности.

Все предусмотренные диспозицией ст. 282.1 УК РФ действия, по сути, представляют особую форму приготовления к совершению преступлений экстремистской направленности и не охватывают фактическое совершение таких преступлений. Если экстремистским сообществом либо его частью или структурным подразделением реально совершается одно или несколько упомянутых преступлений, каждое из них должно квалифицироваться самостоятельно по совокупности со ст. 282.1 УК РФ.

Субъект преступления – вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако при совершении преступления экстремистской направленности в форме хулиганства при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 213 УК РФ) или вандализма уголовной ответственности подлежит виновное лицо, достигшее ко времени совершения преступления 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Субъективная сторона преступления во всех его формах характеризуется прямым умыслом, то есть виновный должен осознавать, что своими действиями унижает национальное достоинство или религиозные чувства людей или желает возбудить национальную, расовую или религиозную вражду.

Обязательным признаком субъективной стороны является и специальная цель – подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности, разработка планов и (или) условий для их совершения.

При квалификации деяния как преступления экстремистской направленности необходимо установить одним из мотивов, указанных в примечании 2 ст. 282.1 УК РФ. К их числу законодатель отнес политическую, идеологическую, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду либо ненависть или вражду в отношении какой-либо социальной группы. В этих случаях мотив утрачивает свой обычный факультативный харак-

тер и становится обязательным элементом субъективной стороны состава.

В психологии ненависть понимается как стойкое, активное отрицательное чувство человека, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям, ценностям. По-видимому, такому чувству предшествует оценка тех событий, явлений, фактов, которые субъект преступления оценивает как негативные. Такая оценка должна быть плодом раздумий по их поводу. Возможно, что она будет навязана, привнесена иными лицами, воздействовавшими на сознание виновного лица, то есть еще не стала его внутренним убеждением. Эта оценка может быть искаженной, не соответствовать действительности. Ценности, убеждения или потребности, которые человек исповедует или которыми руководствуется в своем поведении, могут осуждаться либо не поощряться обществом или социальной группой, к которой лицо принадлежит.

Согласно диспозиции рассматриваемой статьи, ненависть может возникнуть на идеологической основе. В генезисе такой ненависти заложено неприятие идей, которых придерживаются потерпевшие. Эти идеи могут касаться различных сторон и форм социальной жизни общества, например государственного устройства, положения в обществе отдельных социальных групп, необходимости существования и деятельности социальных учреждений. В основе расовой или национальной ненависти, очевидно, должно лежать представление о неких особенностях лиц, принадлежащих к иной расе или нации. При этом всегда налицо ошибочное представление об их неполноценности. То же можно сказать о ненависти, возникшей на иной социальной почве. Представители нации, к которой существует ненависть, обладают иными в отличие от виновных чертами национального характера, несут в себе культурные традиции своего народа. Эти традиции проявляются в поведении, например в проведении национальных праздников, стиле жизни, манере одеваться, отношении к женщине, представителям иных национальностей, склонностях при выборе определенной профессии и т.д. Мотив религиозной ненависти предполагает отверженность потерпевших к той или иной религиозной системе ценностей, участие в совершении обрядов, посещение культовых учреждений и другие проявления религиозности.

Понятие «вражда», использованное как альтернативное понятие «ненависть», означает отношения и действия, проникнутые не-

приятною. В связи с этим понятие «вражда» практически ничего не добавляет к характеристике рассматриваемого преступления.

Частью 2 ст. 282.1 УК РФ установлена ответственность за участие в экстремистском сообществе. Достаточно сложными для правовой оценки являются вопросы, в совершении каких конкретных действий может выражаться участие в запрещенном уголовным законом сообществе (в том числе экстремистском) и какова должна быть степень такого участия. Решение этих вопросов требует общего анализа характера участия лица в конкретных криминальных структурах, предусмотренных Особенной частью УК РФ, преследующих цель совершения тех или иных преступлений. Прежде всего следует учитывать, что участие в таких формированиях — это хотя и особого рода, но все же соучастие. Практически в любой работе о соучастии в преступлении указывается в качестве обязательного признака причинная связь между деянием конкретного соучастника и общим преступным результатом. Такой подход выработан достаточно давно и является общепризнанным в науке уголовного права. При этом результат в данном случае следует понимать широко и не отождествлять с преступными последствиями в материальных составах: речь идет о том вреде, который причиняется любым преступным деянием в социально-правовом смысле, так как в подобной трактовке «беспоследственных» преступлений не бывает.

Таким образом, лицо только тогда может быть признано участником какого-либо формирования, преследующего цели совершения преступлений, когда оно так или иначе участвует в совершении конкретных преступлений. В противном случае будет отсутствовать причинная связь с преступным результатом, что влечет отсутствие соучастия как такового, а следовательно, и основания уголовной ответственности. Следует согласиться с позицией А.Г. Хлебушкина, согласно которой участие лица в экстремистском сообществе может выражаться в таких деяниях, которые: 1) предусмотрены в качестве конкретного преступления (преступлений) Особенной частью УК РФ; 2) являются соучастием в конкретном преступлении (преступлениях); 3) представляют собой приготовление или покушение на конкретное преступление (преступления)²²⁵.

В научной литературе встречается неоправданно широкая трактовка участия в противоправном сообществе (организации). Так, Ю.А. Цветков считает, что участник преступной организации мо-

жет не только не участвовать в совершаемых ею преступлениях, но даже не знать об обстоятельствах их совершения. Для того чтобы действия лица квалифицировать как участие в преступной организации, необходимо установить, что оно занимает определенное место в ее структуре и связано с ней выполнением конкретной функции. Причем, отмечает Ю.А. Цветков, выполняемая таким лицом функция (например, аналитическая, техническая, бухгалтерская, информационная) может вообще не содержать в себе признаков объективной стороны какого-либо преступления. Достаточно, чтобы эта функция осуществлялась им в интересах преступной организации и была направлена на поддержание ее организационного единства и эффективной деятельности²²⁶.

Представляется, что позиция сторонников возможности не преступного участия в противоправном сообществе противоречит установленному законом основанию уголовной ответственности, положениям института соучастия в преступлении и создает опасность объективного вменения.

Участие в экстремистском сообществе предполагает в первую очередь подготовку или совершение лицом преступлений экстремистской направленности, а также каких-либо иных деяний в преступных интересах сообщества (в любом случае эти деяния должны быть причинно связаны с конкретными преступлениями, осуществляемыми указанным сообществом). Это может быть обеспечение участников сообщества техническими средствами, транспортом, финансирование преступных акций и оказание иной материальной помощи, подыскание объектов общественно опасных посягательств и т.д.

Необходимо отметить, что участие в экстремистском сообществе должно быть деятельным и активным, когда лицо существенно способствует его функционированию. Нельзя согласиться с мнением исследователей, условно разделяющих участие в экстремистском сообществе на пассивное и активное. Пассивным предлагается считать участие, когда лицо не участвует в разработке планов (условий) для совершения преступлений, являясь рядовым членом экстремистского сообщества, а активным — когда оно принимает участие в экстремистском сообществе в целях разработки планов (условий) совершения преступлений экстремистской направленности²²⁷. В уголовном праве общепризнано, что пассивное волевое общественно опасное поведение человека — это преступное без-

действие. Сложно представить себе участие в сообществе, выраженное в форме бездействия.

По той же причине спорной представляется позиция С.Н. Фридинского, утверждающего, что участие в экстремистском сообществе, в принципе, является бездействием, чистым или смешанным, аналогичным участию в банде по ст. 209 УК РФ, то есть таковым будет считаться уже просто нахождение, членство в данном сообществе²²⁸.

Согласно бытующей в науке уголовного права точке зрения, участие в экстремистском сообществе признается оконченным с момента вступления виновного в преступную организацию экстремистского характера, то есть с момента дачи лицом согласия, произнесения клятвы или исполнения другого ритуала вступления в соответствующее сообщество. Однако это не единственная позиция. В частности, А.Г. Хлебушкин делает вывод, что участие в экстремистском сообществе должно признаваться оконченным преступлением, когда лицо не просто даст согласие на вступление в него, а обязательно подкрепит это конкретной практической деятельностью, выполнит любые действия, вытекающие из факта принадлежности к деятельности соответствующей криминальной структуры²²⁹.

Фактическое совершение преступлений экстремистской направленности либо участие в таких преступлениях требуют дополнительной квалификации.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, который включает осознание экстремистского характера преступной организации и свою роль в ее деятельности, а также желание войти в названную организацию в качестве его члена.

Субъектом преступления является рядовой участник экстремистского сообщества.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 282. 1 УК РФ, имеющим предупредительное значение, лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Такое освобождение носит обязательный характер для правоприменителя и распространяется на лиц, названных в ч. 2 ст. 282.1

УК РФ, то есть на рядовых участников экстремистского сообщества. Прекращение таким лицом преступной деятельности означает, что оно вышло из состава экстремистской организации, не выполняет распоряжения ее руководителей, не совершает иных действий, поддерживающих существование организации, не готовит совершение преступлений, для которых создавалась организация.

Часть 3 ст. 282.1 УК РФ устанавливает квалифицирующее обстоятельство — деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 рассматриваемой статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения.

Обязательным дополнительным объектом квалифицированного вида организации экстремистского сообщества являются общественные отношения, обеспечивающие интересы службы в коммерческих и иных организациях, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

С одной стороны, усиление уголовной ответственности за совершение таких преступлений направлено на предотвращение участия в создании сообщества или участия в нем лиц, наделенных властью, имеющих право воздействовать на других подчиненных им лиц. С другой стороны, участие в совершении преступлений лиц, использующих служебные полномочия, облегчает их совершение.

С учетом изложенного выше можно констатировать, что преступное сообщество (преступная организация) является иерархическим объединением организованных преступных групп, более высоким по уровню организации и представляющим большую общественную опасность, чем экстремистская группа или объединение.

С.Н. Фридинский справедливо отмечает, что во избежание различного толкования понятия экстремистского сообщества необходимо его законодательное определение. Представляется возможным поместить его в примечание к ст. 282.1 УК и изложить в следующей редакции: «Под экстремистским сообществом в настоящей статье следует понимать сплоченную организованную группу, ее часть или входящие в такое сообщество структурные подразделения либо объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества»²³⁰.

Помимо организации экстремистского сообщества уголовный закон предусматривает ответственность за организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282. 2 УК РФ).

В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности. Цели и основные формы деятельности любого юридического лица закрепляются в его уставе.

Требование о том, что в уставе религиозной организации, общественного объединения указываются цели и основные формы деятельности, устанавливается в ст. 10 Федерального закона № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», ст. 20 Федерального закона № 82-ФЗ от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях».

Ограничения на создание и деятельность общественных объединений устанавливаются в ст. 16 Федерального закона «Об общественных объединениях».

В соответствии с ней создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности, запрещаются. Включение в учредительные и программные документы общественных объединений положений о защите идей социальной справедливости не может рассматриваться как разжигание социальной розни. Ограничения на создание отдельных видов общественных объединений могут устанавливаться только федеральным законом.

До изменений в ст. 16 Федерального закона «Об общественных объединениях», принятых Федеральным законом № 112-ФЗ от 25 июля 2002 г., в Российской Федерации запрещались создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни. После принятых изменений в законодательство, если цели и деятельность юридического лица направлены на осуществление экстремистской деятельности, деятельность и само создание данного лица запрещаются.

Аналогичная норма в отношении религиозных объединений содержится в п. 7 ст. 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В соответствии с ней деятельность религиозного объединения может быть приостановлена, религиозная организация может быть ликвидирована, а деятельность рели-

гиозного объединения, не являющегося религиозной организацией, может быть запрещена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом № 114-ФЗ.

Ответственность общественных объединений за нарушение законодательства Российской Федерации предусматривается не только ст. 9 «Ответственность общественных и религиозных объединений, иных организаций за осуществление экстремистской деятельности» Федерального закона № 114-ФЗ, но и ст. 41 Федерального закона «Об общественных объединениях», в соответствии с которой общественные объединения, в том числе не обладающие правами юридического лица, в случае нарушения законодательства Российской Федерации несут ответственность в соответствии с законодательством России.

Введение в 2002 г. в УК РФ ст. 282.2 представляется обоснованным, так как вопрос о предупреждении повторного осуществления экстремистской деятельности субъектами, в отношении которых уже принимались меры юридической ответственности, остается на современном этапе актуальным. Необходимо отметить, что ликвидированные по решению суда общественные или религиозные объединения могут перейти на нелегальное положение, ужесточить конспирацию и увеличивать свою мобильность, что еще больше снизит контроль над ними со стороны органов власти. Некоторые экстремистские структуры, изменив название, сегодня налаживают свою деятельность в качестве общественных организаций. В таких условиях возникает реальная необходимость законодательного закрепления мер, направленных на предотвращение воссоздания ликвидированных (запрещенных) общественных объединений. Уголовно-правовым воплощением этих мер и стала ст. 282.2 УК РФ.

Общественная опасность преступления заключается в подрыве основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности государства, идеи равноправия людей независимо от их социальной, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности.

Часть 1 ст. 282.2 УК РФ устанавливает ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Фактически в диспозиции данной статьи воспроизводится понятие экстремистской организации, закрепленное в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ: «экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности».

В ст. 282.2 УК РФ речь идет об организации, деятельности организации или объединения, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или о запрете их деятельности по признакам ее экстремистской направленности. Другими словами, в подобных случаях говорится об умышленном невыполнении решения суда и продолжении противоправной деятельности запрещенной организации. Однако ст. 282.2 УК РФ является специальной нормой, поэтому совокупности со ст. 315 УК РФ не требуется.

Основной непосредственный объект преступления – незыблемость основ конституционного строя России, безопасность государства. Дополнительным объектом выступают интересы правосудия, а также гарантированные Конституцией Российской Федерации права и свободы граждан.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется действием: 1) организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после того, как в законную силу вступило решение суда о ликвидации или запрете деятельности данного сообщества в связи с тем, что его деятельность была признана экстремистской (ч. 1 ст. 282.2 УК РФ); 2) участием в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ).

Организация деятельности – понятие многогранное. Она может выражаться в определении целей и задач, порядка их исполнения и контроле за исполнением, распределении ролей между членами организации, вовлечении в организацию новых членов, материальном обеспечении, планировании, решении текущих вопросов деятельности и иных подобных действиях.

Участие в деятельности экстремистской организации предполагает осознанное, волевое, активное поведение лица, направленное на физическое, имущественное или интеллектуальное содействие этой организации и проводимым ею мероприятиям. Такое содействие может быть выражено, например, в подготовке или распространении экстремистских материалов.

В случае, если руководитель или член руководящего органа общественного или религиозного объединения либо иной организации делает публичное заявление, призывающее к осуществлению экстремистской деятельности, без указания на то, что это личное мнение, а равно в случае вступления в законную силу в отношении такого лица приговора суда за преступление экстремистской направленности соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация обязаны в течение пяти дней со дня, когда указанное заявление было сделано, публично заявить о своем несогласии с высказываниями или действиями такого лица. Если соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация такого публичного заявления не делают, это может рассматриваться как факт, свидетельствующий о наличии в их деятельности признаков экстремизма*.

Состав преступления сконструирован как формальный. Преступление признается оконченным с момента совершения любых действий организационного характера, направленных на неисполнение судебного решения о ликвидации экстремистской организации или запрете экстремистской деятельности.

Субъект данного преступления общий – вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Таковым может быть и должностное лицо, способствующее деятельности экстремистской организации, в частности проявляющее свое участие в ней и не принимающее в соответствии со своей компетенцией мер по пресечению экстремистской деятельности.

Согласно ст. 15 Федерального закона № 114-ФЗ лицу, участвующему в осуществлении экстремистской деятельности, по решению суда может быть ограничен доступ к государственной и муници-

* См.: *Смолина Л.В.* Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (постатейный). М.: Норма, 2006.

пальной службе, военной службе по контракту и службе в правоохранительных органах, а также к работе в образовательных учреждениях и занятию частной детективной и охранной деятельностью.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Обязательным признаком является осведомленность лица о наличии вступившего в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В соответствии с примечанием к ст. 282.2 УК РФ лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. В данном случае предусмотрен специальный вид деятельного раскаяния.

Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ) позволила сформулировать вывод, что законодательные новации в сфере борьбы с экстремизмом носят комплексный характер и уяснение их содержания возможно лишь при системном рассмотрении соответствующих норм, содержащихся в разных отраслях права. Правильная квалификация рассматриваемых преступных деяний требует учета положений Федерального закона № 114-ФЗ, который, в свою очередь, нуждается в дополнениях, так как имеющийся в нем перечень признаков экстремизма уже не в полной мере соответствует новым угрозам и вызовам, которые возникают перед Российским государством и обществом в настоящее время.

6.3. Правовые основы возмещения вреда, причиненного экстремистской деятельностью

В результате экстремистской деятельности, а зачастую и мер по противодействию ей гражданам (и не только гражданам), причиняется существенный моральный вред и материальный ущерб. Материальный ущерб, вред деловой репутации и доброму имени может быть причинен и юридическим лицам – общественным, религи-

озным объединениям и организациям, средствам массовой информации и т.д.

Остановимся на вопросах возмещения вреда, причиненного как в результате экстремистской деятельности, так и мер, направленных на противодействие ей.

Федеральный закон № 114-ФЗ не содержит положений о возмещении вреда пострадавшим. Законодатель предусмотрел, что в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора. При этом, в случае принятия судом по основаниям, предусмотренным Федеральным законом № 114-ФЗ, решения о ликвидации общественного или религиозного объединения, их региональные и другие структурные подразделения также подлежат ликвидации.

Оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество общественного или религиозного объединения либо иной организации, ликвидируемых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом № 114-ФЗ, подлежит обращению в собственность Российской Федерации. Решение об обращении указанного имущества в собственность Российской Федерации выносится судом одновременно с решением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации (ст. 9 Федерального закона № 114-ФЗ). Здесь о возмещении вреда лицам, которым причинен вред, нет ни одного слова.

Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» в ст. 18 регламентирует возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта.

«1. Государство осуществляет в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта. Компенсация морального вреда, причиненного в результате террористического акта, осуществляется за счет лиц, его совершивших.

2. Возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

3. Вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит».

В реализации данных положений существует некоторая проблемность, поскольку, во-первых, до настоящего времени не принято постановление Правительства Российской Федерации, устанавливающее компенсационные выплаты, а во-вторых, возложение компенсации морального вреда на виновного в причинении этого вреда не только нецелесообразно, но и недействительно: часто лицо, совершающее террористический акт, погибает, и возмещать моральный вред некому. Такое положение закона неконституционно в отношении граждан, права и законные интересы которых должны иметь для государства приоритетное значение.

Механизм помощи пострадавшим соответствует вековым традициям России и всего человечества. Издавна везде принято помогать, к примеру, погорельцам всем миром. Появление правового государственного благоденствия подразумевает, что многие социальные и экономические риски бытия человека должны разделяться как можно более широко всем обществом в целом, а не выпадать на долю отдельного пострадавшего. В современном обществе существует постоянный риск получить увечья. Соответственно, возникло острое осознание того, что благополучие человека требует распределять последствия такого риска между всеми членами общества с целью исключить, по возможности, для потерпевшего неприятную перспективу остаться один на один с постигшей его бедой. Во времена сурового индивидуализма пострадавший почти всегда считался сам виновным в собственных бедах и в лучшем случае мог

рассчитывать только на благотворительность, чтобы преодолеть свое несчастье, но никак не на удовлетворение требования об оказании помощи.

К сожалению, несмотря на совершенствование законодательной базы, данный подход и последствия не изменились. Как нам видится, эти взгляды должны уступить место правовому обеспечению пострадавшим права требовать в законодательном порядке регламентации разумного возмещения вреда, которое бы позволило компенсировать причиненный ущерб, иметь возможность для удовлетворения основных жизненных потребностей, в том числе в случаях (по делам), где обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда, либо при отсутствии вины. Подобные конкретизации есть обязанность законодателя отслеживать перемены в общественных настроениях, разрабатывать и вносить проекты систем социальной защиты рядового гражданина от возможных последствий экстремистской деятельности.

Именно государство от имени общества должно взять на себя бремя помощи пострадавшим, получив право взыскать понесенные им расходы с виновных.

Значительное внимание данной проблеме было уделено на V Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1–12 сентября 1975 г.). Актуальные для нас положения регламентированы Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой 29 ноября 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Государствам необходимо сформировать такой правовой подход, который может способствовать освобождению потерпевших от заведомо невыгодной для них позиции, прямой связи присуждения материальной и моральной компенсации в зависимости от успехов правоохранительных органов в обнаружении и задержании виновных в совершении преступлений лиц. В статье 2 раздела «А» декларации говорится: «лицо может считаться “жертвой”, независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель». Под термином «жертва» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения, моральный вред, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающе-

го действующие национальные уголовные законы государств, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью. Жертва преступления является центральной фигурой процесса отправления правосудия. Статья 6 декларации ООН призывает «содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв...».

Европейская конвенция «О возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений» (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) в ст. 2 также обязывает государства брать на себя возмещение убытков: а) для тех лиц, которым в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный урон физическому состоянию или здоровью; в) для тех лиц, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления.

Компенсация вреда должна покрывать потерю дохода, затраты на медикаменты и госпитализацию, затраты на похороны и, относительно иждивенцев, алименты (ст. 4).

Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека). Конституция Российской Федерации гарантирует данное установление. Статья 52 Основного Закона гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба», статья 2: «Человек его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В статье 18 говорится: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Как же обстоит дело с возмещением вреда в связи с экстремизмом в России?

Под вредом понимают материальный ущерб, выразившийся в уменьшении имущества, и (или) умаление нематериального блага, а также моральный вред (ст. 12, ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ). К нематериальным благам (ст. 150 ч. 1 ГК РФ) законодатель относит «жизнь и здоровье,

достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и не передаваемые иным способом». Объем возмещения вреда должен быть полным и включать как реальный ущерб, так и неполученные доходы, упущенную выгоду (ч. 2 ст. 15 ГК РФ).

Компенсация морального вреда – достаточно новый институт в современном российском праве, но необходимость восполнения причиненных преступлением физических и нравственных страданий очевидна. Компенсация морального вреда потерпевшему производится во всех без исключения случаях, согласно процедуре и в пределах, предусмотренных законодательством. Именно данный способ защиты прав граждан в первую очередь способствует возникновению у пострадавших чувства восстановленной справедливости, позволяя максимально смягчить тяжесть причиненного вреда и нравственных страданий.

Компенсацией морального вреда является заглаживание, восполнение, возмещение в денежной или иной форме причиненного человеку экстремистским преступлением физического ущерба, психического вреда и нравственных страданий. Денежная компенсация имеет целью вызвать положительные эмоции, максимально сгладив негативные изменения в психической сфере, обусловленные перенесенными страданиями. Конечно, денежная компенсация не возместит утрату человеческой жизни, необратимые физические и психические последствия, повреждения здоровья, не снимет нравственные страдания от пережитого страха, стыда, унижения и иных переживаний, но поскольку деньги являются универсальным имущественным эквивалентом компенсации вреда, это позволит хоть как-то загладить вред, временно сменить обстановку, смягчить страдания и переживания, уменьшить их, снизить их остроту. По нашему законодательству в отличие от норм расчета стоимости жизни в развитых западных странах гибель ребенка или взрослого человека, не имевшего иждивенцев, не обладает компенсационно-материальной составляющей ущерба и относится только к разновидности морального вреда, причиненного родственникам погибшего.

Статья 1101 ГК РФ гласит: «Размер компенсации морального вреда определяется судом». Размер компенсации не входит в предмет доказывания по иску, предмет доказывания – это юридический состав, образующий основания иска. Истец может указать сумму, однако его мнение о размере компенсации не имеет правового значения для суда. Право на определенный размер компенсации порождается судебным решением. Законодатель отвел суду роль эксперта, но не только конкретному суду, а всей судебной системе посредством прецедентных решений, постановлений, а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, являющихся общеобязательными для установления единой практики правоприменения. В делах подобного рода имеет смысл приглашать специалистов в области оценки стоимости жизни для дачи экспертного заключения и расчетов конкретных случаев. Учеными нашей страны осуществлены уникальные разработки для расчета стоимости жизни погибшего в авиакатастрофах, применяемые в развитых странах; сюда можно отнести работы профессора, доктора технических наук Г.Х. Харисова, кандидата технических наук А.А. Востросаблина и других.

Законодатель устанавливает принципы определения судом размера компенсации морального вреда и одновременно указывает ряд критериев, которые должны учитываться судом при его определении. Закон говорит, что характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. Законодательство, несмотря на попытки Верховного Суда Российской Федерации внести изменения в этом направлении, пока не установило какие-либо четкие правила определения этого размера, отмечена лишь необходимость учета требований разумности и справедливости (ч. 2 ст. 1101 ГК РФ). Действительно, такие правила разработать трудно, и по данному вопросу развернулась дискуссия. Специальное предписание законодателя об учете требований разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда следует понимать как признание отсутствия необходимого инструмента для точного измерения глубины страданий человека и оснований для оценки их в денежном выражении. По нашему мнению, логическая цепь определения размера компенсации должна строиться следующим образом.

При определении размера компенсации вреда в каждом конкретном деле суд определяет степень физических и нравственных страданий, характер и размер причиненного вреда, индивидуальные особенности потерпевшего, имущественное положение ответчика, рассматриваемые с позиций законности, разумности и справедливости. На первый взгляд это требование кажется несколько необычным применительно к отдельному институту гражданского права — компенсации морального вреда, так как трудно предположить, что законодатель не предъявляет подобного требования к судебному решению по любому делу. Анализ ст. 1101 ГК РФ в части требований разумности и справедливости целесообразно проводить с учетом ч. 2 ст. 6 ГК РФ, устанавливающей правила применения аналогии права. Видится, что формальной справедливостью будет одинаковый подход к одинаковым делам, или — равным за равное. Прецедент, по нашему мнению, является центральным местом, точкой отсчета.

В России имеются прецедентные решения. Басманный районный суд города Москвы 22 февраля 2002 г. удовлетворил иск о компенсации морального вреда на сумму 30 миллионов рублей (эквивалент 1 миллиона долларов США на тот период времени), а Солнцевский районный суд г. Москвы 28 ноября 2003 г. принял решение, обязавшее выплатить компенсацию морального вреда в 30 миллионов рублей с физического лица.

Гражданский иск о компенсации вреда в уголовном процессе — это требование лица, понесшего материальный ущерб, физические или нравственные страдания (моральный вред) от преступления, к обвиняемому или иным предусмотренным законом лицам, несущим материальную ответственность. Основаниями гражданского иска о компенсации морального вреда являются факт совершения преступления, причинение им материального, физического и морального вреда потерпевшему, производство по уголовному делу, признание данного лица потерпевшим.

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Лицо, которому преступлением причинен вред, потерпевшим не является, а признается. Лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, после решения, оформленного постановлением, наделяется рядом прав, в том числе на возмещение вреда, причиненного преступлением.

После 1 марта 1996 г. законодатель установил случаи ответственности за причиненный моральный вред независимо от вины причинителя вреда.

Так, статья 1100 ГК РФ гласит следующее:

«Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

– вред причинен жизни и здоровью гражданина источником повышенной опасности;

– вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

– вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию;

– в иных случаях, предусмотренных законом».

Последний пункт статьи корреспондируется также со ст. 1064 ГК РФ «Общие основания ответственности за причинение вреда»:

1) законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда; 2) законом может быть предусмотрено возмещение при отсутствии вины причинителя.

Компенсация вреда в иных случаях, предусмотренных законом и при отсутствии вины, лицом, не являющимся причинителем вреда, в случаях причинения вреда в связи с террористической акцией, регламентируется в России отдельным законодательным актом, содержащим, в том числе, иной порядок компенсации возмещения вреда, причиненного в результате террористической акции. Преамбула Федерального закона № 114-ФЗ определяет цели защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации. Здесь же устанавливаются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, ответственность за ее осуществление.

Рассмотрим вопрос, как регулируется возмещение вреда жертвам терроризма и экстремизма международными нормами в других странах. Положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985 г.) жертв, стремящихся получить компенсацию

с помощью правосудия, следует информировать об их правах. Нужно содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем:

А) предоставления жертвам информации об их роли и объеме, срока проведения и ходе судебного разбирательства и о результатах рассмотрения их дел, особенно в случаях тяжких преступлений, а также в случаях, когда ими запрошена такая информация;

В) обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы.

Многие страны обратили самое пристальное внимание на проблему борьбы с экстремизмом и его проявлениями, вопросы их предупреждения и в срочном порядке приняли специальные законы: Великобритания – «О предупреждении терроризма» (1974 г., с дополнениями уголовной ответственности за финансирование, недонесение, укрывательство лиц, обвиняемых в терроризме, 1976 г.); Германия – «О борьбе с терроризмом» (1986 г.), Франция – «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» (1986 г.), США – «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» (1996 г.).

Первые выплаты государством за ущерб от преступлений независимо от работы правоохранительной системы были произведены в Новой Зеландии (1963 г.) и Великобритании (1964 г.), в дальнейшем к этому процессу присоединились вся Европа и Северная Америка.

Положительный опыт, механизмы защиты прав потерпевших в развитых странах, в области защиты жертв террористических актов крайне важны в настоящее время для России.

Неурегулированным на сегодняшний день остается вопрос создания и реальной работы механизма социальной поддержки жертв террора, с помощью которого средства, полученные в результате конфискации, предусмотренной Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма (ратифицирована Российской Федерацией 10 апреля 2002 г.), возвращались бы в бюджет тех субъектов РФ, которые ведут выплаты жертвам преступлений или членам их семей.

Часть 4 ст. 8 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма гласит: «Каждое государство-участник рассматривает возможность создания механизмов, с помощью которых

средства, полученные в результате конфискации, предусмотренной в настоящей статье, использовались бы для выплаты компенсации жертвам преступлений, указанных в конвенции».

Нормативная база и специальные структуры по борьбе с финансированием терроризма в России созданы. Работает отдел по борьбе с финансированием терроризма при Министерстве финансов Российской Федерации, активно функционирует Комитет по финансовому мониторингу (финансовая разведка). Россия – участница международной организации «Эгмонт», объединяющей 59 финансовых разведок мира. Финансовой разведкой нашей страны арестованы счета террористов в США и Швейцарии. Правовые основы и механизмы возмещения вреда здоровью жертвам экстремизма могут быть заимствованы из аналогичного законодательства о жертвах терроризма.

Противодействие экстремизму и борьба с его проявлениями не могут вестись без адекватной компенсации вреда жертвам. Современный экстремизм представляет реальную угрозу, вот почему традиционные неспешные действия, характерные для бюрократических государственных, правительственных структур и суда, здесь не подходят. Осознание того, что промедление и задержки работают на руку экстремистам, должно консолидировать усилия всего общества, объединяя имеющиеся силы и средства.

Еще один вопрос, который необходимо затронуть, – возмещение вреда, причиненного мерами, направленными на противодействие экстремизму, в том числе ликвидация или запрет деятельности организации, прекращение деятельности средства массовой информации.

Согласно ст. 7 Федерального закона № 14-ФЗ, общественное или религиозное объединение, либо иная организация может быть ликвидирована, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, запрещена. Статья 8 предусматривает прекращение деятельности средства массовой информации.

Статья 10 закона предусматривает приостановление деятельности общественного или религиозного объединения и имеет следующие положения: «...должностное лицо или орган с момента их обращения в суд <...> с заявлением о ликвидации общественно-го или религиозного объединения либо запрете его деятельности вправе своим решением приостановить деятельность обществен-

ного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления... В случае приостановления деятельности общественного или религиозного объединения приостанавливаются права общественного или религиозного объединения, его региональных и других структурных подразделений как учредителей средств массовой информации, им запрещается пользоваться государственными и муниципальными средствами массовой информации, организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и иные массовые акции или публичные мероприятия, принимать участие в выборах и референдумах, использовать банковские вклады, за исключением их использования для осуществления расчетов, связанных с их хозяйственной деятельностью, возмещением причиненных их действиями убытков (ущерба), уплатой налогов, сборов или штрафов, и расчетов по трудовым договорам».

Если суд не удовлетворит заявление о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности, данное объединение возобновляет свою деятельность после вступления решения суда в законную силу.

Статья 11 регламентирует ответственность СМИ за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности.

До вынесения соответствующего решения о прекращении деятельности СМИ или об отказе в таковом суд может приостановить реализацию соответствующих номера периодического издания либо тиража аудио- или видеозаписи программы либо выпуск соответствующей теле-, радио- или видеопрограммы в порядке, предусмотренном для принятия мер по обеспечению иска. Решение суда является основанием для изъятия нереализованной части тиража продукции средства массовой информации, содержащей материал экстремистской направленности, из мест хранения, оптовой и розничной торговли.

Совершенно очевидно, что принимаемыми мерами пресечения и противодействия экстремистской деятельности существенно затрагиваются права общественных и религиозных объединений и организаций и средств массовой информации.

Безусловно, данные действия оправданы, когда речь действительно идет о наличии в действиях этих субъектов экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод

человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда. Но встречаются и иные ситуации, когда суды отказывают в удовлетворении исков о ликвидации, запрете деятельности организаций и объединений и СМИ.

Для примера приведем постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26 февраля 2008 г. № Ф04-1152/2008(1005-А45-6) по делу № А45-6577/07-36/170. Закрытое акционерное общество «Телерадиокомпания ТВ-2» (Томск) обратилось в Арбитражный суд Новосибирской области с заявлением к Управлению Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу (Новосибирск) о признании недействительным предупреждения от 22 марта 2007 г.

Решением арбитражного суда от 5 сентября 2007 г. заявленное обществом требование удовлетворено. Удовлетворяя заявленное требование, арбитражный суд пришел к обоснованному выводу, что оспариваемое предупреждение не соответствует ст. 4 Закона Российской Федерации № 2124-1 от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» и ст. 8, 11 Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности».

Еще один пример – определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2006 г. по делу № 51-Г06-21. Управление Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу обратилось в суд с заявлением о прекращении деятельности электронного средства массовой информации – информационного агентства «Банфакс» и признании свидетельства о его регистрации от 20 апреля 1995 г. недействительным.

Управление просило прекратить деятельность электронного средства массовой информации – информационного агентства «Банфакс» и признать недействительным свидетельство о его регистрации по основаниям, изложенным в ст. 16 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и ст. 11 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Решением Алтайского краевого суда от 22 июня 2006 г. в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации 12 сентября 2006 г. отказала в удовлетворении кассационной жалобы, оставив решение суда без изменения.

Такие случаи не единичны, и совершенно очевидно, что организациям и средствам массовой информации причиняется и материальный вред, и вред, нанесенный деловой репутации.

Как уже было неоднократно сказано, Федеральный закон № 114-ФЗ не содержит положений о возмещении или заглаживании вреда. Значит, организации, объединения или СМИ должны предъявлять самостоятельные иски о защите деловой репутации, возмещении причиненного вреда и доказывать размер этого вреда.

Данный институт регламентирует Гражданский кодекс Российской Федерации, а именно ст. 1069 «Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами». Эта статья гласит, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет, соответственно, казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

По нашему мнению, возмещение вреда, размер, способ и его порядок должны регламентироваться непосредственно в самом Федеральном законе № 114-ФЗ, что значительно упростит восстановление нарушенных прав, а это, в свою очередь, будет отвечать международным правовым стандартам.

Вместо послесловия.

Псевдонаучные попытки обеления нацизма в современной России

Мы намерены рассмотреть вопросы псевдонаучного обеления нацизма в современной России именно вслед за архетипическим объяснением криминальных явлений, по той причине, что нацизм является преступлением.

Бум шовинизма, расизма или национализма в нашей многонациональной и многоконфессиональной стране, попрание демократических основ, рост авторитаризма, призывы к установлению тоталитарного государственного режима представляют исключительную общественную опасность. Она тем более велика, что мы совсем недавно сбросили оковы коммунистической деспотии но в стране еще осталось немало тех, кто мечтает о реванше, а в силу вековых традиций даже последующие поколения из-за действия архетипических механизмов воспринимают тоталитаризм, «твердую руку» как единственное средство установить в стране порядок.

Возбуждение ненависти и вражды к представителям других сообществ, выделенным по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-нибудь социальной группе, то есть создание образа врага («чужого»), происходит разными путями. Один из наиболее опасных — создание, так сказать, теоретической, но по-существу псевдонаучной базы для преследования «чужих». Напомним, что человеконенавистнические доктрины гитлеризма формировались не на пустом месте, напротив, активно использовались работы Х. Чемберлена, Г. Листа, П. Гобино, Либенфельса (Й. Ланца) и других, среди которых было немало оккультистов и мистиков.

В настоящее время эти жилы продолжают активно разрабатываться, появляются новые работы и переиздаются старые, созданные еще в фашистской Германии. Самое печальное, что они выходят в свет у нас, в России.

В предисловии к книге Г.Ф.К. Гюнтера «Избранные труды по расологии» В.Б. Авдеев, А.М. Иванов и Ю. Ригер дают умилительный «научный» и человеческий портрет своего кумира — Гюнтера, которого они величают пророком нордической расы. Оказывается, этот «пророк» ратовал «за отказ от искусственного сохранения больных детей»²³¹, то есть попросту говоря, за их убийство. Совсем неудивительно, что, как они пишут, «руководство гитлеровского НСДАП сохраняло с теоретиком нордизма тесные и сердечные отношения»²³². Гюнтер был награжден золотым партийным значком, конечно, по заслугам.

Высокоученые авторы предисловия к работам Гюнтера просвещают нас в том, что, оказывается, «нацистский расизм» — это миф для тех, кто никогда не держал в руках ни одного первоисточника на эту тему. Глава расового ведомства НСДАП Вальтер Гросс в открытой партийной прессе настаивал на том, что никаких высших и низших рас не существует, кроме того, указывал, что, упирая на нордическую тематику, нужно быть максимально сдержанным и корректным, чтобы не оскорбить такой достойный народ как японцы. Поэтому в вину Третьему рейху нужно ставить не злоупотребление расовой теорией, а напротив, ее игнорирование, недооценку и искажение²³³. Из этого следует, что гитлеровцев нужно обвинять в том, что они недостаточно уничтожили тех, кто был отнесен ими к числу низших рас. Не забудем, что Авдеев, Иванов и Ригер — наши современники, что книга Гюнтера переиздана у нас, а сочинения Авдеева опубликованы в стране, население которой, согласно нацистским планам, должно было быть уничтожено или обращено в рабство.

Вот что пишет сам Гюнтер относительно самого острого для нацизма вопроса — об отношении к евреям: «Евреи для нордического движения неполноценны не сами по себе, а только с точки зрения нордически обусловленного наследственного фонда немецкого народа, как нордический человек является и должен быть “неполноценным” с точки зрения наследственного фонда еврейского народа, в котором преобладает... раса... Серьезная опасность, исходящая от еврейства, заключается в том, что евреи, чем вернее они собственной сути, тем больше они стараются переориентировать немецкий народ на чуждые ему образцы»²³⁴.

Между тем основными психическими качествами нордической расы являются способность к оценкам, правдивость и энергичность. С первым из них связаны чувство справедливости, тенденция

к обособлению, недоверие к красноречию и духу массы, подозрительность, чувство реальности, недоверие к чужакам и верность тем, что сочтен достойным доверия. Нордический человек может трезво смотреть на самого себя... Часто ему недостает человеческого тепла. Его холодная рассудочность может показаться оскорбительной. Нордический человек мало заботится о том, чтобы нравиться другим; ему присущи высокая мера ответственности и совесть. Будучи сам деловым, он требует того же от окружающих. Им движет чувство долга, которое может сделать его безжалостным к другим. Участвительная доброта ему не свойственна²³⁵. Это, конечно, властный повелитель мира, точно таким же он смотрится на живописных и скульптурных портретах немецкого (и советского!) тоталитарного времени, страницах фашистской и нацистской печати, в речах Гитлера и его сообщников, во всей идеологии преступных «хозяев жизни». По сравнению с представителями нордической расы остальные люди недостойны уважения и доверия. Поэтому Гюнтер, не колеблясь, заявляет, что «главные качества восточных людей — созерцательность, стяжательство и бездушие. Благородство — не та ценность, к которой стремится восточная душа. Ее ценность — спокойная и уютная обывательская жизнь... Восточному человеку не свойственны великодушие и душевные порывы, это мещанин, думающий только о себе, своей семье, деньгах и созерцательном покое, мещанин не по принадлежности к определенному сословию, а по своей сути»²³⁶.

В сочинениях Гюнтера, как и его верного последователя Авдева, бросается в глаза почти полное отсутствие научных доказательств того, что нравственные, интеллектуальные, деловые и духовные особенности людей хоть как-то зависят от их принадлежности к той или иной расе. Сочинения расологов и теоретиков вождизма удивительно похожи на богословскую литературу. Они строятся по одной схеме: это верно потому, что так сказано в «священном» тексте (в нацизме — у Гитлера, в большевизме — у Маркса, Энгельса, Ленина), или у такого-то теоретика, или, еще лучше, у таких-то теоретиков. Это выдает внутреннее сущностное, но не содержательное единство богословия и названных с позволения сказать научных дисциплин. Такая схема, не опирающаяся ни на какую эмпирическую основу, паралогична.

Между тем эти авторы прямо подводят читателя к выводу, что одни расы несравненно лучше других, а из этого можно сделать

и иные заключения: представители «плохих» рас должны вытесняться и подавляться, если необходимо, то и уничтожаться, в лучшем случае быть в услужении у «хороших» рас. Авдеев с нескрываемым одобрением и симпатией приводит слова некоего Л. Вольмана, которого называет звездой «расовой науки»: «Арии — последние пришельцы и завоеватели, которые вследствие своей высшей физической силы и интеллекта покорили низший народ. Они всюду образуют господствующую касту и придают большое значение избеганию неравных браков, почему и презирают убудков. Самая светлая раса в то же время и самая даровитая, и благородная»²³⁷.

Следующий вывод самого Авдеева вполне в русле человеконенавистнических расологических идей: «Идеалы мнимых, иллюзорных и ни на чем не основанных “свободы, равенства и братства” были, таким образом, публично посрамлены впервые со времен великой французской революции»²³⁸.

Следует отметить, что у названных, так сказать, ученых само понятие расы ничем не отличается от понятия нации, в связи с чем трудно понять, о чем идет речь. Гюнтер постоянно толкует об индоевропейской расе как о чем-то едином и неразделимом целом. Так же он понимает и индогерманскую религиозность, хотя между христианством германцев и буддизмом или индуизмом индийцев нет ничего общего, что известно даже школьникам. Гюнтер не дает никаких вразумительных объяснений, что это за индогерманская религиозность.

Почтительный ученик Гюнтера Авдеев излагает биологизаторские взгляды на природу и причины агрессивности и преступности, опираясь, в частности, на наблюдения Ч. Ломброзо. Авдеевские взгляды не выдерживают здесь никакой критики, поэтому нет смысла их анализировать и оценивать.

Для всех, кто обеспокоен ростом авторитарных тенденций в стране и ущемлением демократических свобод, огромный интерес представляет издание у нас книг, посвященных идеям фашизма (нацизма), вождизма, а также работ самих вождей Третьего рейха. Одна из них — «Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению», под редакцией В.Б. Авдеева, вышедшая в Москве в 2006 г. В ней представлены работы по вождизму, изданные в нацистской Германии.

Нет смысла пересказывать или анализировать эту фашистскую стряпню, подаваемую под лженаучным соусом. Главное в ней —

воспевание идеи вождизма, нацизма и чуть-чуть завуалированно — самого Гитлера. Но нельзя не отметить вступительную статью все того же Авдеева, этого несгибаемого борца за идеалы фашизма, редактора хрестоматии и, судя по всему, инициатора ее опубликования. Его вступление — торжественная увертюра с фанфарами, предваряющая «героическое, замечательное» действие. Вот как начинается эта статья: «Несмотря на все ухищрения современной демократии, тема Третьего рейха продолжает пленять и завораживать умы современников, а личность Адольфа Гитлера остается одной из самых популярных в исторической литературе»²³⁹. Так вот, «тема Третьего рейха», унесшая миллионы жизней и принесящая неисчислимые страдания и разрушения, оказывается, «пленяет и завораживает», а Гитлер, несомненно являющийся одним из самых страшных преступников в мировой истории, — просто популярная личность. Поэтому совсем неудивительно, что Авдеев, ярый враг демократии, делает выводы, что «в конечном счете становится совершенно понятно: вопрос о качестве вождя — это вопрос расы, так как только люди хорошей породы отвечают высоким требованиям, предъявляемым к вождю»²⁴⁰, что «вождь — это шаман, переплавляющий души соплеменников в светлое завтра на невидимом ковчеге власти. В этом его единственное и прямое предназначение»²⁴¹. Авдеев нашел немало теплых слов для СС, отметив выдающуюся роль этой организации в выращивании отменной породы немцев²⁴².

Весьма показательно окончание вступительной статьи Авдеева. Он пишет, что данная работа изначально мыслилась автором не как исследование по истории немецкой психологии, но именно как педагогическое эссе, обращенное к судьбам русского и других белых народов, находящихся сейчас на грани физической гибели. Речь идет об использовании философских и психологических работ немецкой концепции вождизма в интересах современных россиян²⁴³. Другими словами, Авдеев желал бы построения в России тоталитарного нацистского (фашистского) государства, что вытекает не только из заключительной части вступительной статьи, но и из всего написанного им.

Все сочинения Авдеева, в том числе «Расология», совместные труды с Ивановым и Ригером, работы обожаемых ими германских расологов и вождистов не просто омерзительное чтиво. Они не имеют ничего общего с наукой и бросают наглый вызов общечеловеческим ценностям, а поэтому не могут не вызывать бурное негодование.

Именно такие псевдонаучные труды создавали в Германии теоретические основы для нацистского (фашистского) движения, их постоянно использовали для укрепления власти фюрера и доказывания неполноценности тех или иных наций со всеми вытекающими для последних последствиями. Нет сомнений, что подобные сочинения разжигают ненависть и вражду, поэтому Авдеев и Иванов подлежат уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ, равно как и те, кто в издательстве «Белые альвы» подготовили и опубликовали названные опусы.

В «Расологии» Авдеева и «Избранных работах по расологии» Гюнтера много портретов безымянных немцев, якобы типичных образцов арийской расы. В первой из этих книг есть и портрет самого Авдеева. К огорчению последнего следует констатировать, что, несмотря на все его заслуги перед фашизмом, он никак не соответствует этим эталонам. В связи с этим его нельзя не пожалеть. Ведь это хорошо каким-нибудь китайцам или арабам, которые еще не знают, что все зависит от расы, состава крови, строения черепа и т.д., наивно полагая, что главным является воспитание, усвоение общечеловеческих ценностей, духовных потребностей. Нашему отечественному расологу, так жаждущему соответствовать вождьленному нордическому типу, от этого, увы, не легче.

Сочинения авдеевых и гюнтеров, их публикация в стране, которая больше всех пострадала от фашизма, свидетельствуют о настойчивых попытках создать у нас нацизм. В том же ряду стоят такие явления как открытая продажа книг руководящих деятелей Третьего рейха и портретов их самих, постоянное появление на стенах наших домов и заборах изображений свастики и другие аналогичные действия. Неонацисты активизируются к празднованию Дня Победы. 13 мая 2008 г. в пригороде Санкт-Петербурга на Бабигонском кладбище вандалы-неонацисты осквернили около 100 могил. Пострадало приблизительно 70 надгробий и 30 крестов. Преступники не просто мазали памятники краской, как это обычно бывает. Многие надгробия были свалены и разбиты, причем больше всего пострадали могилы военнослужащих. Судя по всему, вандалы определяли их по фотографиям людей в военной форме.

В начале XXI века Россия буквально чествовала Л. Рифеншталь — любимого режиссера Гитлера, прямую пособницу фашизма, очень много сделавшую для его прославления и пропаганды нацистского режима. В Москве состоялась выставка ее фоторабот,

вышла книга о ней, об этой женщине писали многие газеты и журналы, состоялась передача о ней по телевидению. Иногда сказывается впечатление, что в России начисто забыли о том, сколько горя принесли ей германские нацисты.

Необходимо выяснить причины распространения нацизма и в целом экстремизма в России. Как представляется, их несколько, одновременно действующих и взаимосвязанных.

1. Нерешенность многих жизненно важных экономических, социальных, политических и иных проблем, бедность значительной части населения и отсутствие у нее жизненных перспектив порождают неверие в возможности нынешней власти поднять страну на требуемый уровень. В связи с этим появляется надежда, что сделать это можно с помощью твердой, решительной, беспощадной руки, тем более что в недавнем коммунистическом прошлом многое ошибочно заставляет полагать, что именно таким путем может быть обеспечен необходимый порядок.

2. Содержательная близость нацизма и большевизма, причем следы последнего в сознании людей не утрачены. Напротив, чем хуже результаты в экономическом и социальном обеспечении народа, тем явственнее эти следы проступают в обществе.

3. Отсутствие демократических традиций в истории России, а значит, и в сознании населяющих ее народов. В наши дни постоянно насаждаемые у людей антизападные настроения являются, по существу, пропагандой антидемократических основ жизни.

4. Неадекватная реакция правоохранительных органов и судов на факты преступных экстремистских проявлений, в том числе расистских и нацистских.

5. Отсутствие у средств массовой информации постоянного воздействия на аудиторию (население) в целях формирования устойчивых толерантных установок.

Это лишь беглый и неполный перечень некоторых общесоциальных криминогенных факторов, но все-таки следует полагать, что здесь названы те, которые могут быть отнесены к числу основных. Результаты профилактики экстремизма прямо зависят от уровня культуры и демократического развития страны. Тоталитарное или даже авторитарное государство не в состоянии обеспечить успех в борьбе с экстремизмом, поскольку такое государство само является экстремистским, охотно прибегая к экстремистским методам.

Надежды многих людей в России на «твердую руку» в борьбе с этим явлением лишены каких-либо оснований. Надежный заслон экстремизму в первую очередь может обеспечить развитие демократических институтов и гражданского общества. Понятно, что мы имеем в виду не досужие разговоры о демократии и уж конечно не так называемую суверенную демократию, под которой подразумевается, что у нас есть своя особая демократия, не похожая на другие. Подлинная демократия — единая для всего современного мира: обеспечение прав личности, свободные и честные выборы, баланс властей, парламент, отражающий волю народа, гласность и прозрачность действий власти снизу доверху, свобода слова, неподкупный, подчиняющийся только закону суд, конституция как основа стабильности и соответствующие ей законы, независимые институты гражданского общества, безусловное уважение и учет интересов меньшинства. Вполне возможно, что это не исчерпывающий перечень, но хочется надеяться, что здесь названы основные признаки демократии.

Утверждение, что в тоталитарных странах экстремизма нет, соответствует действительности. Только надо учесть, что тоталитарное государство, устанавливая жесткий порядок, само является экстремистским и совершает экстремистские преступления. Это является его постоянной практикой и формой существования, без них оно не в состоянии обойтись.

Наивно думать, что демократия сама по себе обеспечивает должный порядок в обществе и защищает от экстремистских вспышек. Как правило, демократические институты господствуют в экономически и социально развитых странах. Из этого следует неизбежный вывод, что экономическое и социальное обеспечение населения тоже является надежным профилактическим заслоном для блокирования экстремистских преступлений. Но и этого недостаточно, поскольку всегда найдутся люди или группы людей, которые будут недовольны своим положением и пожелают изменить его с помощью экстремистского насилия. При этом совсем не исключено, что среди них окажутся психически неполноценные лица, недовольные любым строем или политическим режимом и готовые использовать маломальский предлог для бурного и противоправного протеста.

Для подавления экстремизма в демократических и экономически развитых странах имеются спецслужбы, действующие на прочной профессиональной основе. Это тоже необходимый элемент в деле борьбы с экстремизмом.

Литература

¹ Шанхайская организация сотрудничества в документах. М., 2006. С. 10–22.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031; 2006. № 31. Ст. 3447, 3452; 2007. № 21. Ст. 2457. № 31. Ст. 4008.

³ Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона / под ред. А.С. Зайналабидова, В.В. Черноуса. Ростов н/Д, 2003. С. 79, 87.

⁴ *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм, сущность и особенности проявления // СОЦИС. 2008. № 5. С. 3.

⁵ Исследования проводил отдел социологии молодежи ИСПИ РАН в 12 регионах РФ (N=2012 человек; возраст – 15–29 лет). Руководитель В.И. Чупров (2002 г.); (N=2000 человек; возраст – 14–29 лет). Руководители М.К. Горшков и Ю.А. Зубок (2006 г.).

⁶ *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Указ. соч. С. 41.

⁷ *Gouldner A.* The coming crisis of Western Sociology. N.Y., 1970. P. 5–8.

⁸ *Завражин С.А., Хартанович К.В.* Новое поколение на периферии: конформисты или девианты? // СОЦИС. 1993. № 8. С. 55–57.

⁹ Москвичи о проблемах безопасности и жизнеобеспечения столицы: Материалы комплексного социологического исследования // Вестн. Моск. ун.-та. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 2. С. 157–158.

¹⁰ Здесь и далее цит. по: *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Указ. соч. С. 42–45.

¹¹ В Москве – мэру, Мосгордуме, правительству Москвы и префектурам.

¹² По данным А.И. Кравченко: Потребность молодежи в самоорганизации // <http://www.fesmos.ru/file_6.html>.

¹³ См.: *Розенко С.В.* Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1. С. 128; *Сабов Д.* Расовая борьба вместо классовая // Огонек. 2005. № 48. С. 26–27.

¹⁴ *Cavan R.S.* The Concepts of Tolerance and Contraculture as Applied to Delinquency // The Sociological Quarterly. 1961. Vol. 2. October. P. 243–258.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Ильясов Ф.Н.* Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв // СОЦИС. 2006. № 7. С. 80.

¹⁷ *Сардар З., Девис М.В.* Почему люди ненавидят Америку?: пер. с англ. М., 2003. С. 135–135.

¹⁸ *Баишкатов И.П.* Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. М. – Воронеж, 2002. С. 92.

¹⁹ См.: *Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В.* Криминальная сексология. М., 1999. С. 105.

²⁰ См.: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1999. С. 432.

²¹ См.: *Мейтин А.А.* Преступления футбольных болельщиков. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение. М., 2005. С. 49.

²² По материалам пресс-службы ГУВД г. Москвы.

²³ *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Указ. соч. С. 46–47.

²⁴ *Грызлов Б.* Экстремизм как угроза суверенной демократии // Рос. газ. 2006. 15 дек.

²⁵ *Коришунова О.Н.* Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб., 2006. С. 151.

²⁶ См.: *Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А.* К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 20.

²⁷ См.: *Паин Э.А.* Этнополитическая ситуация в современном российском обществе: куда движется этнополитический маятник? // Проблемы формирования толерантности, преодоления ксенофобии и этни-

ческого экстремизма в российском обществе. Материалы «круглого стола» 27 января 2005 г. Ярославль, 2005. С. 26.

²⁸ Сысоев А. Криминологический анализ личности осужденного за преступления экстремистской направленности // Уголов. право. 2008. № 3. С. 105.

²⁹ The Moscow News. 2005. 14–20 September.

³⁰ См.: Кочои С. О противодействии экстремизму // Уголов. право. 2006. № 2. С. 102–103, 106.

³¹ См.: Кутыин А. Виктимология миграционных процессов в России // Уголов. право. 2006. № 2. С. 35.

³² См.: Паин Э.А. Указ. соч. С. 28.

³³ См.: Телехов М. 200 рублей без экстремизма // Рос. газ. 2004. 23 нояб.

³⁴ См.: МВД предлагает ужесточить наказание за экстремизм. <top.rbc.ru/index.shtml?/news/society/2006/10/25121156_bod.shtml>.

³⁵ По сообщению МВД РФ. <<http://lenta.ru>>.

³⁶ См.: Известия.Ру. <http://www.1917.com>.

³⁷ См.: Потребность молодежи в самоорганизации (2005 г.). <http://www.fesmos.ru/file_6.html>.

³⁸ См.: Robert S. Eliot From Stress to Strength. N.Y., 1999. P. 18.

³⁹ См.: Франк С.Л. Этика нигилизма // Новое время. 1990. № 3. С. 43.

⁴⁰ См.: Башкатов И.П., Стрелкова Т.С. Указ. соч. С. 143.

⁴¹ См.: Сергейчик С.И. Парадоксальные аспекты гражданской социализации молодежи в условиях модернизации российского общества // Гражданин и право. 2006. № 3. С. 15.

⁴² См.: Ханипов Р.А. Деликвентность: современные подростковые сообщества и насильственные практики // СОЦИС. 2007. № 12. С. 98, 100.

⁴³ См.: Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика групповой преступности. Казань, 1999. С. 14–22.

⁴⁴ Ханипов Р.А. Указ. соч. С. 99.

⁴⁵ Не нужно объяснять, что большинство из них лишь адаптирует для местной аудитории соответствующие стилистические решения и образы иностранной массовой культуры.

⁴⁶ См.: *Исхакова Н.Р., Болтачев Р.Р.* Музыкальные предпочтения молодежи // СОЦИС. 2006. № 6. С. 103–104.

⁴⁷ *Захаров А.В.* Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопр. философии. 2003. № 9. С. 14.

⁴⁸ См.: *Клоуард Р., Оулин Л.* Дифференциация субкультуры: Социология преступности. М., 1966. С. 334.

⁴⁹ См.: *Тарасов А.Н.* Молодежь как социальный бульдозер. <<http://lomleft.narod.ru/press/le003/0008-ru.htm>>; Русские дети Че Гевары и Джерри Рубина. <<http://screen.ru/Tarasov/Mtimes-rov.htm>>.

⁵⁰ *Мейтин А.А.* Указ. соч. С. 116–117.

⁵¹ *Сагалаев А.Л.* Исследования подростково-молодежных делинквентных сообществ (группировок) в России и бывшем СССР: Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии. М., 2005. С. 191.

⁵² *Башкатов И.П., Стрелкова Т.С.* Характеристики молодежно-подросткового граффити // СОЦИС. 2006. № 11. С. 144–145.

⁵³ *Стешин Д.* Кто сделал «столицу фашизма» из города-героя на Неве? // Комсом. правда. 2006. 4 июля.

⁵⁴ См.: *Дашаев Р.Х.* Портрет личности участника современной религиозной террористической деятельности: «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 6. С. 228.

⁵⁵ См.: Там же. С. 226–227.

⁵⁶ См.: *Сысоев А.* Указ. соч. С. 107–109.

⁵⁷ См.: Там же. С. 105.

⁵⁸ См.: *Ариба О.И.* Современный правый экстремизм в Европе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 4. С. 6–9.

⁵⁹ *Шмелев А.А.* Молодежные культурные и социальные движения в России // СОЦИС. 1998. № 8. С. 103–109.

⁶⁰ *Денисов И.Л., Рыбалкина О.П.* Несовершеннолетние наркоманки: криминологический анализ и профилактический контроль. М., 2001. С. 23.

⁶¹ См.: *Мейтин А.А.* Указ. соч. С. 49.

⁶² См.: *Васильев В.Л.* Юридическая психология: учебник. 3-е изд. СПб., 2000. С. 399–400; *Мейтин А.А.* Указ. соч. С. 116–117.

⁶³ См.: *Мейтин А.А.* Указ. соч. С. 112.

⁶⁴ *Шестаков С.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений участников молодежных группировок по месту жительства. Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 26–27 августа 2005 г. М., 2006. С. 133–134.

⁶⁵ <www.patriots.times.lv>.

⁶⁶ См.: *Hassner P.* La violence et la paix. De la bombe atomique au nettoyage ethnique. Edition Esprit, 1995.

⁶⁷ См.: *Tutt N.* (ed.). Violence. L., 1976. P. 613.

⁶⁸ *Симонов П.* Знание – против зла // Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979. С. 269.

⁶⁹ *Kressel N.* Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996. P. 252–253.

⁷⁰ См.: *Goldstein A., Segall M.* (eds.) Aggression in Global Perspective. Pergamon Press, 1983. P. 23.

⁷¹ *Бассин Ф.* Тяжкое бремя легких аналогий // Диалоги. М., 1979. С. 51, 55.

⁷² См.: *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 350–405, 623.

⁷³ *Парсонс Т.* Общий обзор // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 375.

⁷⁴ *Гернет М.Н.* Избранные произведения. М., 1974. С. 111.

⁷⁵ См.: Там же. С. 119.

⁷⁶ Там же. С. 375.

⁷⁷ Цит. по: *Денисов В.В.* Проблема социального насилия в современной буржуазной философии // Вопр. философии. 1973. № 11. С. 156.

⁷⁸ *Белл Д.* Преступление как американский образ жизни: Социология преступности. М., 1966. С. 267.

⁷⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 446.

⁸⁰ См.: *Гернет М.Н.* Указ соч. С. 306–310, 449–459; *Podgyrecki A.* *Patalogia jcia społecznego.* Warszawa, 1969.

⁸¹ Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / под ред. А.Б. Сахарова. М., 1979. С. 29–30.

⁸² См.: *Коробейников Б.В., Селиванов Н.А., Скворцов К.Ф.* Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Совет. государство и право. 1982. № 1.

⁸³ *Симонов П.В.* Детерминизм и свобода выбора: Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1982. С. 105.

⁸⁴ См.: *Фокс В.* Введение в криминологию. М., 1980. С. 241–242.

⁸⁵ См.: *Погам С.* Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология. 1999. С. 140–156.

⁸⁶ См.: *Lenoir R.* *Les exclus, un français sur dix.* Paris – Seuil, 1974.

⁸⁷ *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. С. 94–108.

⁸⁸ *Купер Р.* Россия, Запад и глобальная цивилизация // Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М., 2003. С. 30; *Moran T.* On the Theoretical and Methodological Context of Cross-National Inequality Data // *International Sociology.* 2003. Vol. 18. № 2. P. 351–378.

⁸⁹ *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М., 1998. С. 360, 447.

⁹⁰ См.: Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М., 2005. С. 261.

⁹¹ См.: *Ольков С.Г.* О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73–78.

⁹² См.: *Скифский И.С.* Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007.

⁹³ См.: *Юзиханова Э.Г.* Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

⁹⁴ Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 15.

⁹⁵ См.: Все страны мира (2005). Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. № 93. М., 2005.

⁹⁶ См.: Там же.

⁹⁷ См.: Newman G. (ed.) *Global Report on Crime and Justice*. Oxford University Press, 1999. P. 124.

⁹⁸ См.: *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007. С. 374–376.

⁹⁹ <<http://www.regnum.ru/news/801388.html>>.

100 Подробнее см.: Пределы толерантности в современном обществе. СПб., 2003; Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обществе. СПб., 2004; Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб., 2005; Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб., 2006.

¹⁰¹ Московские новости. 2005. 1–7 апреля. С. 18.

¹⁰² См., например: *Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В.* Политическая ксенофобия. М., 1999; Другой – чужой – враг // Индекс: досье на цензуру. 2005. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизм в России. М., 2005; № 22; Ксенофобия и другие формы нетерпимости. Природа, причины и пути устранения. СПб., 2007; Язык вражды против общества. М., 2007.

¹⁰³ Новая газета. 2005. 10–13 марта. С. 11.

¹⁰⁴ См.: *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3–4.

¹⁰⁵ *Яницкий О.Н.* Модерн и его отходы // Социол. журн. 2004. № 1–2. С. 205.

¹⁰⁶ См.: Доклад о мировом развитии. 2005. С. 261.

¹⁰⁷ См.: Состояние преступности в России за 2003 г. М., 2004. С. 19.

¹⁰⁸ Новая газета. 2005. 21–23 марта. С. 21.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ См.: *Jacobs J., Potter K.* Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998. P. 4.

¹¹¹ См.: *Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives*. Warsawa, 2005; *Hall N. Hate Crime*. Willan Publishing, 2005; *Jacobs J., Potter K.* Op. cit.; *Levin J., McDevitt J. Hate Crimes. The Rising Tide of Bigotry and Bloodshed*. Plenum Press, 1993; *Ramberg I. Islamophobia and its consequence on Young People*. Budapest, 2004.

¹¹² См.: *Бабиченко К.Н.* Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

¹¹³ *Jacobs J., Potter K.* Ibid. P. 27.

¹¹⁴ См.: *Hall N.* Ibid. P. 1–9.

¹¹⁵ См.: *Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / под ред. А.К. Соболева*. М., 2005.

¹¹⁶ См.: *Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia, 1948; *Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia, 1953.

¹¹⁷ Ю.М. Антонян высказывает сомнения по поводу того, что Я.И. Гилинский прав, осуждая запреты на демонстрации геев: такая демонстрация – пропаганда гомосексуализма, что недопустимо. Но это не значит, что гомосексуалисты должны подвергаться преследованию.

¹¹⁸ См.: *Mullen P., Pathe M., Purcell R. Stalkers and their Victims*. Cambridge University Press, 2000; *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006.

¹¹⁹ См.: *Бабиченко К.Н.* Указ. соч. С. 128.

¹²⁰ См.: *Лихачев В.* *Нацизм в России*. М., 2002; *Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России*. М., 2005; *Национализм и расизм в России // Pro et Contra*. 2005. Т. 9. № 2 (29); *Верхи и низы русского национализма*. М., 2007.

¹²¹ См.: *Новая газета*. 2005. 4–6 апр. С. 22.

¹²² См.: *Новая газета*. 2006. 17–19 июня. С. 10.

¹²³ См.: *Верхи и низы русского национализма*. С. 111; *Новая газета*. 2008. 3–5 марта. С. 3.

¹²⁴ См.: Новая газета. 2008. 10–13 апр. С. 11.

¹²⁵ См.: Новая газета. 2008. 3–5 марта. С. 3.

¹²⁶ См.: *Долгова А.И.* Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятия, анализ, динамика // *Экстремизм и другие криминальные явления.* М., 2008.

¹²⁷ См.: *Бурковская В.А.* К вопросу о методологии изучения факторов молодежного экстремизма // *Проблемы противодействия молодежному экстремизму.* М., 2007.

¹²⁸ *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 38.

¹²⁹ Там же. С. 41.

¹³⁰ См.: *Гумилев Л.Н., Иванов К.П.* Этносфера и космос // *Космическая антропоэкология: техника и методы исследований (Материалы II Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии.* Ленинград, 1984 г.). Л., 1988.

¹³¹ *Аристотель.* Поэтика. Пер. Н.И. Новосадского. Л., 1927. С. 111–113.

¹³² *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. СПб., 1992.

¹³³ *Гумилев Л.Н.* География этноса... С. 94.

¹³⁴ См.: *Бондаренко С.В.* Социальная система киберпространства как новая социальная общность. Сайт «Психология в Интернете», 2003.

* Блог (англ. *blog*, от *web log* – «сетевой журнал или дневник событий») – веб-сайт с регулярно добавляемыми записями, изображениями или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости. Блоггерами называют людей, ведущих блоги. Совокупность всех блогов сети принято называть блогосферой.

** Флешмоб (англ. *flash mob* – *flash* – вспышка, миг, мгновение; *mob* – толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») – заранее спланированная эпатажная массовая акция, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в общественном месте. В течение нескольких минут люди с серьезным видом выполняют заранее оговоренные действия абсурдного содержания (сценарий) и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны. Психологический принцип флешмоба заключается в том, что мобберы создают не-

понятную, абсурдную ситуацию, но ведут себя в ней, как во вполне нормальной и естественной.

¹³⁵ См.: *Тернон И.* Размышления о геноциде / Рос. бюл. по правам человека. Вып. 8. М., 1996. С. 75.

¹³⁶ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 96 (1). Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября по 15 декабря 1946 г. N.Y., 1947. Сборник международных договоров. Т. 1. Ч. 1, 2. Универсальные договоры. ООН. N.Y., 1994.

¹³⁷ См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г. Сборник международных договоров. Т. 1. Ч. 1, 2. Универсальные договоры. ООН. N.Y., 1994.

¹³⁸ См.: *Соломатин Ю.П.* Геноцид, старший брат люстрации, шагает по планете // Академия Тринитаризма. 2005. № 77-6567, публ. 12428.

¹³⁹ См.: *Шифман И.Ш.* Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 43.

¹⁴⁰ См.: *Ревяко К.А.* Пунические войны. Минск, 1988.

¹⁴¹ *Алчеев И.* Черные спартанцы // Вокруг света. 1994. № 9.

¹⁴² *Вртанесян К., Палян А.* Акты геноцида в истории человечества <www.genocide.ru>.

¹⁴³ *Плавинская Н.Ю.* Вандея. Исторический лексикон. XVIII век. М., 1996.

¹⁴⁴ *Мухин Г.И.* Австралия и Океания. 2-е изд. М., 1967. С. 58.

¹⁴⁵ *Тернон И.* Указ. соч. С. 80.

¹⁴⁶ См.: Там же.

¹⁴⁷ *R. Drinnon.* The American Indian: The First Victim. Univ. of Massachusetts Press, 1972.

¹⁴⁸ См.: *Иноземцев В.* Интервью с Хобсбаумом Э. Дж. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России // Свобод. мысль XXI. 2004. № 9. С. 3–14.

¹⁴⁹ См.: *Вртанесян К., Палян А.* Указ соч.

¹⁵⁰ См.: Нюрнбергский процесс: в 8 т. Т. 3. М., 1999.

¹⁵¹ См.: Там же.

¹⁵² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. М., 1980. С. 383.

¹⁵³ См.: *Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М. – Л., 1950. С. 301.

¹⁵⁴ См.: Доклад ООН A/62/314.

¹⁵⁵ См.: Полковник конголезской национальной армии и бывший лидер повстанцев передан в руки международного правосудия. <www.news.bbc.co.uk>.

¹⁵⁶ См.: Доклад ООН A/63/210.

¹⁵⁷ См.: Доклад ООН S/2008/322.

¹⁵⁸ См.: ООН: все готово к суду над «красными кхмерами». <www.news.bbc.co.uk>.

¹⁵⁹ См.: Преступления века: пер. с англ. Популярная энциклопедия. Энциклопедия мировых сенсаций XX века. Т. 1 / Авт.-сост. А. Холл. Минск, 1995.

¹⁶⁰ См.: *Громько А.А., Ковалева А.Г., Севостьянова П.П.* Пакт Брианна–Келлога. Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1985. С. 7.

¹⁶¹ См.: *Pella V.* Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite. Geneve, 1957.

¹⁶² См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 123.

¹⁶³ См.: «Больше никогда»: предупреждение геноцида и наказание виновных. <www.un.org>.

¹⁶⁴ См.: *Вртанесян К., Палян А.* Указ. соч.

¹⁶⁵ См.: Австралия хочет извиниться перед аборигенами. <www.news.bbc.co.uk>.

¹⁶⁶ См.: *Тернон И.* Указ. соч. С. 81.

¹⁶⁷ См.: Албания стала 17-м государством, согласившимся принять в своих тюрьмах осужденных МТБЮ. <www.un.org>.

¹⁶⁸ См.: Доклад ООН S/2007/323.

¹⁶⁹ «Больше никогда»: предупреждение...

¹⁷⁰ *Решетников М.М.* Психопатология героического прошлого и будущие поколения // Прикладная психология. 1998. № 4. С. 36–42.

¹⁷¹ *Решетников М.М.* Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия) // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии

антитеррора. Материалы 1-й Всероссийской конференции. СПб., 2004. С. 37–64.

¹⁷² См.: *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. М., 2006.

¹⁷³ См.: Там же.

¹⁷⁴ См.: *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: учеб. для вузов. М., 2006.

¹⁷⁵ См.: *Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю.М. Антоняна.* М., 2008.

¹⁷⁶ См.: *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1998.

¹⁷⁷ *Решетников М.М.* Клинический метод...

¹⁷⁸ *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 2. Практика. М., 1996.

¹⁷⁹ *Томэ Х., Кэхеле Х.* Указ. соч. С. 482.

¹⁸⁰ *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. Образ врага. М., 2005. С. 7–80.

¹⁸¹ *Джонсон С.М.* Психотерапия характера. Практическое руководство. М., 2005.

¹⁸² См.: *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. СПб., 1997.

¹⁸³ См.: *Эриксон Э.* Детство и общество. М., 1996.

¹⁸⁴ См.: *Винникот Д.В.* Разговор с родителями. М., 1995.

¹⁸⁵ См.: *Мак-Вильямс Н.* Указ. соч.

¹⁸⁶ См.: *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1998.

¹⁸⁷ См.: *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России: «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004. Т. 2. С. 47.

¹⁸⁸ См.: *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 28.

¹⁸⁹ См.: Там же. С. 29–30.

¹⁹⁰ Блестящее определение национализма дал Фазиль Искандер: «Национализм — это когда свинья вместо того, чтобы чесаться о забор, чешется о другую свинью».

- ¹⁹¹ См.: *Шугуров М.В.* Человек: бытие и отчуждение. Опыт антропологической герменевтики. Саратов, 1999. С. 23.
- ¹⁹² См.: *Адлер Г.* Предисловие // Глубинная психология и новая этика. СПб., 1999. С. 7–8.
- ¹⁹³ См.: *Нойманн Э.* Глубинная психология и новая этика. СПб., 1999. С. 54.
- ¹⁹⁴ См.: *Зверев А.Л.* Образ «Другого» в полиэтнических регионах России. Политическая психология: хрестоматия. М., 2007. С. 207.
- ¹⁹⁵ См.: *Гудков Л.* Идеология «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 11–12.
- ¹⁹⁶ См.: *Лучицкая С.И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 198.
- ¹⁹⁷ См.: Там же. С. 199–200.
- ¹⁹⁸ См.: Демографическая модернизация в России / под ред. А.К. Вишневого. СПб., 2006. С. 343.
- ¹⁹⁹ См.: *Петровский-Штерн Й.* «Враг рода человеческого»: антинаполеоновская пропаганда и «Протоколы сионских мудрецов» // Образ врага. М., 2005. С. 126.
- ²⁰⁰ См.: *Молоствов А.В.* Представления осужденных о жертвах преступлений: диагностика и коррекция: автореф. ... дис. канд. психол. наук. Рязань, 2006. С. 14–15.
- ²⁰¹ Цит. по: *Адамс М.В.* Архетипическая школа // Кембриджское руководство по аналитической психологии / под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Доусона. М., 2000. С. 177–178.
- ²⁰² См.: Там же. С. 178.
- ²⁰³ См., например: *Авдеев В.Б.* Философия вождизма. М., 2006.
- ²⁰⁴ См.: *Ясперс К.* Власть массы // *Ясперс К., Бодрийар Ж.* Призрак толпы. М., 2007. С. 45.
- ²⁰⁵ См.: *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 59–60.
- ²⁰⁶ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 128–129.
- ²⁰⁷ См.: Там же. С. 131.

²⁰⁸ В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. — «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации».

²⁰⁹ Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достоинства и недостатки (научно-практическая конференция) // Государство и право. 2006. № 9. С. 108.

²¹⁰ Исходные данные получены из формы № 450 — отчет о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях (статистическая отчетность ГИАЦ МВД России).

²¹¹ См.: Прокуратура хочет цензуры // Моск. комсомолец. 2008. 1 окт.

²¹² См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Ст. 1.

²¹³ Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Ростов н/Д, 2004. С. 84.

²¹⁴ Боголюбова Т.А. Расследование и предупреждение преступлений, предусмотренных статьей 280 УК РФ. Курск, 2004. С. 63.

²¹⁵ См.: Рябчук В.Н. Уголовная ответственность за публичные призывы к насильственным действиям против советского государственного и общественного строя // Правоведение. 1991. № 2. С. 92.

²¹⁶ См.: Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М., 2003. С. 243.

²¹⁷ См., например: Бурковская В.А. Спорные вопросы криминализации форм экстремизма // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов в условиях административной и судебно-правовой реформы. Сборник статей (по материалам III научно-практической конференции молодых ученых). М., 2005. С. 54.

²¹⁸ См.: Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 49.

²¹⁹ См.: Степанов Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 78.

²²⁰ См.: *Фридинский С.Н.* Указ. соч.

²²¹ См.: *Бурковская В.А.* Проблемы определения объектов составов преступлений, предусматривающих ответственность за организованные формы экстремистской деятельности (ст. 239, 282.1, 282.2 УК РФ) // Проблемы уголовного, уголовно-процессуального законодательства и практики его применения: сборник научных трудов. М., 2007. С. 16–17.

²²² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

²²³ См.: *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 89; *Он же.* Борьба с групповой преступностью средствами уголовного закона. Саратов, 1999. С. 48.

²²⁴ См.: *Тюнин В.* Организация экстремистского сообщества // Уголов. право. 2006. № 3.

²²⁵ См.: *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Саратов, 2007. С. 73–74.

²²⁶ См.: *Цветков Ю.А.* Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 79–80.

²²⁷ См.: *Завидов Б.Д.* Комментарий преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ).

²²⁸ См.: *Фридинский С.Н.* Указ. соч. С. 83.

²²⁹ См.: *Хлебушкин А.Г.* Указ. соч. С. 77–78.

²³⁰ *Фридинский С.Н.* О совершенствовании уголовно-правовых мер борьбы с осуществлением экстремистской деятельности // Законность. 2008. № 7.

²³¹ См.: *Гюнтер Г.Ф.К.* Избранные работы по расологии. 2-е изд., доп., илл. М., 2005. С. 41.

²³² См.: Там же. С. 45.

²³³ Там же. С. 47.

²³⁴ Там же. С. 105–106.

²³⁵ См.: Там же. С. 159.

²³⁶ Там же. С. 178.

²³⁷ *Авдеев В. Б.* Расология. Наука о наследственных качествах людей. М., 2005. С. 71.

²³⁸ Там же. С. 72.

²³⁹ *Авдеев В.* Философия вождизма // Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению / под ред. В. Б. Авдеева. М., 2006. С. 3.

²⁴⁰ Там же. С. 26.

²⁴¹ Там же. С. 53.

²⁴² См.: Там же. С. 56–62.

²⁴³ См.: Там же. С. 63.

Научное издание

ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРИЧИНЫ

Монография

Ответственная за выпуск *Э.Б. Шейхуллина*

Редактор *С.А. Чегодаева*

Корректор *С.А. Чегодаева*

Компьютерная верстка *И.В. Кравченко*

Оформление *И.В. Кравченко*

Подписано в печать 02.04.2010. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 18.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательская группа «Логос»
123104, Москва, Б. Палашевский пер., д. 9, стр. 1

По вопросам приобретения литературы обращаться по адресу:
111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31
Тел./факс: (495) 645-89-24
Электронная почта: universitas@mail.ru
Дополнительная информация на сайте: <http://www.logosbook.ru>